

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Tom I.
Rok 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА Дзяржаўнага ўніверсітэта
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.
Электронная версия номера размещена на сайте: <https://journals.psu.by/humanities>

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой,
ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 41, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск В.Е. Овсейчик.
Редактор И.Н. Чапкевич.

Подписано к печати 05.08.2026. Бумага офсетная 80 г/м². Формат 60×84^{1/8}. Ризография.
Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 12,99. Тираж экз. Заказ 350.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 904:739.1(476.5-21)"17"

DOI 10.52928/2070-1608-2026-79-3-2-5

НОВЫЕ ДАННЫЕ ПО ХИМИЧЕСКОМУ СОСТАВУ
ИЗДЕЛИЙ ИЗ ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ XVII В. С ТЕРРИТОРИИ ПОЛОЦКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК 2025 г. НА ОСТРОВСКОМ ПОСАДЕ)

канд. ист. наук, доц. И.В. МАГАЛИНСКИЙ
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье представлены результаты анализа данных о химическом составе изделий из цветных металлов XVII в., происходящих из материалов археологических раскопок 2025 г. на территории Островского посада Полоцка. Автором установлено, что наиболее распространенной группой цветных металлов в исследованной выборке являются легкоплавкие сплавы и нелегированные легкоплавкие металлы, которые составляют 44% от общего числа исследованных образцов. Существенное распространение имели свинцовые латуни (28%) с низкими и средними концентрациями Zn, а также оловянно-свинцовые и свинцовые бронзы (19%) с преимущественно низким содержанием олова и свинца. Выявленные закономерности существенно отличаются от данных с других синхронных памятников на территории Северной и Центральной Беларуси, что автор связывает с периферийностью территории Островского посада Полоцка, а также характером и назначением построек, в пределах которых преимущественно и встречается культурный слой в данной части памятника.

Ключевые слова: археология Полоцка, Островской посад, ювелирное ремесло, естественнонаучные методы.

Введение. Археологические артефакты из цветных металлов являются важным источником по истории эволюции техники и технологии ювелирного ремесла, отражают общий уровень ремесленного производства, а также указывают на культурно-экономические связи отдельных регионов в древности. Исследования данной категории находок в настоящее время не ограничиваются только изучением их морфологических особенностей и установлением типологических отличий, однако включают также применение междисциплинарных подходов. Для получения наиболее полной картины развития технологии цветной металлообработки в современной археологической науке используются металлографический и трасологический методы, а также анализ химического состава артефактов.

В настоящей работе представлены результаты анализа данных о химическом составе 32 артефактов, происходящих из материалов археологических раскопок 2025 г. на территории Островского посада Полоцка. Уникальность исследуемых предметов заключается в их надежной датировке по монетным материалам преимущественно в пределах второй половины XVII в.

Основная часть. Островской посад Полоцка, расположенный на левом берегу реки Западная Двина, впервые упоминается в источниках в 1552 г. Также известно, что в 1632–1633 гг. эта территория вошла в состав Кривцова посада [1, с. 212–213]. Археологические исследования на территории Островского посада начались в 1950-х гг. и были в основном связаны с изучением его центральной и восточной частей [1, с. 212; 2; 3]. Таким образом, западная часть памятника до недавнего времени оставалась малоизученной.

В июле 2025 г. экспедицией Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой в рамках археологической практики студентов-историков в северо-западной части Островского посада с целью изучения специфики культурного слоя и особенностей материальной культуры был заложен раскоп размером 4×4 м, который впоследствии был расширен в восточном и северо-восточном направлениях путем прирезки (общая площадь 28 м²). Раскопки проводились на основании Открытого листа № 4642, выданного на имя к.и.н., доцента, доцента кафедры истории и социогуманитарных наук университета И.В. Магалинского. В ходе работ был зафиксирован комплекс материковых ям, преимущественно хозяйственного назначения, в которых были обнаружены многочисленные элементы материальной культуры XVII в.

В результате установлено, что культурный слой в этой части города неоднороден и достигает своей наибольшей мощности (до 1,4 м) в материковых ямах, которые маркируют относительно редко расположенные комплексы построек. Найденные в ходе работ артефакты позволяют предположить существование на месте раскопа корчмы, которая могла функционировать во второй половине XVII в., что подтверждается многочисленными нумизматическими находками, а также общим характером материальной культуры.

Для изучения химического состава изделий нами были отобраны все находки из цветных металлов, обнаруженные в ходе работ, за исключением монет. Из 32 артефактов, для которых изучался элементный состав, 7 предметов относятся к предметам вооружения, 2 – к сырьевому металлу, 13 – к категории украшений и деталей одежды, 8 – к предметам хозяйственного и бытового назначения (рисунки 1, 2).

Исследование химического состава артефактов проводилось в учебно-исследовательской лаборатории археологии, этнографии и антропологии Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой автором настоящей работы по методу рентгенофлуоресцентного спектрального анализа на портативном РФА-спектрометре Vanta C. Методика проведения исследования, принцип работы спектрометра и преимущества рентгенофлуоресцентного анализа описывались нами ранее [4, с. 3–4].

1-5 перстни; 6 – накладка; 7, 10-11 – заклепки;
8 – накладка; 9, 12 – пуговицы

Рисунок 1. – Археологические находки из цветных металлов XVII в. из материалов раскопок на Островском посаде в 2005 г.

1-7 – упоры рукоятей ножей; 8 – пряжка;
9 – изделие; 10 – наперсток; 11 – колечко

Рисунок 2. – Изделия из цветных металлов XVII в. из материалов раскопок на Островском посаде в 2005 г.

В результате установлено, что в выборке присутствуют *латуни* (9 образцов), *многокомпонентные сплавы* (4 образца), *бронзы* (6 образцов), «*чистая медь*» (1 образец), а также *легкоплавкие металлы и их сплавы* (14 образцов) (таблица).

Таблица. – Химический состав изделий из цветных металлов XVII в. из археологических раскопок 2025 г. на территории Островского посада Полоцка

№ п/п	Название предмета	Химический элемент, %				Тип сплава
		Cu	Zn	Sn	Pb	
1	2	3	4	5	6	7
1	Пуговица	95,28	1,94	0	2,27	Латунь свинцовая (Рис. 1: 12)
2	Упор рукояти ножа	84,84	3,2	0	6,37	Латунь свинцовая (Рис. 2: 7)
3	Упор рукояти ножа	68,52	3,38	17,84	1,93	Многокомпонентная бронза (Рис. 2: 5)
4	Упор рукояти ножа	93,88	2,93	0	2,26	Латунь свинцовая (Рис. 2: 1)
5	Пуля	0,07	0	0	90,1	Чистый свинец
6	Пуля	0,06	0	0	95,76	Чистый свинец
7	Изделие	0,01	0,01	4,33	94,45	Сплав свинца с оловом
8	Пуля	0,046	0,029	0	96,55	Чистый свинец
9	Заклепка	97,18	0,089	0,079	1,0	Свинцовая бронза (Рис. 1: 10)
10	Перстень	66,56	4,06	3,61	21,41	Многокомпонентная латунь (Рис. 1: 4)
11	Упор рукояти ножа	81,84	7,49	0	7,58	Латунь свинцовая (Рис. 2: 2)
12	Перстень	0,164	0,064	54,33	44,18	Сплав олова со свинцом (Рис. 1: 3)
13	Пуля	0,042	0,038	0	98,52	Чистый свинец
14	Заклепка	41,16	52,8	0,16	4,27	Латунь свинцовая (Рис. 1: 7)
15	Упор рукояти ножа	74,11	8,79	1,96	9,18	Многокомпонентная латунь (Рис. 2: 3)
16	Упор рукояти ножа	70,41	10,86	0,14	17,86	Латунь свинцовая (Рис. 2: 4)
17	Пуговица	97,95	0	0	0,05	Чистая медь
18	Накладка	62,6	2,35	9,65	19,7	Многокомпонентная бронза (Рис. 1: 6)

Окончание таблицы.

1	2	3	4	5	6	7
19	Заклепка	85,5	0	6,26	5,04	Оловянно-свинцовая бронза (Рис. 1: 11)
20	Накладка	81,56	0,62	5,09	6,26	Оловянно-свинцовая бронза (Рис. 1: 8)
21	Оплавок	92,2	0,12	0,395	2,61	Свинцовая бронза
22	Наперсток	68,43	6,08	0	16,12	Латунь свинцовая (Рис. 2: 10)
23	Пуля	0,02	0,02	0	97,46	Чистый свинец
24	Изделие	0,025	0,021	3,44	95,2	Сплав свинца с оловом (Рис. 2: 9)
25	Перстень	0,169	0,091	52,98	43,65	Сплав олова со свинцом (Рис. 1: 1)
26	Перстень	68,47	0,262	14,49	11,05	Оловянно-свинцовая бронза (Рис. 1: 2)
27	Пуля	0,068	0	0,98	97,72	Чистый свинец
28	Пуля	0,024	0,014	0	98,9	Чистый свинец
29	Упор рукояти ножа	75,78	3,18	0	9,34	Латунь свинцовая (Рис. 2: 6)
30	Колечко	84,83	8,25	0,19	5,51	Латунь свинцовая (Рис. 1: 10)
31	Перстень	1,14	0	97,37	0,13	Сплав олова с медью (Рис. 1: 5)
32	Пряжка	86	0	3,4	3,42	Оловянно-свинцовая бронза (Рис. 2: 8)

Среди **медно-цинковых сплавов** встречены только изделия из **свинцовой латуни** (CuZnPb) (9 экз., 28% выборки). Содержание цинка в предметах не превышает 10,86% (1,94 – 3,2% – 4 образца, 6,08 – 10,86% – 4 образца). Кроме того, в составе одного артефакта выявлено 52,8% Zn. Концентрация свинца в образцах также преимущественно не превышает 9,34% (2,26 – 4,27% – 3 экз., 5,51 – 9,34% – 4 экз.).

Наибольшим количеством среди артефактов из свинцовой латуни представлены изделия хозяйственного и бытового назначения (6 экз.), преимущественно упоры рукоятей ножей (5 экз.), встречены также украшения и детали одежды (2 экз.), а также один предмет неустановленного назначения.

Таким образом, медно-цинковые сплавы составляют существенную долю выборки. При этом следует отметить, что концентрации цинка в сплавах редко превышают 10%. Данное обстоятельство, а также наличие в коллекции только одного изделия с высоким содержанием Zn (более 50%) являются косвенным подтверждением датирования исследованных артефактов преимущественно второй половиной XVII в. Это объясняется постепенным распространением металлического цинка в европейской и российской цветной металлообработке только с начала XVIII в., что сделало возможным увеличение концентрации Zn в сплавах свыше 30% [5, с. 129; 6, с. 45–149].

Среди изделий из **бронзы** встречены оловянно-свинцовые и свинцовые бронзы (6 образцов, 19% выборки).

Оловянно-свинцовые бронзы (CuSnPb) обнаружены в составе 4 образцов. Концентрации олова в предметах в основном низкие. Так, в составе 3 экз. содержание Sn находится в пределах 1–5% и только в одном образце (перстень) зафиксировано 14,49% этого легирующего элемента. Концентрация свинца в образцах также, как правило, не превышает 6,26% (3 экз.). Только в составе перстня зафиксировано 11,05% Pb.

Среди исследованных предметов из оловянно-свинцовой бронзы изготовлены украшения и детали одежды (пряжка, накладка, заклепка и перстень).

Изделия из **свинцовой бронзы** (CuPb) (2 образца) представлены заклепкой и оплавком с низкими концентрациями свинца (1 и 2,61% соответственно).

Таким образом, изделия из бронз продолжают играть заметную роль в цветной металлообработке на территории Полоцка в XVII в. Среди подобных сплавов наиболее часто встречаются оловянно-свинцовые и свинцовые бронзы, что также было характерно для X–XIII вв. [7, с. 3]. Следует также отметить, что исследованные образцы отличаются низкими концентрациями в сплавах олова и свинца, что в целом не характерно для синхронных выборок с территории Северной и Центральной Беларуси [5, с. 129].

Среди изделий из **многокомпонентных сплавов** (4 образца, 13% выборки) выявлены предметы из многокомпонентной бронзы и многокомпонентной латуни.

Многокомпонентные бронзы (CuSnZnPb) представлены в коллекции упором рукояти ножа и накладкой. В составе металла предметов содержание цинка не превышает 3,38%, при этом концентрации олова 17,84 и 9,65% соответственно. **Многокомпонентные латуни** (CuZnSnPb) также представлены в выборке двумя предметами: упор рукояти ножа и перстень. Содержание цинка в предметах 8,79 и 4,06%, а олова – 1,96 и 3,61%.

Таким образом, сложные многокомпонентные сплавы встречены в составе единичных экземпляров. В качестве особенности химического состава металла исследованных образцов следует отметить невысокие концентрации в изделиях из подобных сплавов цинка, что в целом не характерно для материалов XIV–XVIII вв. с территории Северной и Центральной Беларуси [5, с. 129].

Среди образцов встречен только один предмет из **«чистой» меди** (пуговица), который содержит 97,95% Cu в составе.

Наибольшим числом среди исследованных артефактов представлены изделия из **легкоплавких сплавов и нелегированных легкоплавких металлов** (14 образцов, 44% выборки). Встречены предметы из **сплава олова с медью** (1 экз.), **сплава олова со свинцом** (2 экз.), **сплава свинца с оловом** (2 экз.), а также **«чистого» свинца** (7 экз.).

Следует отметить, что из данных металлов и сплавов изготовлены как украшения (3 перстня), так и чисто функциональные предметы (7 пулей).

Легкоплавкие металлы и сплавы являлись наиболее распространённым сырьём для производства изделий различных категорий в пределах исследованной территории. Данное обстоятельство существенно отличает выборку из раскопок на Островском посаде Полоцка от выборок XIV–XVIII вв. с различных памятников в пределах Северной и Центральной Беларуси, в том числе Полоцка. Данное обстоятельство следует связывать с периферийностью посадской территории, её относительной отдаленностью от торгового и политического центра города, а также характером и назначением построек, в пределах которых преимущественно и встречается культурный слой на территории памятника.

Заключение. Таким образом, в результате проведенного анализа данных о химическом составе изделий из цветных металлов XVII в., происходящих из материалов археологических раскопок 2025 г. на территории Островского посада Полоцка установлено, что наиболее распространенной группой сплавов в исследованной выборке являются легкоплавкие сплавы и нелегированные легкоплавкие металлы, которые составляют 44% от общего числа исследованных образцов. Существенное распространение имели также свинцовые латуни (28%) с низкими и средними концентрациями Zn, а также оловянно-свинцовые и свинцовые бронзы (19%) с преимущественно низким содержанием олова и свинца.

Выявленные закономерности существенно отличаются от данных с других синхронных памятников на территории Северной и Центральной Беларуси, для которых характерно преобладание высокоцинковых латуней и бронз с существенными концентрациями олова, в то время как легкоплавкие металлы и сплавы, как правило, не составляют представительных серий. Данное обстоятельство следует связывать с отдаленностью территории Островского посада Полоцка от торгового и политического центра города, а также характером занятий местного населения, преимущественно сельскохозяйственного. Большая часть предметов, обнаруженных в пределах раскопа, изготовлены из доступных легкоплавких металлов и имеют относительно простые формы, в связи с чем для их создания не требовались специальные ювелирные приспособления и глубокие знания относительно поведения различных групп цветных металлов под воздействием высоких температур.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дук Д.У. Полацкія задзвінскія пасады // *Археалогія Беларусі: энцыкл. У 2 т.* – Мінск: Энцыкл. імя П. Броўкі, 2011. – Т. 2. Л – Я / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.). – С. 212–213.
2. Клімаў М.В. *Археалагічныя працы 1996 года на Востраве ў Полацку* // *Acta Archaeologica Albaruthenica*. Vol. V (Вып. 5) / уклад. М.А. Плавінскі, В.М. Сідаровіч. – Мінск: І.П. Логвінаў, 2009. – С. 46–53.
3. Коц А.Л. *Археалагічныя знаходкі з раскопак на Востраве старажытнага Полацка ў 2012 г.* // *Віцебскія старажытнасці: матэрыялы навук. канф.; рэдкал.: Г.У. Савіцкі [і інш.].* – Мінск: Нацыянальная бібліятэка, 2013. – С. 125–129.
4. Магалінскі І.У. *Метады даследавання хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў X–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі* // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки.* – 2024. – № 1(69). – С. 2–5. DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1608-2024-69-1-2-5>.
5. Магалінскі І.У. *Хімічны склад вырабаў з каляровых металаў XIV–XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі* // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки.* – 2021. – № 1. – С. 127–131.
6. Фигуровский Н.А. *Открытие элементов и происхождение их названий.* – М.: Наука, 1970. – 208 с.
7. Магалінскі І.У. *Хімічны склад вырабаў з каляровых металаў X – XIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі* // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки.* – 2022. – № 1. – С. 2–7.

Поступила 03.03.2026

NEW DATA ON THE CHEMICAL COMPOSITION OF 17TH-CENTURY NON-FERROUS METAL PRODUCTS FROM THE TERRITORY OF POLOTSK (BASED ON THE MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS IN 2025 AT OSTROVSKY POSAD)

I. MAHALINSKI

(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

This article presents the results of an analysis of data on the chemical composition of 17th-century non-ferrous metal artifacts recovered from archaeological excavations conducted in 2025 at the Ostrovsky posad site in Polotsk. The author found that the most common group of non-ferrous metals in the studied sample were low-melting alloys and unalloyed low-melting metals, which constituted 44% of the total number of samples. Lead brasses (28%) with low and medium Zn concentrations were also significantly common, as were tin-lead and lead bronzes (19%) with predominantly low tin and lead contents. The identified patterns differ significantly from data from other contemporaneous sites in northern and central Belarus, which the author attributes to the peripheral location of the Ostrovsky posad site in Polotsk, its relative remoteness, and the nature and purpose of the buildings within which the cultural layer in this part of the site is primarily found.

Keywords: *archeology of Polotsk, Ostrovsky posad, jewelry craft, natural science methods.*

УДК 903.2–034(476.1):902.2"2020/2024"

DOI 10.52928/2070-1608-2026-79-3-6-11

**УКРАШЕНИЯ, ДЕТАЛИ КОСТЮМА И ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТХОДЫ ИЗ ЦВЕТНЫХ
И ЧЕРНЫХ МЕТАЛЛОВ С СЕЛИЩА РЕЧКИ-2 ВИЛЕЙСКОГО РАЙОНА
МИНСКОЙ ОБЛАСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 2020, 2021 И 2024 гг.**

А.А. НИКИТКО

(Белорусский государственный университет, Минск)

e-mail: nikitkoanastasia@mail.ru

В статье представлены итоги систематизации коллекции изделий из металла, полученной в ходе раскопок селища Речки-2 Вилейского района Минской области в 2020, 2021 и 2024 гг. Коллекция насчитывает 52 предмета из цветных и черных металлов и включает в себя украшения (браслеты, подвески, пронизки, височное кольцо, колокольчики, шпилька, колечки), детали одежды и гарнитуры (фибула, крючок, язычки от пряжек), а также производственные отходы (выплески и слиток). Дается характеристика находок, приводятся аналогии из синхронных памятников Беларуси и сопредельных территорий. Выделены группы украшений, которые связаны с банцеровской культурой и культурой смоленско-полоцких длинных курганов (КСПДК). Полученные материалы позволяют рассматривать селище Речки-2 как один из центров металлообработки в регионе.

Ключевые слова: селище Речки-2, черный и цветной металл, украшения, банцеровская культура, культура смоленско-полоцких длинных курганов, ювелирное производство, типология, металлообработка.

Введение. Изучение ювелирного дела на территории Беларуси является одним из актуальных направлений современной археологической науки. Материалы, полученные в ходе раскопок последних десятилетий, позволяют не только расширить источниковую базу, но и по-новому рассмотреть вопросы хронологии, типологии и культурной принадлежности украшений из цветных металлов.

С 2019 г. исследования памятников у д. Речки ведутся под руководством П.С. Курлович [1, с. 258]. В ходе работ 2020, 2021 и 2024 гг. изучалось селище, расположенное к юго-востоку от городища «Замковая гора». Его площадка размерами около 60×40 м ограничена с запада и востока естественной возвышенностью [2, с. 7]. В ходе раскопок селища Речки-2 была получена коллекция изделий из цветного металла, насчитывающая 52 предмета¹. В её состав входят украшения и детали одежды, такие как браслеты, подвески, пронизки, височное кольцо, фибула, шпилька, крючок и детали украшений. Отдельно выделяются производственные отходы, связанные с ювелирным делом – выплески и слиток [2, с. 19–22; 3, с. 27; 4, с. 22].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью введения в научный оборот новых материалов, полученных в ходе раскопок. Сочетание на памятнике разнообразных украшений и свидетельств их производства позволяет охарактеризовать ювелирное дело в регионе.

Целью настоящей статьи является систематизация и введение в научный оборот изделий из цветного металла с селища Речки-2, а также установление их хронологической и культурной атрибуции. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

1. Провести систематизацию и описать коллекцию находок из цветного металла.
2. Определить аналогии для каждой выделенной группы изделий в материалах синхронных памятников на территории Беларуси и сопредельных регионов.

Основная часть. Археологический комплекс у д. Речки Вилейского района Минской области, датированный в широких пределах I – начала II тыс. н. э., включает два городища, примыкающие к одному из них селище, а также курганный некрополь [1, с. 254]. За время исследования памятника был получен значительный объём материала. Среди находок выделяются украшения (колокольчики, кольца, браслеты, височные кольца, подвески, пронизки, шпилька), а также детали гарнитуры и одежды (фибулы и элементы пряжек). При классификации учитывались морфологические признаки изделий, технологические особенности и аналогии в синхронных древностях региона. Помимо изделий из металла, в ходе раскопок были получены массовые керамические материалы, а также находки из кости, рассмотрение которых выходит за рамки темы настоящей статьи.

Браслеты на памятнике выявлены в трех экземплярах. Среди них один целый браслет и два фрагмента. Изделия изготовлены из цветного металла. Среди браслетов выделяются несколько разновидностей. Целый браслет имеет утолщённые концы, с орнаментом в виде перекрещивающихся насечек (рисунок 1: 23). Этот предмет найден на месте сгоревшего жилища. Изделие относится к банцеровской культуре и датируется V–VII вв. [5, с. 338; 6, с. 534–535].

Среди находок выделяется фрагмент пластинчатого браслета, украшенный продольными желобками и насечками (рисунок 2: 8). Такой вариант близок к находкам из могильника Питер, датированным IX–XI вв. [7, с. 66, рисунок 1: 6–9]. К этому же периоду относится находка с зооморфными концами (рисунок 2: 11). Подобные браслеты были найдены в Избище [8, с. 134], Наврах [9, с. 435] и при раскопках таких городов, как Браслав, Логойск, Витебск, Волковыск, и датируются XI–XII вв. [10, с. 30].

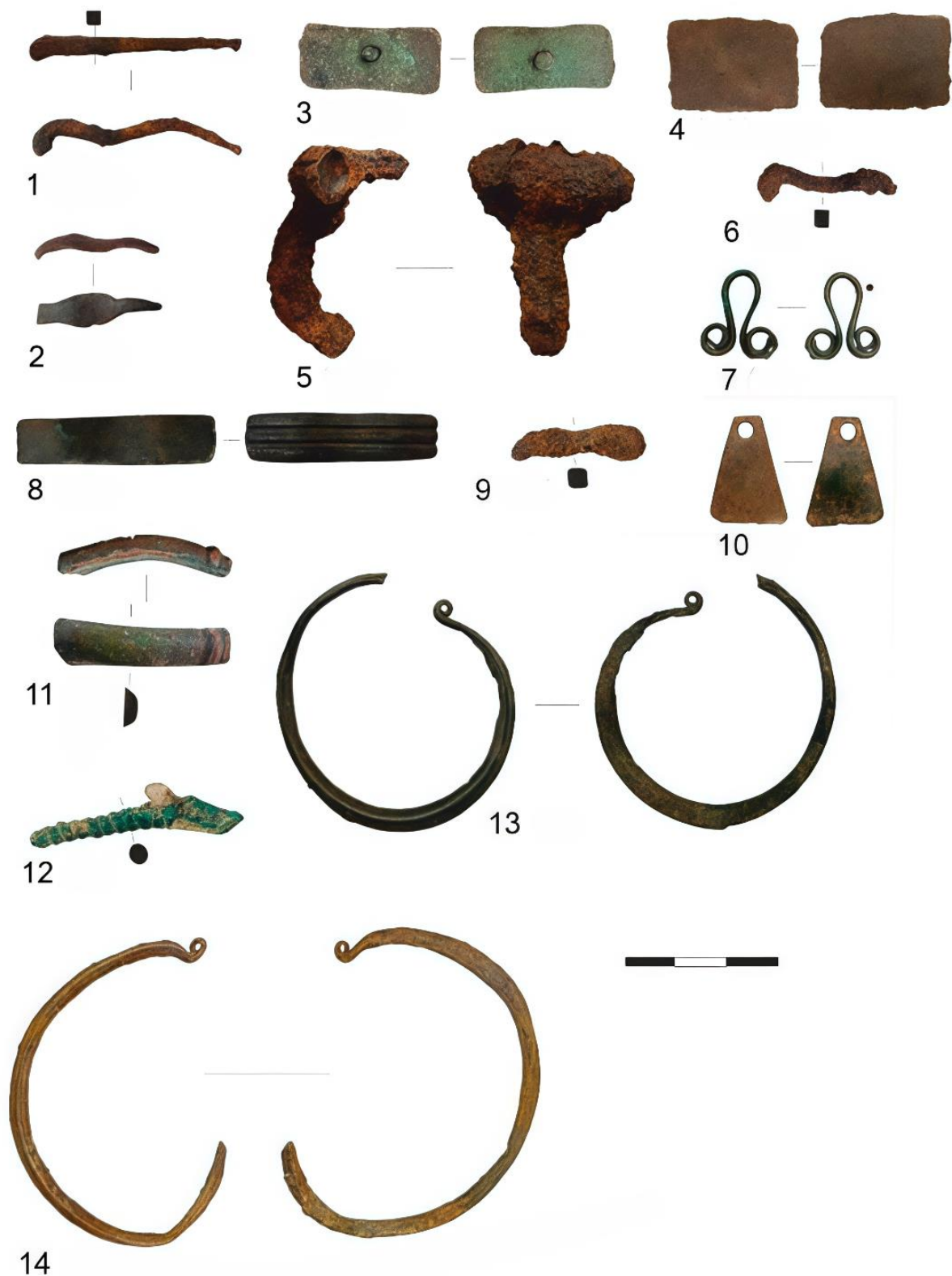
¹ Автор статьи выражает искреннюю благодарность Курлович П.С. за предоставление возможности публикации материалов раскопок.

1–3 – ушки; 4 – пронизка; 5, 9–11, 22 – колечки;
6–8, 13, 14 – язычки от пряжек; 12, 17 – колокольчики;
15, 19 – пластины; 16, 24 – крючки; 18 – фрагмент браслета;
20, 21 – трапециевидные подвески; 23 – браслет. (по П.С. Курлович)

Рисунок 1. – Украшения и детали одежды с селища Речки-2 2020 г.

Источник: [2, с. 142, рисунок В. 64].

1, 2, 6, 9 – язычки от пряжек; 3, 4 – пластины; 5 – фибула; 7 – подвеска-держатель; 8, 11 – фрагменты браслетов; 10 – трапециевидная подвеска; 12 – пронизка; 13, 14 – височное кольцо (по П.С. Курлович)

Рисунок 2. – Украшения и детали одежды с селища Речки-2 2021 г.

Источник: [3, с. 159, рисунок В. 96].

Подвески выявлены в восьми экземплярах и являются одной из наиболее представительных групп украшений на селище Речки-2.

Наиболее ранними являются трапециевидные подвески без орнамента. Одна такая находка выявлена в 2021 г. и может быть отнесена к банцеровской культуре (рисунок 2: 10). Подобные украшения в единичных экземплярах известны по памятникам Лабенщина, Городище, Лукомль [11, с. 39; 12, с. 33], Прудники и датируются третьей четвертью I тыс. н. э. [13, с. 65].

К подвескам относятся и трапеции, характерные для культуры смоленско-полоцких длинных курганов (КСПДК). Одна из них – трапециевидная подвеска, орнаментированная линейными и точечными вдавлениями, найдена в двух фрагментах (рисунок 1: 21). Другая, также найденная в двух фрагментах с остатками цепочки (рисунок 3: 2), является типичным украшением КСПДК [14, с. 48]. Наличие цепочки указывает на то, что подвеска могла входить в состав сложносоставных украшений.

1 – проволока; 2 – трапециевидная подвеска; 3 – посоховидная булавка; 4 – пластина; 5, 14 – колечки; 6 – фрагмент биметаллического изделия; 7–9, 12 – выплески; 10, 13 – пронизки; 11 – слиток. (по П.С. Курлович)

Рисунок 3. – Украшения и детали одежды с селища Речки-2 2024 г.

Источник: [4, с. 125, рисунок В. 122].

При исследовании селища была выявлена подвеска-держатель, найденная в верхнем слое селища (рисунок 2: 7). Изделие представляет собой бронзовое проволочное изделие с бисовидными концами, к которым, в свою очередь, на проволочных колечках подвешивались другие детали украшений. Аналогии этого типа изделий известны в женских погребениях могильников КСПДК Поднепровья и Подвинья [15, с. 114].

Колокольчики на селище Речки-2 представлены двумя бронзовыми экземплярами, которые различаются как по размерам, так и по форме. Первый колокольчик (рисунок 1: 12) имеет высоту 1,2 см и диаметр нижней части 1,7 см. На вершине расположено круглое отверстие для крепления язычка. Язычок выполнен из согнутой пополам проволоки прямоугольного сечения. Второй колокольчик (рисунок 1: 17) отличается большими размерами, высотой 1,7 см, диаметром нижней части 1,5 см, и более сложной конструкцией язычка, выполненного из двух перекрученных пластинок. Аналогичный экземпляр известен из материалов селища Курадово-1 в Центральном Полесье и на селище Дедиловичи. Подобные подвески датируются в пределах VII–XII вв. [16, с. 18, рисунок 4: 23; 11, с. 112]. Согласно наблюдениям В.И. Шадыро, хронологический диапазон бытования подобных изделий приходится на вторую половину I тыс. н. э. [13, с. 68]. В литературе высказываются различные предположения о функциональном назначении таких колокольчиков. Они могли использоваться в качестве привесок, дополняющих фибулы, входить в состав нагосников, либо служить деталями многосоставных украшений [17, с. 361].

Пронизки, выявленные на селище Речки-2 в четырех экземплярах, относятся к числу распространенных находок в культурах лесной зоны Восточной Европы. Все изделия выполнены из бронзы и служили элементами составных украшений. Среди них выделяются пронизки из бронзовой пластины (рисунки 1: 4; 3: 13), а также спиралевидные пронизки (рисунки 2: 12; 3: 10). Пронизка-трубочка находит аналогии в материалах селища Микольцы, где подобные изделия интерпретируются как элементы сложных украшений, характерные для балтских племен [8, с. 105, рисунок 69:10]. Спиралевидные пронизки имеют широкий круг аналогий и известны по материалам селищ Городище, Микольцы, Подваринка и других памятников [18, с. 6, рисунок 4:3]. Как отмечает

Я.Г. Зверуго, такие изделия часто встречаются в культуре смоленско-полоцких длинных курганов, а в конце I тыс. н. э. получили широкое распространение у балтских и финно-угорских племён, входя в состав сложных головных и нагрудных украшений [8, с. 104, рисунок 61:1; 68:17; 69:17].

Отдельно выделяется группа железных язычков от пряжек длиной 2–2,2 см, выявленных в разных пластах: волнистой формы (рисунок 1: 6), с прямоугольным сечением (рисунок 1: 8), с загнутым концом (рисунок 1: 14), круглого сечения (рисунок 1: 7). Три железных язычка выявлены в 2021 г. (рисунок 2: 1, 6, 9). Один экземпляр выполнен из цветного металла (рисунок 2: 2).

Посоховидная булавка, выявленная в 2024 г., выполнена из бронзы и имеет откусанный край (рисунок 3: 3). Булавка найдена в зоне распространения предметов, связанных с обработкой цветных металлов. Этот тип изделий широко известен в археологических культурах лесной зоны Восточной Европы.

К числу единичных находок относится **арбалетовидная фибула** (рисунок 2: 5). Изделие сильно повреждено коррозией, возможно, побывало в огне, что затрудняет его определение. Также был выявлен бронзовый **крючок**, орнаментированный насечками вдоль спинки изделия (рисунок 1: 16). Предмет выполнен в виде изогнутой пластины размером 1,5×9 см, с петлёй и кольцом на одном конце и крючком на другом. Подобная находка была выявлена при раскопках Рюрикова городища [19, с. 148–151, рисунок 68.] и в Волковыске [20, с. 118, рисунок 63: 22]. Функциональное назначение подобных предметов остаётся дискуссионным. В литературе, в некоторых случаях, они интерпретируются как поясные крючки. Однако отсутствие таких изделий в погребальных памятниках Древней Руси ставит эту версию под сомнение [19, с. 148–151].

Единичной находкой является **височное кольцо**, выявленное в одном экземпляре на селище Речки-2, представляет собой фрагментированное изделие с серповидными концами, орнаментированными насечками (рисунок 2: 13, 14). Такая форма и орнаментация характерны для КСПДК. Аналогичное изделие известно из курганного могильника Ахромовы и датируется VIII–X вв. [14, с. 31, рисунок 19:2; 21, с. 151].

Часть находок с селища Речки-2 не поддаётся точному типологическому определению. Это преимущественно пластины, накладки и фрагментированные детали. Наибольшую группу составляют бронзовые (6 экз.) и железная (1 экз.) пластины (рисунки 1: 3, 15, 19, 20; 2: 3, 4; 3: 4). Две из них снабжены заклёпками и, вероятно, относятся к поясной гарнитуре. Одна пластина, возможно, фрагмент какого-то изделия, имеет треугольную форму и ромбовидный орнамент, выполненный гравировкой (см. рисунок 1: 15). Также к числу неопределимых отнесены два ушка (рисунок 1: 1, 2), бронзовый крючок с выступом (рисунок 1: 24), фрагмент биметаллического изделия (рисунок 3: 6) и обломок железной иглы (рисунок 1: 13). К этим же предметам можно отнести изделия в виде колечек, которые представлены железными и бронзовыми экземплярами, различающимися по размерам, форме и технике изготовления (рисунки 1: 5, 9–11; 3: 5, 14). Эти предметы могли использоваться как элементы многосоставных украшений. Среди них простые проволочные кольца, в том числе, с заходящими концами, полутораоборотные и ребристые кольца.

Среди находок выделяются выплески цветного металла, которые могут указывать на литьё на месте, хотя нельзя исключать и их образование в результате термического воздействия (рисунок 3: 7–9, 12). Компактный металлический брусок интерпретируется, предположительно, как слиток (рисунок 3: 11). Уточнение его состава с помощью естественнонаучных методов (ЛАЭМС) показало содержание серебра (42%). Фрагмент закрученной проволоки (рисунок 3: 1) также может быть связан с обработкой металла на месте. Вкупе с находками тиглей и льячек эти предметы позволяют предполагать существование на памятнике металлообработки, однако окончательные выводы требуют дальнейших исследований [22, с. 25].

Заключение. Таким образом, проведённая систематизация изделий из цветного металла с селища Речки-2 позволяет сделать следующие выводы.

Коллекция включает украшения из двух культур – банцеровской культуры и культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Наиболее выразительными категориями являются браслеты (трехреберчатый, змееголовый, с утолщёнными концами) и подвески, имеющие широкие аналогии в балтских и славянских древностях. Особую ценность представляют находки, связанные с ювелирным производством (выплески и слитки), что в сочетании с данными о тиглях и льячках позволяет предполагать существование на селище Речки-2 местной обработки цветного металла, хотя масштабы и характер этого производства ещё предстоит уточнить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Курлович П.С., Лукша Е.И., Панкевич Г.Д. Городища у д. Речки Вилейского района Минской области: история изучения и современное состояние памятников // Археология евразийских степей. – 2021. – № 5. – С. 254–266.
2. Курлович П.С. Навукова справаздача аб правядзенні археалагічных раскопак гарадзішча і селішча каля вёскі Рэчкі Вілейскага раёна Мінскай вобласці ў 2020 г. / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. – № б/н.
3. Курлович П.С. Навукова справаздача аб правядзенні археалагічных раскопак гарадзішча, селішча і курганнага могільніка каля вёскі Рэчкі Вілейскага раёна Мінскай вобласці ў 2021 г. / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. – № б/н.
4. Курлович П.С. Навукова справаздача аб правядзенні археалагічных раскопак селішча Рэчкі-2 Вілейскага раёна Мінскай вобласці і археалагічных разведках у 2024 г. / ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. – № б/н.
5. Никитко А.А. Браслет с утолщёнными концами, выявленный на селище Речки-2 Вилейского района Минской области в 2020 году // Усходняя Еўропа ў жалезным веку – эпоху Вялікага перасялення народаў: матэрыялы міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 70-годдзю з дня нараджэння А.А. Егарэйчанкі, Мінск, 24–25 крас. 2025 г. – Мінск, 2025. – С. 334–339.

6. Михайлова Е.Р. Хронология и периодизация вещевого комплекса культуры псковских длинных курганов // Петербургский апокриф. Послание от Марка. – СПб.; Кишинёв, 2011. – С. 527–554.
7. Данич А.В. Украшения рук (браслеты) из раскопок могильника Питер (Степаново Плотбище) // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2017. – Вып. XIII. – С. 65–74.
8. Звяруга Я.Г. Беларускае Павілле ў жалезным веку і Раннім Сярэднявякоўі // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2005. – Вып. 10. – С. 174 с.
9. Плавинский Н.А., Степанова М.И. Материалы к реконструкции женского погребального головного убора населения Верхнего Поволжья XI в. // В камне и в бронзе: сб. ст. в честь Анны Песковой. – СПб.: ИИМК РАН; ООО «Невская Книжная Типография», 2017. – С. 433–444. – (Труды ИИМК РАН; т. 48).
10. Сергеева З.М. К изучению культурно-экономических связей западнорусских земель с Прибалтикой (по находкам звериноголовых браслетов) // Краткие сообщения Института археологии. – 1981. – № 164. – С. 30–35.
11. Митрофанов А.Г. Железный век средней Белоруссии (VII–VI вв. до н. э. – VIII в. н. э.). – Минск: Наука и техника, 1978. – 167 с.
12. Гурин М.Ф. Археологические материалы из городища Мысли // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2000. – № 15. – С. 25–39.
13. Шадыра В.І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.). – Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2006. – 150 с.
14. Курганныя могілнікі захаду Браслаўскага Паазер'я (матэрыялы раскопак 1978–2010 гадоў) / М.А. Плавінскі, Л.У. Дучыц, А.М. Плавінскі, В.І. Шадыра. – Мінск: Галіяфы, 2014. – 220 с.
15. Шмидт Е.А. Особенности этнокультурного развития племен Смоленского Поднепровья и смежных территорий в VIII–X веках н.э. // Гістарычна-археалагічны зборнік. – 2006. – № 22. – С. 113–120.
16. Белявец В., Вяргей В. Курадава-I – шматслойнае паселішча з Цэнтральнага Палесся // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2002. – № 5. – С. 5–24.
17. Родинкова В.Е. Система женского раннесредневекового убора Среднего Поднепровья (ретроспективный анализ) // Археология славян и их соседей / отв. ред. И.О. Гавритухин, А.М. Обломский. – М., 2007. – Вып. 9. – С. 358–388.
18. Егорейченко А.А. Поселение Подваринка // Вестник БГУ. Серия 2, Химия. Биология. География. – 2012. – № 3. – С. 3–7.
19. Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвоцинская Н.В. Раскоп на месте установки «Княжого камня» (2011–2012 гг.) // Рюриково городище. Новые этапы исследований. – СПб., 2017. – С. 125–163.
20. Зверуга Я.Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. / под ред. П.Ф. Лысенко. – Минск: Наука і тэхніка, 1989. – 208 с.
21. Нефёдов В.С. Древности салтовского круга в смоленских длинных курганах // Хазарский альманах / гл. ред. О.Б. Бубенок. – М.: Индрик, 2020. – Т. 17. – С. 151–174.
22. Даследаванні археалагічнага комплексу Рэчкі (Вілейскі раён) у 2024 годзе / П.С. Курловіч, А.В. Зыль, А.А. Нікітка, Г.Д. Панкевіч // Вынікі археалагічных даследаванняў на тэрыторыі Беларусі ў 2024 г.: тэз. дакл. Міжнар. навук.-практ. канф. (Мінск, Навагрудак, 14–16 мая 2025 г.). – Мінск, 2025. – С. 49–50.

Поступила 20.03.2026

JEWELRY, COSTUME DETAILS, AND INDUSTRIAL WASTE FROM NON-FERROUS AND FERROUS METALS FROM THE VILLAGE OF RECHKI-2 IN THE VILEYSKY DISTRICT OF THE MINSK REGION BASED ON EXCAVATION MATERIALS FROM 2020, 2021, AND 2024

A. NIKITKA
(Belarusian State University, Minsk)

The article presents the results of the systematization of the collection of metal products obtained during the excavations of the Rechki-2 settlement of the Vileysky district of the Minsk region in 2020, 2021 and 2024. The collection includes 52 items made of non-ferrous and ferrous metals and includes jewelry (bracelets, pendants, piercings, temple ring, bells, hairpin, rings), clothing and accessories (fibula, hook, buckle tabs), as well as industrial waste (splashes and ingot). The characteristic of the finds is given, analogies from synchronous monuments of Belarus and adjacent territories are given. The groups of ornaments that are associated with the Banzer culture and the culture of the Smolensk-Polotsk long barrows (KSPDK) are highlighted. The obtained materials allow us to consider the village of Rechki-2 as one of the metalworking centers in the region.

Keywords: Rechki-2 settlement, ferrous and non-ferrous metals, jewelry, Bancerowshchina culture, Smolensk-Polotsk long barrow culture, jewelry production, typology, metalworking.

УДК 903.25.05-055.2"09/12"(476):930"19/..."

DOI 10.52928/2070-1608-2026-79-3-12-16

ЖЕНСКИЕ МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ УКРАШЕНИЯ X–XIII ВВ. С ТЕРРИТОРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮЖНОЙ БЕЛАРУСИ В ТРУДАХ АРХЕОЛОГОВ (1920-е – 2020-е гг.)**Я.В. ЮРЕЦКАЯ***(Институт истории НАН Беларуси, Минск)*

Статья посвящена историографическому обзору исследований женских металлических украшений X – XIII вв. с территории Центральной и Южной Беларуси. Хронологические рамки работы – 1920-е – 2020-е гг. В ходе анализа археологической литературы, выделены два основных периода изучения данной категории артефактов: межвоенный и послевоенный, которые в свою очередь делятся на этапы. В работах исследователей женские украшения традиционно рассматривались в контексте этнической истории восточнославянских племенных союзов на основе материалов погребальных памятников, сельских поселений и культурных слоёв древнерусских городов. Несмотря на значительный объём накопленного материала и сформированные музейные коллекции украшений, бросается в глаза отсутствие обобщающего исследования, комплексно освещающего вопросы происхождения, типологии, хронологии, распространения женских металлических украшений выбранного региона и периода.

Ключевые слова: археология, историография, Средние века, женские металлические украшения.

Введение. Женские украшения являются одним из важных археологических источников. Они отражают уровень развития ремесленного производства, торговые и культурные связи, социальную структуру, могут служить этническим маркером, поэтому их детальное изучение так важно для развития археологической науки. Хотя деятельность многих археологов отражена в обобщающих историографических монографиях [1; 2] конкретные этапы исследований женских металлических украшений детально освещены не были. Целью статьи является обзор ключевых работ археологов в 1920-х– 2020-х гг., в которых отражены вопросы, связанные с изучением женских металлических украшений X–XIII вв. с территории Центральной и Южной Беларуси.

Под регионом Центральной и Южной Беларуси автор понимает территорию, очерченную, бассейнами рек: на востоке – Березиной и Днестром, на юге – Припятью, на западе – Западным Бугом, а на севере – Неманом и Вилией.

Основная часть. Впервые на древние женские украшения, происходящие из погребальных памятников Центральной и Южной Беларуси, обратили внимание учёные XIX в.: К.П. Тышкевич, Е.П. Тышкевич, Г.Х. Татур, В.З. Завитневич, Е.Р. Романов, Ф.В. Покровский которые, в основном, занимались накоплением фактологического материала. Их труды, в основном, опирались на формальное эстетического описание, без глубокого научного анализа. Новый этап исследований связан с созданием в 1922 г. Института белорусской культуры, который в 1929 г. был реорганизован в Белорусскую академию наук. Научная деятельность археологов и краеведов этого периода была направлена в первую очередь на создание археологической карты молодой республики, что было сопряжено с активными полевыми исследованиями. Археологическая деятельность этого периода связана с деятельностью И.А. Сербова, А.Н. Лявданского, С.А. Дубинского, А.Д. Ковалени, С.С. Шутова, и др.

В 1925 г. археолог и этнограф И.А. Сербов провёл археологические исследования курганных могильников возле д. Петровщина и Рыловщина под Минском (сейчас места расположения этих могильников находятся в черте города). Подводя итоги раскопок могильника у д. Рыловщина, исследователь отмечает, что среди украшений, которые он называл «предметами роскоши», нет определенного стиля, но прослеживается некоторое влияние Востока и Запада [3, с. 14].

Ранее занимавшийся исследованиями на территории Логойска и Борисовского округа А.Н. Лявданский в 1926 г. начал археологическое изучение Заславля [4]. Работы были проведены на городище «Замэчек», селище, земляном укреплении «Вал» и курганном могильнике. В результате изучения могильника был выявлен обширный вещевой материал, в частности, женские украшения: височные кольца, шейные гривны, бусы, подвески, перстни, браслеты. На основании анализа полученного материала автор сделал вывод о принадлежности этих захоронений восточнославянскому племени кривичей. Однако необходимо отметить, что в четвёртой курганной группе в двух погребениях (курганы 2 и 4) были обнаружены бронзовые филигранные зернёные бусы, прямым образом отождествляемые с племенем дреговичей, на основании чего А.Н. Лявданский рассматривал Заславль, как изначально кривичское поселение, которое со временем стало местом взаимодействия двух восточнославянских племён. В 1929 г. А.Н. Лявданским и С.А. Дубинским были проведены масштабные археологические исследования на Случчине (Случцкий округ) и Туровщине (Мозырьский округ) [5]. За пять недель было исследовано 8 городищ, 108 курганов и 2 детинца городов; из изученных курганов – только 98 приходились на Случчину [5, с. 101]. Полученная коллекция показала, что такие категории украшений, как перстни и браслеты встречаются редко, в то время как филигранные бусы и «малые» (перстнеобразные) височные кольца «в достатке» [6, с. 512].

В 1927 г. С.С. Шутов и А.Д. Коваленя провели разведки и раскопки на территории Туровского района. Экспедицией были выявлены памятники разных эпох: стоянки, городища, селища, курганные могильники. Впервые была проведена шурфовка городища древнего Турова. Данные исследования носили больше разведывательный характер. Единственное женское украшение (серебряная подвеска) упоминается в перечне находок из трёх

раскопанных насыпей в курганном могильнике у д. Рычев [7, с. 368]. В могильнике возле ур. Горка женских металлических украшений было найдено больше – височные серебряные кольца, три серебряных филигранных бусины, фрагменты серебряных пластинчатых перстней [7, с. 358], однако их подробное описание и детальный анализ в публикации не приводятся.

В 1932 г. выходит монография советского и российского археолога Б.А. Рыбакова «Радимичи» [8], которая представляет собой первую попытку обобщения материала, летописного и археологического (курганные захоронения), по истории этого восточнославянского племенного союза. При анализе погребального инвентаря получили отражение основные категории женских украшений, была разработана подробная типология. Автор отмечает сходства и различия восточнославянских женских ювелирных уборов. Например, проволочные височные кольца характерны для всех восточнославянских племён, но имеют свои морфологические особенности; большие браслетообразные – характерны для кривичей, в то время как маленькие, скрученные в полтора оборота, принадлежат дреговичам [8, с. 88]. Описывая самую разнообразную категорию украшений – бусы, – автор называет крупнозернёные металлические бусы дреговичским украшением, характерным для границ расселения племён [8, с. 95].

Таким образом, межвоенный период ознаменовался бурным развитием археологической науки БССР. В это время были выявлены и изучены многочисленные средневековые поселения и курганные могильники, разработаны методологические основы их изучения, сформированы крупные коллекции женских металлических украшений, послужившие основой для дальнейшего их изучения и интерпритации.

Трагические события Великой Отечественной войны приостановили археологическое изучение Беларуси. Однако следующий, послевоенный этап исследований начинается уже в 1945 г. В 1945 – 1951 гг. В.Р. Тарасенко были проведены масштабные работы по изучению Минского Замчища. Проанализировав полученный материал, исследователь отмечал большое количество украшений, а самой многочисленной их категорией называл металлические браслеты [9, с. 235]. Одно из первых послевоенных исследований Белорусского Полесья связано с именем советского и российского археолога А.В. Успенской. В 1953 г. она защитила кандидатскую диссертацию «Белорусское Полесье в X–XIII вв. (к истории древнерусской деревни)» [10], которая легла в основу работы «Курганы Южной Беларуси X–XIII вв.» [11], изданную в этом же году. Проанализировав курганные захоронения и сопутствующий им инвентарь, в частности, металлические украшения, автор утверждает, что полтораоборотные височные кольца и кольца с тремя напускными зернёными бусинами, а также сами зернёные бусы являются этноопределяющими признаками племени дреговичей [10, с. 11].

Советский и российский археолог В.В. Седов занимался изучением славянских древностей, в том числе и Южной Беларуси. В 1961 г. возглавляемая им Верхнеднепровская экспедиция Института археологии Академии наук СССР исследовала семь курганов в могильнике у д. Свищево на территории Белорусского Побужья. В.В. Седов относил изученные курганы к погребальным памятникам балтского племени ятвягов, при этом отмечая наличие в них славянских типов украшений [12, с. 42–43]. В.В. Седов известен как автор более десяти монографий, посвященных славянской проблематике. Его фундаментальный труд «Восточные славяне в VI–XIII вв.» (1982 г.) [13] основан на систематизации результатов многолетних исследований материальной культуры восточнославянских племён. Обращаясь к проблеме идентификации дреговичей, автор традиционно выделяет крупнозернёные металлические бусы в качестве этноопределяющего украшения, отмечая, что на территории расселения других восточнославянских племён подобные украшения практически не встречаются [13, с. 114]. Также автор отмечает, что балто-славянские контакты оказали определённое влияние на некоторые аспекты материальной культуры дреговичей, в том числе и на набор их украшений [13, с. 115].

Э.М. Загоруйский занимался археологическим изучением погребальных памятников и сельских поселений на территории Минского, Осиповичского, Рогачёвского районов. Однако имя археолога, в первую очередь, неразрывно связано с изучением древнего Минска. В 1957–1961 гг. им проводились масштабные археологические исследования Минского Замчища, а результаты были опубликованы в монографиях: «Древний Минск» (1963 г.) [14] и «Возникновение Минска» (1982 г.) [15]. Автор отмечает, что изделия ювелирного ремесла составляют значительную часть минской археологической коллекции, представленной головными украшениями, нагрудными привесками, амулетами, браслетами и перстнями [15, с. 222], а также даёт характеристику ювелирным изделиям, представляет аналогии тем или иным видам украшений с территории Древней Руси.

Изучением городов и погребальных памятников Полоцкой земли занимался Г.В. Штыхов. Результаты многолетних исследований получили отражения в ряде научных публикаций, среди которых необходимо выделить монографию «Крывічы: па матэрыялах раскопак курганаў у Паўночнай Беларусі» (1992 г.) [16]. Основываясь на материалах более 800 изученных курганов, 202 из которых были раскопаны лично, отдельно рассмотрены материалы 80 курганов, расположенных в районе Минска, Заславля, Борисова – на территории, отождествляемой с дреговичско-кривичским пограничьем. В результате анализа погребального инвентаря был сделан вывод о богатом и разнообразном ассортименте женских украшений, однако характерными для Полоцкой земли являются браслетообразные височные кольца с завязанными концами, характерные для полоцких и смоленских кривичей [16, с. 68]. Встречаются в меньшем количестве перстнеобразные височные кольца: полтораоборотные, с сомкнутыми концами, s-образным завитком, характерные для дреговичей и радимичей. Также автор упоминает о Прибалтийском влиянии на примере браслетов со звериными головами. Регионом распространения подобных украшений является междуречье Западной Двины и Березины, Верховья Птичи [16, с. 70]. В монографии «Узнікненне Лагойска; гісторыка-

археалагічны нарыс» (2015) [17], посвящённой итогам археологических исследований древнего города, также уделяется внимание ассортименту металлических украшений, в том числе вопросам местного производства и их поступлению в результате торгово-культурных связей с населением других регионов.

Археологическими исследованиями городов и курганных могильников Центральной и Южной Беларуси занимался П.Ф. Лысенко. С 1960-х гг. начинается изучение Пинска, Турова, Слуцка, Давид-Городка, Клецка, Рога-чѣва, Берестя. В 1971 г. была защищена кандидатская диссертация «Города Туровской земли» [18], которая легла в основу одноимённой монографии [19]. В ней на основе письменных и археологических источников была изложена история формирования и развития Туровского региона. В последующие годы автором были изданы следующие монографии: «Берестье» (1985 г.) [20], «Открытие Берестя» (1989 г.) [21], «Древний Пинск IX – XIII вв.» (1997 г.) [22], Туровская земля (1999 г.) [23], «Древний Туров» (2004 г.) [24], «Сказание о Турове» (2018 г.) [25]. В своих работах археолог рассматривает материальную культуру городов Туровской земли, делая акцент на ремёслах, в частности на ювелирном ремесле. Так, в Бресте, обнаружено сравнительно небольшое количество изделий из цветных металлов, а также инструментов ювелира, что может свидетельствовать о слабом развитии ювелирного дела в городе [19, с. 112]. То же самое можно сказать и о древнем Пинске. В то время как в Турове, судя по количеству обнаруженных украшений из цветных металлов и орудий ювелирного мастерства, последнее было развито намного лучше [19, с. 176]. Отдельно следует упомянуть монографию «Дреговичи» (1991 г.) [26]. В ней П.Ф. Лысенко рассмотрел различные украшения характерные для летописных дреговичей, определил степень распространённости их типов, основываясь не только на уровне развития местного ювелирного производства, но и на возможных торговых связях и культурной преемственности.

Раскопками курганных древностей на территории Минского, Дзержинского и Борисовского районов (могильники у д. Анусино, Пашковичи, Слобода Дворицкая и др.) занимался Ю.А. Заяц. В результате чего была сформирована обширная коллекция женских украшений. Однако главной заслугой исследователя можно считать его труд «Заславль в эпоху феодализма» (1995 г.) [27], написанный по результатам масштабных археологических работ в г. Заславль. Среди прочего, в монографии рассматриваются различные ювелирные украшения из цветного металла, приводится их типология и хронология. Автор считал, что основой производства этих изделий служило привозное сырьё в виде слитков и монет [27, с. 88]. Также исследователь подчёркивал, что некоторые типы украшений, – браслетов и гривен – результат торговых и культурных контактов с Прибалтийским регионом, однако прочие изделия могли иметь местное происхождение [27, с. 101].

С 1970-х гг. изучением погребальных памятников Полоцкой земли, территории дреговичско-кривичского пограничья занимается Л.В. Дучиц. Основываясь на собственных результатах и обобщая археологический материал предшественников и коллег, была издана монография «Касцюм жыхароў Беларусі X–XIII стст.» [28]. В работе большое внимание уделяется украшениям как важной составляющей костюма. Женские украшения, автором делятся на височные, нагрудные и украшения рук; рассматриваются основные виды (височные кольца, подвески, бусы, гривны, браслеты, перстни), а также способы их ношения. Уделяется внимание и различиям набора украшений горожанок и сельских жительниц: «У вяскоўцаў у модзе былі вітыя і зааморфныя бранзалеты, у гарадах пласцінчатыя, зрэдку пласцінчатыя насілі ў вёсцы. Арнамент на гарадскіх пласцінчатых бранзалетах быў больш скоаданым і разнастайным, чым на вясковых» [28, с. 23]. Украшения в целом и орнамент в частности носили не только декоративный, но и сакральный характер. Так, исследователь отождествляет элементы орнамента с языческой символикой, а такую категорию украшений как браслеты, по мнению автора, могли класть у ног погребённого в качестве своеобразного дара [28, с. 23].

С изучением погребальных памятников Белорусского Побужья связано имя Т.Н. Коробушкиной. В 1981 – 1990 гг. (с перерывами) были исследованы 122 кургана. Результаты собственных исследований, материалы предшественников нашли отражение в работах «Курганы Белорусского Побужья X–XIII вв.» (1993 г.) [29] и «Насельніцтва Беларускага Пабужжа X–XIII стст.» (1999 г.) [30]. Анализ погребального инвентаря показал небогатый ассортимент женских украшений в регионе Побужья. Крупнозенёные металлические бусы, археолог традиционно относил к этноопределяющим дреговичским украшениям. Полутораоборотные кольца, а также, височные кольца с s-образным завитком, которые получили широкое распространение, по мнению Т.Н. Коробушкиной, попали на территорию Белорусского Побужья с территории Польши в XI в. Традиционным же украшением местных сельских жительниц региона автор назвала перстни [29, с. 45].

В 1989 г. В.В. Богомольников защитил кандидатскую диссертацию «Курганы радимичей» [31], которая легла в основу монографии «Радимичи» (2004 г.) [32], вышедшей уже после смерти исследователя. В работе представлена подробная типология женских украшений из радимичских курганов, в соответствии с которой украшения делятся на категории (височные кольца, браслеты, подвески и т.д.), отделы и типы (по морфологическим признакам), группы (материал изготовления). Создание типологии украшений позволило существенно сузить датировку курганных древностей радимичей.

Одним из ведущих исследователей Гомельского Поднепровья с конца 1980-х гг. стал О.А. Макушников. Большое внимание археолог уделял древностям дреговичско-радимичского пограничья. В данном контексте необходимо отметить монографию «Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: социально-экономическое и этнокультурное развитие» (2009 г.) [33]. Согласно проведённому анализу этноопределяющих украшений, полученных в результате изучения курганных могильников, граница дреговичей и радимичей проведена автором по реке Днепр. Вместе с тем он отмечает общую схожесть височных колец, бус, металлических подвесок, браслетов и перстней [33, с. 43].

С 1985 г. археологическим изучением древнего Слуцка занимался Л.В. Колединский, результаты чего получили отражение в ряде научных публикаций исследователя. В 1995 г. вышел сборник научных статей «Случчына: мінулае і сучаснасць» [34], посвященный 880-летию основания города. В своей статье ученый отмечает относительно малое количество изделий из цветных металлов, хотя в городе, очевидно, существовало местное ювелирное производство, о чём свидетельствует каменная литейная формочка для отливки зернёных бус [34, с. 35]. Ювелирная мастерская была обнаружена в результате исследований на Слуцком детинце в 2016 г. Помимо инструментария ювелира были обнаружены головные украшения – колты, относящиеся, по мнению исследователя, к древностям XII – первой половины XIII вв. [35, с. 139].

С 1998 г. изучением сельских поселений междуречья Березины и Днепра занимался В.И. Кошман. В 2003 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Сельскія паселішчы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра ў X – XIII стст.» [36], которая легла в основу монографии «Паселішчы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра ў X–XIII стст.» (2008 г.) [37]. В ней исследователь отмечает, что, несмотря на отсутствие месторождений цветных металлов, ювелирное производство носило местный характер, о чём свидетельствуют находки инструментов ювелира. Основными металлами для изготовления стоит считать медь, олово, свинец и биллон [37, с. 88]. Также на основе анализа изделий из цветных металлов автор выделяет известные местным ремесленникам ювелирные техники (чеканка, ковка, тиснение, штамповка, волочение, филигрань, зернь) с конкретными примерами их наложения на обнаруженные изделия [37, с. 90–91].

Начиная с 2000 г. А.В. Войтехович занимается изучением курганных захоронений на территории Витебской и Минской областей. В результате многолетних исследований были сформированы крупные археологические коллекции, в том числе, украшений, а материалы исследований получили отражение в ряде научных публикаций и монографии «Погребальный обряд населения Полоцкой земли в X – XII вв.» (2019 г.) [38]. В ней приведена разработанная автором типология и хронологи погребального инвентаря, который, в том числе, включал женские ювелирные украшения. С 2011 г. в сферу интересов археолога входит изучение археологического комплекса на р. Менка, с 2020 г. исследования носят систематический и масштабный характер. В ходе полевых работ была обнаружена ювелирная мастерская (фрагменты тиглей, литейные формы, бракованные изделия и т.д.), что свидетельствует о местном характере ювелирного производства [39, с. 74].

Заключение. Таким образом, в статье выделяются основные периоды и этапы изучения женских металлических украшений X–XIII вв. с территории Центральной и Южной Беларуси в 1920-е–2020-е гг. Можно выделить два основных периода – межвоенный и послевоенный, которые в свою очередь разделяются на этапы. Как правило, женские металлические украшения рассматривались в контексте изучения этнической истории восточнославянских племенных союзов на примере материалов, полученных в результате исследования погребальных памятников и городских слоёв древнерусского времени. Следует также отметить, что несмотря на имеющийся накопленный обширный фактологический материал, из которого сформированы коллекции средневековых металлических украшений, до сих пор нет специализированного обобщающего исследования, посвящённого проблеме их происхождения, распространения типологии и хронологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вяргей В.С. Археалагічная навука ў Беларускай ССР 1919 – 1941 гг. – Мінск: Наука и техника, 1992. – 144 с.
2. Алексеев Л.В. Археология и краеведение Беларуси, XVI в. – 30-е годы XX в. / под ред. акад. Б.А. Рыбакова. – Минск: Бел. навука, 1996. – 206 с.
3. Сербай І. Археалагічныя раскопкі ў акаліцах Мінску ў 1925 г. (Пятроўшчына і Рылаўшчына) // Гістарычна-археалагічны зборнік / Ін-т беларус. культуры, Сац.-гіст. секцыя і Гіст.-археал. каміс. – Мінск, 1927. – № 1: Доклады і рэфераты 1926–1927 года. – С. 193–231.
4. Ляўданскі А.М. Заслаўе на Міншчыне: археалагічныя доследы і гістарычны агляд. – Мінск: [б. в.], 1928. – 121 с. – (Адбітак з «Прац і матэрыялаў» Археалагічнай кафедры Інстытуту беларускай культуры; т. 1).
5. Ляшкewіч Э.А. Археалагічная экспедыцыя Беларускай акадэміі навук на Случчыне і Тураўшчыне ў 1929 годзе // Матэрыялы па археалогіі Беларусі: зб. навук. арт. / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2017. – Вып. 28. – С. 101–116.
6. Дубінскі С.А. Археалагічная праца на БССР у 1928–1929 акад. годзе // Працы кафедры археалогіі. – Мінск, 1930. – Т. 2. – С. 503–521.
7. Каваленя А.Дз. Матэрыялы з дагісторыі Тураўшчыны // Запіскі аддзела гуманітарных навук. – Мінск, 1930. – Кн. 11 : Працы археалагічнай камісіі, т. 2. – С. 339–379.
8. Рыбакоў Б.А. Радзімічы // Працы кафедры археалогіі. – Мінск., 1932. – Т. 3. – С. 81–151.
9. Тарасенко, В. Р. Древний Минск // Материалы по археологии БССР : [сб. ст.] / Ин-т истории АН БССР. – Минск, 1957. – Т. 1. – С. 182–257.
10. Успенская А.В. Белорусское Полесье в X–XIII вв.: (к истории древнерусской деревни): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1953. – 18 с.
11. Успенская А.В. Курганы Южной Белоруссии X–XIII вв. // Археологический сборник / под ред. А.Я. Брюсова. – М., 1953. – С. 97–124. – (Труды Государственного исторического музея; вып. 22).
12. Седов В.В. Из полевых исследований 1961 г. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. – М., 1963. – Вып. 96. – С. 37–43.
13. Седов В.В. Восточные славяне в VI–XIII вв. – М.: Наука, 1982. – 327 с.

14. Загорульский Э.М. Древний Минск. – Минск: Гос. изд-во БССР, 1963. – 117 с.
15. Загорульский Э.М. Возникновение Минска. – Минск: Изд-во Бел. гос. ун-та, 1982. – 356 с.
16. Штыхаў Г.В. Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 189 с.
17. Штыхаў Г.В. Узнікненне Лагойска: гісторыка-археалагічны нарыс. – Мінск: Бел. навука, 2015. – 104 с.
18. Лысенко П.Ф. Города Туровской земли: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Минск, 1971. – 24 с.
19. Лысенко П.Ф. Города Туровской земли. – Минск: Наука и техника, 1974. – 197 с.
20. Лысенко П.Ф. Берестье. – Минск: Наука и техника, 1985. – 395 с.
21. Лысенко П.Ф. Открытие Берестья. – Минск: Наука и техника, 1989. – 157 с.
22. Лысенко П.Ф. Древний Пинск, XI–XIII вв., 1097–2007. – Пинск: Пин. регион. тип., 2007. – 171 с.
23. Лысенко П.Ф. Туровская земля, IX–XIII вв. – 2-е изд. – Минск: Бел. наука, 2001. – 266 с.
24. Лысенко П.Ф. Древний Туров. – Минск: Бел. наука, 2004. – 179 с.
25. Лысенко П.Ф. Сказание о Турове. – 3-е изд., испр. и доп. – Минск: Бел. наука, 2018. – 116 с.
26. Лысенко П.Ф. Дреговичи. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 242 с.
27. Заяц Ю.А. Заславль в эпоху феодализма. – Минск: Наука и техника, 1995. – 206 с.
28. Дучыц Л.У. Касцюм жыхароў Беларусі X–XIII стст.: паводле археалагічных звестак. – Мінск: Бел. навука, 1995. – 78 с.
29. Коробушкина Т.Н. Курганы Белорусского Побужья X–XIII вв. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 130 с.
30. Коробушкіна Т.М. Насельніцтва Беларускага Пабужжа X–XIII стст. – Мінск: Бел. навука, 1999. – 126 с.
31. Богомольников В.В. Курганы Радимичей: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06 / АН СССР, Ин-т археологии 1988. – 14 с.
32. Богомольников В.В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.) / Под науч. ред. О.А. Макушников. – Гомель, 2004. – 226 с.
33. Макушников О.А. Гомельское Поднепровье в V – середине XIII вв.: социально-экономическое и этнокультурное развитие. – Гомель: ГГУ, 2009. – 216 с.
34. Калядзінскі Л.У. Археалагічныя даследаванні дзядзіна летапіснага Случаска // Случчына: мінулае і сучаснасць: да 880-годдзя заснавання г. Слуцка / Адз. культуры Слуц. гарвыканкама, Слуц. краязн. музей. – Слуцк, 1995. – Вып. 1. – С. 32–37.
35. Колединский Л.В., Почобут Н.А. Колты XII в. из раскопок детинца летописного Слуцка // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I – начале II тысячелетия нашей эры: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 90-летию проф. Э.М. Загорульского, Минск, 6–7 дек. 2018 г. / Бел. гос. ун-т; редкол.: А.А. Егорейченко (науч. ред.). – Минск, 2018. – С. 135–141.
36. Кошман В.І. Сельскія паселішчы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра ў X–XIII стст.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.06. – Мінск, 2003. – 20 с.
37. Кошман В.І. Паселішчы міжрэчча Бярэзіны і Дняпра ў X–XIII стст. – Мінск: Бел. навука, 2008. – 281 с.
38. Войтехович А.В. Погребальный обряд населения Полоцкой земли в X–XII вв. – Минск: Бел. наука, 2019. – 270 с.
39. Войтехович А., Лакиза В. Археологический комплекс на реке Менке: предварительные итоги исследований 2023 года // Беларуская думка. – 2023. – № 12. – С. 70–78.

Поступила 08.05.2026

METAL JEWELRY OF WOMEN OF THE 10TH–13TH CENTURIES IN THE TERRITORY OF CENTRAL AND SOUTHERN BELARUS IN THE WORKS OF ARCHAEOLOGISTS (1920–2020)

Y. YURETSKAYA

(Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

This article provides a historiographic review of research on women's metal jewelry from the 10th to 13th centuries in Central and Southern Belarus. The chronological scope of the study is the 1920s–2020s. An analysis of the archaeological literature identifies two main periods of study for this category of artifacts: the interwar and postwar periods, which are further divided into stages. Researchers have traditionally examined women's jewelry within the context of the ethnic history of East Slavic tribal unions, based on materials from funerary monuments, rural settlements, and the cultural layers of ancient Russian cities. Despite the significant volume of accumulated material and established museum jewelry collections, a conspicuous absence of a comprehensive study that comprehensively addresses the origin, typology, chronology, and distribution of women's metal jewelry in the selected region and period.

Keywords: archaeology, historiography, Middle Ages, women's metal jewelry.

УДК 616-054(476)"11/13"

DOI 10.52928/2070-1608-2026-79-3-17-21

**РЕЗУЛЬТАТЫ ПАЛЕОПАТОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ ПОЛОЦКА XI–XIII ВВ.
(ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК НА ТЕРРИТОРИИ ВЕРХНЕГО ЗАМКА)****Д.С. КАМИНСКАЯ***(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)*

В статье представлены результаты палеопатологического исследования населения Полоцка XI–XIII вв., остеологический материал представителей которого был выявлен в ходе археологического изучения Верхнего замка. По итогу зафиксированы следующие группы заболеваний и патологических состояний: травмы черепа, следы воспаления верхнечелюстных пазух, заболевания зубочелюстной системы, маркеры физиологического стресса, дегенеративные заболевания позвоночника, остеоартрозные поражения суставов посткраниального скелета, дегенеративные изменения акромиально- и грудинно-ключичного сустава, подвздошно-крестцового сочленения, периостальная реакция на диафизах длинных трубчатых костей, травмы посткраниального скелета. Согласно статистическим данным, наиболее часто на остеологическом материале полочан встречаются одонтологические заболевания (пародонтопатии, кариес, абсцессы челюсти) и дегенеративные изменения позвоночника (остеофитоз, грыжи Шморля, спондилоартроз). В рамках исследования установлена взаимосвязь между изменяющимися условиями жизни городского населения и спектром патологических состояний, выявленных у средневековых жителей Полоцка.

Ключевые слова: городское население, Полоцк, XI–XIII вв., урбанизация, палеопатология, травмы, кариес, остеофитоз, артроз, реакция периоста.

Введение. Исследование истории Полоцка XI–XIII вв. тесно связано с изучением письменных источников, повествующих о наиболее значимых событиях, происходивших в Полоцком княжестве. Однако летописи практически не содержат информации о повседневной жизни городского населения, тем самым значительная часть истории города остается неизвестной и может быть изучена на основе археологических и антропологических методов. Палеопатологическое изучение костных останков позволяет выявить следы наиболее часто встречающихся заболеваний, зафиксировать маркеры физиологического стресса и установить специфику рациона питания средневекового населения Полоцка. В XI–XIII вв. Полоцк являлся одним из крупнейших политических, экономических и культурных городов Киевской Руси. Включение города в торговую систему пути «из варяг в греки» позволило создать условия для активного роста численности его населения, повышения мобильности горожан, стало одной из причин их социально-профессиональной дифференциации. Процесс урбанизации и формирование городской жилой среды позволяет говорить о неоднородности популяции, проявлявшейся в различиях образа жизни полочан, их питании, доступе к медицине и других социально-биологических факторах, напрямую влияющих на состояние здоровья населения.

Археологическое исследование территории Верхнего замка в Полоцке, проводимое в 2019–2022 гг. специалистами Института истории НАН Беларуси и сотрудниками Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой и Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника, позволило установить местонахождение одного из городских кладбищ XI–XIII вв. Предварительная антропологическая экспертиза, проводимая антропологом О.А. Емельянчик, позволила установить, что выявленные костные останки принадлежали не менее чем 160 индивидам (87 взрослых и 73 ребенка) [1, с. 6, 9–10]. Цель представленного исследования – реконструкция состояния здоровья средневекового населения Полоцка XI–XIII вв. Объект исследования – городское население Полоцка XI–XIII вв., предмет – палеопатологические маркеры, отражающие состояние здоровья средневековых жителей Верхнего замка.

Материалы и методы. Материал исследования – костные останки 65 взрослых человек, выявленные в ходе археологического исследования некрополя XI–XIII вв. на территории Верхнего замка. Исследование проведено с использованием классических методов установления степени сохранности костей, пола и возраста индивидов [2, с. 51–53; 3, р. 18, 20; 4, с. 151], а также с применением комплекса методов фиксации следов патологических состояний на скелетированных останках [5, р. 97; 6, с. 112, 119; 3, р. 55; 7, р. 155; 8, с. 494; 9, р. 185; 10, р. 486]. Для количественной оценки распространенности патологий использовался процентный подсчет: число индивидов, у которых присутствовал признак, делилось на общее количество индивидов в выборке [11, р. 250].

С целью получения достоверных результатов для статистических расчетов учитывалась сохранность скелета для каждой группы патологических состояний: травмы черепа – сохранность костей черепа (допускалось отсутствие нижней челюсти); гипоплазия эмали – сохранность большинства зубов одной из челюстей; кариес – сохранность моляров хотя бы одной из челюстей; абсцессы и парадонтопатии – сохранность альвеолярных отростков хотя бы одной из челюстей; дегенеративные заболевания позвоночника – сохранность не менее 50% тел позвонков и суставных отростков; артрозные изменения – высокая степень сохранности суставных поверхностей; дегенеративные изменения суставных поверхностей ключиц – сохранность суставных поверхностей обеих костей; реакция периоста – высокая степень сохранности верхних слоев кости длинных трубчатых костей. Частота

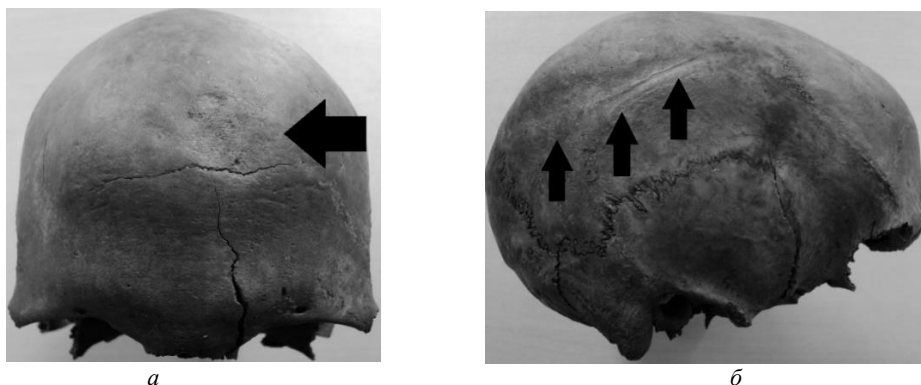
встречаемости воспалений верхнечелюстных пазух не рассчитывалась ввиду того, что фиксация данных патологических изменений возможна лишь в случае частичного разрушения лицевого отдела черепа.

Результаты исследования. Высокая степень сохранности костного материала, а также ненарушенность погребений, позволили установить частоту встречаемости выявленных заболеваний и патологических состояний (таблица).

Таблица. – Сводная таблица частот встречаемости патологий, выявленных у взрослого населения, погребенного на территории Верхнего замка Полоцка в XI–XIII вв.

Палеопатологические проявления	Всего наблюдений	Число патологий	Процент
Травмы черепа	22	8	36,6%
Кариес	35	24	68,5%
Абсцессы челюсти	39	25	64,1%
Пародонтопатии	27	24	88,8%
Гипоплазия эмали	31	12	38,7%
Остеофитоз	32	21	65,6%
Узлы Шморля	35	23	65,7%
Спондилоартроз	31	19	61,2%
Дегенеративные изменения акромиально-и грудинно-ключичного сочленения	28	9	32,1%
Периостальные реакции на диафизах длинных трубчатых костей	32	6	18,7%

Травмы черепа. В ходе экспертизы было зафиксировано 8 случаев травм черепа, что составило 36,6% от общего числа (22 индивида с высокой степенью сохранности костей черепа). В большинстве случаев травмы регистрировались на лобной и/или теменных костях, локализовались с правой и левой стороны, а также в центре лобной кости. Во всех зафиксированных случаях травмы сопровождались осложнением в виде воспалительной реакции, отмечены следы заживления, что указывает на прижизненный характер повреждений. В одном случае (погребение VII, женщина 40–50 лет) зафиксированы множественные травмы черепа. В ходе осмотра костных останков в центре лобной кости индивида был выявлен вдавленный перелом (22×19 мм) со следами воспалительного процесса и заживления (рисунок 1). На правой теменной кости зафиксирован след травмы, полученной в ходе нанесения удара секущим или рубящим орудием (около 80 мм). Повреждение имеет следы воспаления и глубокой облитерации. В данном случае факт травмы подтверждается деформацией черепа в области пересечения чешуйчатого и лямбдовидного швов.

а – вдавленный перелом лобной кости; *б* – рубленая травма черепа
Рисунок 1. – Следы множественных травм черепа (погребение №VII)

Синусит. Следы воспаления полостей верхнечелюстных пазух (синусит) были выявлены у 8 индивидов. На хроническую форму заболевания указывали патологические изменения стенок верхнечелюстных пазух, присутствие костных наростов.

Заболевания зубочелюстной системы. В рамках палеопатологического исследования были выявлены следы 3 групп заболеваний зубочелюстной системы: кариес, абсцессы челюсти, пародонтопатии. Кариес был зафиксирован у 24 индивидов, что составило 68,5% (24 случая среди 35 индивидов с высокой степенью сохранности материала). Следы заболевания преимущественно фиксировались в пришеечной области либо представляли случаи обширного поражения, сопровождающегося частичным или полным разрушением коронки зуба. В нескольких случаях болезнь затрагивала окклюзионную поверхность.

Изменения костной ткани альвеол, возникающие в процессе развития воспалительных процессов (абсцессов) челюсти, были зафиксированы у 25 индивидов, что составило 64,1% (25 случаев среди 39 индивидов с высокой степенью сохранности материала). Зарегистрированные случаи можно разделить на 2 группы: периапикальные абсцессы и обширные очаги, при которых значительная часть альвеолярной ткани была разрушена.

Следы заболевания пародонта выявлены у 24 индивидов, что составило 88,8% (24 случая / 27 индивидов с высокой степенью сохранности материала). В большинстве случаев заболеванием были затронуты области С–С,

в единичных случаях болезнь возникала на альвеолах премоляров. Зафиксированные случаи представляют собой хроническую форму заболевания, в ряде случаев патология сопровождается кариесом и/или абсцессами челюсти.

Маркеры неспецифического физиологического стресса. В ходе исследования зубочелюстной системы у 12 индивидов были зарегистрированы следы эмалевой гипоплазии, что составило 38,7% (12 случаев / 31 индивид с высокой степенью сохранности материала). Чаще всего признак встречался на эмали клыков, реже на резцах и премолярах. Во всех случаях эмалевая гипоплазия имела линейный тип.

Дегенеративные заболевания позвоночника. В процессе исследования посткраниального скелета были зарегистрированы следующие патологические изменения тел позвонков: остеофитоз (образование краевых костных разрастаний на телах позвонков), узлы (грыжи) Шморля, спондилоартроз.

Краевые костные разрастания тел позвонков были зафиксированы у 21 индивида, что составило 65,6% (21 случай среди 32 индивидов с высокой степенью сохранности сегментов позвоночника). В основном остеофитоз фиксировался на позвонках грудного и поясничного отделов, реже болезнь затрагивала позвонки шейного отдела. Патологические изменения проявлялись в виде костных разрастаний краев тел позвонков (рисунок 2), в некоторых случаях приводивших к их сращению и деформации позвоночника.

Рисунок 2. – Краевые костные разрастания на позвонках грудного и поясничного отделов (погребение № 25Ш)

Следы образования грыж Шморля были зафиксированы у 23 индивидов, что составило 65,7% (23 случая среди 35 индивидов с высокой степенью сохранности тел позвонков). Заболевание фиксировалось на телах позвонков грудного и поясничного отделов. Зачастую патология развивалась на нескольких смежных позвонках, таким образом поражая часть отдела позвоночника (рисунок 3).

Спондилоартрозные изменения суставов позвонков были выявлены у 19 индивидов, что составило 61,2% (19 случаев/31 индивид с высокой степенью сохранности суставных отростков позвонков). В большинстве случаев патология развивалась на позвонках грудного отдела, реже заболевание наблюдалось на позвонках поясничного и шейного отделов. У всех индивидов, наряду с краевыми костными разрастаниями и деформацией суставной поверхности, зафиксированы следы частичной или полной полировки сустава (рисунок 4).

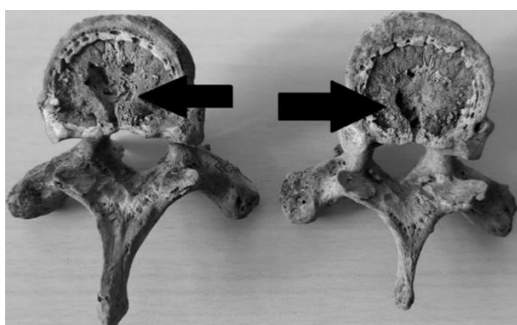

Рисунок 3. – Грыжи Шморля (погребение № 23В)

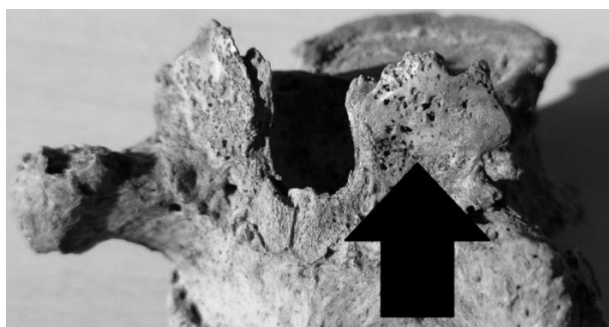

Рисунок 4. – Спондилоартрозные поражения суставных поверхностей позвонка (погребение № 25Ш)

Остеоартроз суставов посткраниального скелета. Палеопатологическое исследование костных останков населения Полоцка XI–XIII вв. позволило зафиксировать 8 случаев дегенеративных изменений суставных поверхностей костей посткраниального скелета. Артрозные изменения наблюдались в области акромиально-ключичного, лучезапястного, проксимально межфалангового, тазобедренного, коленного и плюснефалангового суставов. В процессе диагностики заболевания наблюдались следы полировки и деформации суставной поверхности.

Дегенеративные изменения акромиально- и грудинно-ключичного сустава, подвздошно-крестцового сочленения. В ходе палеопатологической экспертизы у 9 индивидов были зарегистрированы следы дегенеративных изменений акромиально- и грудинно-ключичного суставов. Частота встречаемости данной патологии составила

32,1% (9 случаев/28 индивидов с высокой степенью сохранности суставных поверхностей ключиц). Во всех зафиксированных случаях изменения представляли собой изъязвления суставных поверхностей, у некоторых индивидов наблюдались следы воспалительных процессов (рисунок 5). Кроме того, у трех индивидов из исследуемой выборки были выявлены следы дегенеративных изменений, локализирующихся на поверхности крестцово-подвздошного сочленения (рисунок 6).

Рисунок 5. – Дегенерация акромиально-ключичной суставной поверхности

Рисунок 6. – Дегенеративные изменения крестцово-подвздошного сочленения

Реакция периоста на диафизах длинных трубчатых костей. Исследование остеологического материала позволило выявить следы периостальной реакции – специфического ответа иммунной системы организма, фиксируемой на поверхностях длинных трубчатых костей (рисунок 7). Патологические изменения были выявлены у 6 индивидов, что составило 18,7% случаев (6 случаев среди 32 индивидов с высокой степенью сохранности поверхности длинных трубчатых костей). Во всех зарегистрированных случаях реакция периоста наблюдалась на костях нижних конечностей и имела хроническую форму.

Рисунок 7. – Периостальная реакция на поверхности малоберцовой кости (погребение № 16А)

Травмы посткраниального скелета. В ходе палеопатологического анализа были зафиксированы единичные случаи травматических повреждений ключиц, рёбер, переломы костей верхних и нижних конечностей. У всех индивидов на месте локализации травмы зарегистрированы следы воспалительных реакций, в некоторых случаях посттравматическая деформация, окостенение мест кровоизлияний и образование костных мозолей.

Заключение. Согласно результатам палеопатологического исследования на остеологическом материале средневекового населения Полоцка были зарегистрированы следующие группы патологических состояний: травмы черепа, следы воспаления верхнечелюстных пазух (синусит), заболевания зубочелюстной системы (кариес, абсцессы челюсти, пародонтопатии), маркеры физиологического стресса (эмалевая гипоплазия), дегенеративные заболевания позвоночника (остеофитоз, узлы Шморля, спондилоартроз), остеоартрозные поражения суставов посткраниального скелета, дегенеративные изменения акромиально- и грудинно-ключичного сустава, подвздошно-крестцового сочленения, периостальная реакция на диафизах длинных трубчатых костей, травмы посткраниального скелета.

В ходе установления частот встречаемости выявлено, что наиболее высокие показатели заболеваемости наблюдаются в группе патологических состояний зубочелюстной системы: пародонтопатии – 88,8%, кариес – 68,5%, абсцессы челюсти – 64,1%. Полученные данные в первую очередь указывают на возможность присутствия в рационе полочан XI–XIII вв. значительной доли продуктов питания, богатых быстрыми углеводами и сахарами. Ухудшению здоровья также способствовали недостаточная гигиена полости рта и специфика медицинского ухода, о чем свидетельствуют высокие показатели воспалительных заболеваний пародонта.

На посткраниальном скелете наиболее часто фиксировались дегенеративные заболевания позвоночника: узлы Шморля – 65,7%, остеофитоз – 65,6% и спондилоартроз – 61,2% случаев. Патологические изменения позвоночника, наблюдаемые у представителей городского населения, тесно связаны с биомеханическими нагрузками, которые индивиды испытывали при жизни. Общему износу организма способствовали ремесленные, военные или бытовые занятия, сопряженные с напряжением корпуса и спины.

Таким образом, городская среда и образ жизни населения в условиях ускоряющейся урбанизации являются главными факторами, определяющими состояние здоровья жителей Полоцка XI–XIII вв. На фоне экономического и культурного подъема Полоцкого княжества скученность населения, многочисленные социальные контакты, антисанитарные условия и ограниченность медицинского обслуживания создавали специфическую эпидемиологическую обстановку, формирующую палеопатологический профиль населения средневекового города.

ЛИТЕРАТУРА

1. Папярэднія вынікі даследавання могільніка XI–XIII стст. на тэрыторыі Верхняга замка Полацка / І.У. Магалінскі, В.А. Емельянчык, А.Л. Коц, П.М. Кенько // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А, Гуманитарные науки. – 2023. – № 2(67). – С. 6–12. DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1608-2023-67-2-6-12>.
2. Мамонова Н.Н., Романова Г.П., Харитонов В.М. Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях // Методика полевых археологических исследований: сб. науч. ст. – Л.: Наука, 1989. – С. 50–84.
3. Buikstra J., Ubelaker D. Standards for data collection from human skeletal remains. – Arkansas, 1994. – 258 p.
4. Piontek, J. Biologia populacji pradziejowych. – Poznań: Wydawnictwo naukowe, 1996. – 217 s.
5. Aufderheide A., Cornado R. The Cambridge encyclopedia of human paleopathology. – United Kingdom. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998. – 478 p.
6. Бужилова А.П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека: методика биоархеологических исследований / Под ред. А.П. Бужиловой, М.В. Козловской. – М.: Старый Сад, 1998. – С. 87–146.
7. Brothwell D. R. Digging up bones. – Ithaca, New York: Cornell University Press, 1981 – 208 p.
8. Schultz M. Paläopathologische Diagnostik // Anthropologie: Handbuch der vergleichenden Biologie des Menschen / H. L. Barlett [usw.]. – Stuttgart: Fischer Wlag, 1988. – Bd. 1. – S. 480–496.
9. Sager P. Spondylosis cervicalis. A pathological and osteoarchaeological study of osteochondrosis intervertebralis cervicalis, arthrosis uncovertebralis, and spondylarthrosis cervicalis: thesis Ph. D. of Medicine. – Copenhagen: Munksgaard, 1969. – 238 p.
10. Boocock P., Roberts C. A., Manchester K. Maxillary sinusitis in medieval Chichester, England // American journal of physical anthropology. – 1995. – Vol. 98(4). – P. 483–495.
11. Waldron T. Paleopathology. – London: Cambridge University Press, 2009. – 299 p.

Поступила 07.04.2026

RESULTS OF A PALEOPATHOLOGICAL STUDY OF THE POPULATION OF POLOTSK IN THE XI–XIII CENTURIES (BASED ON DATA FROM ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS IN THE UPPER CASTLE AREA)

D. KAMINSKAYA
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

This article presents the results of a paleopathological study of the 11th–13th-century population of Polotsk, whose skeletal remains were discovered during an archaeological investigation of the Upper Castle site. As a result, the following groups of diseases and pathological conditions were recorded: skull injuries, signs of maxillary sinus inflammation, diseases of the dentofacial system, markers of physiological stress, degenerative diseases of the spine, osteoarthritic lesions of the joints of the postcranial skeleton, degenerative changes in the acromioclavicular and sternoclavicular joints, the sacroiliac joint, periosteal reaction on the diaphyses of long tubular bones, and injuries to the postcranial skeleton. According to statistical data, the most common findings in the osteological material from Polotsk are dental diseases (periodontal disease, caries, jaw abscesses) and degenerative changes in the spine (osteophytosis, Schmorl's hernias, spondyloarthrosis). The study established a correlation between the changing living conditions of the urban population and the range of pathological conditions identified in the medieval inhabitants of Polotsk.

Keywords: urban population, Polotsk, 11th–13th centuries, urbanization, paleopathology, trauma, caries, osteophytosis, osteoarthritis, periosteal reaction.

УДК 39(476):930.1(476)"19"+902/904(476)(092)Сядоў

DOI 10.52928/2070-1608-2026-79-3-22-26

**СТАНАЎЛЕННЕ КАНЦЭПЦЫІ БАЛЦКАГА СУБСТРАТУ Ў ЭТНАГЕНЕЗЕ БЕЛАРУСАЎ
У ПРАЦАХ В.В. СЯДОВА (1950 – 1970-я гг.)***канд. гіст. навук С.С. ЮРЭЦКІ**(Цэнтральная навуковая бібліятэка імя Якуба Коласа НАН Беларусі, Мінск)**e-mail: st.yuretski@yandex.by*

Артыкул з'яўляецца гістарыяграфічным даследаваннем. Публікацыя прысвечана выяўленню сутнасці і этапаў у станаўленні канцэпцыі балцкага субстрату ў этнагенезе беларусаў у працах археолага В.В. Сядова ў 1950 – 1970-я гг. Разгледжаны прычыны, якія абумовілі актуалізацыю балцкай праблематыкі ў кантэксце вывучэння этнагенезу ўсходніх славян у савецкай археалогіі. Вызначаны этапы ў станаўленні дадзенай канцэпцыі.

Ключавыя словы: *гістарыяграфія, гісторыя археалагічнай навукі, этнагенез, славяне, беларусы, балты, балцкі субстрат.*

Уводзіны. У айчынным гістарыяграфіі адной з самых актуальных і складаных праблем з'яўляецца этнагенез беларусаў. Дадзенае пытанне шчыльна звязанае з вывучэннем вытокаў беларускай дзяржаўнасці. Сучасны стан ведаў наконт этнагенезу беларусаў і пачаткаў нашай дзяржаўнасці ў абагуленым выглядзе адлюстраваны ў першым томе акадэмічнай калектыўнай манаграфіі «История белорусской государственности» пад рэдакцыяй акадэміка А.А. Кавалені [1, с. 59–229], а таксама ва ўніверсітэцкім выданні «Гісторыя беларускай дзяржаўнасці» пад рэдакцыяй члена-карэспандэнта І.А. Марзалюка [2, с. 22–50, 331–354]. Пры гэтым праблематыка этнагенезу беларусаў з'яўляецца шматаспектнай і застаецца актуальнай для далейшага ўсебаковага вывучэння. Найважнейшым фактарам такіх даследаванняў павінны стаць гістарыяграфічныя працы па дадзенай тэме.

У гістарыяграфіі вядома некалькі асноўных канцэпцый паходжання беларускага этнасу: племянная, славянскага аўтахтанізму, старажытнаруская і субстратная балцкая [2, с. 331–335]. Сярод іх адметнае месца займае канцэпцыя балцкага субстрату ў паходжанні беларусаў. Актуальнасць далейшага і больш паглыбленага вывучэння балцкага фактару ў этнічнай гісторыі беларусаў падкрэсліў у сучасным выданні член-карэспандэнт І.А. Марзалюк [2, с. 338–339]. Асобныя фрагменты дадзенай буйной тэмы прадстаўлены ў калектыўных выданнях, гістарыяграфічных раздзелах манаграфій, артыкулах, у тым ліку ў энцыклапедычных і біябібліяграфічных выданнях [1, с. 25–37; 2, с. 331–339; 3, с. 5–9; 4, с. 402–404; 5, с. 12, 14–15; 6; 7; 8, с. 192–195; 9, с. 20, 29; 10; 11, с. 11–30]. Аднак апублікаваныя працы не даюць поўнага ўяўлення аб усім аб'ёме назапашанай айчыннымі археолагамі інфармацыі наконт удзелу балтаў у паходжанні беларусаў.

Дзякуючы навуковай дзейнасці савецкага і расійскага археолага В.В. Сядова ў перыяд 1950–1970-х гг. была створана канцэпцыя балцкага субстрату ў этнагенезе беларусаў [12, с. 12–16; 13, с. 304–306; 14, с. 32–38; 15, с. 185–186], якая выклікала значную дыскусію ў савецкай гістарыяграфіі. Мэтай нашага артыкула з'яўляецца выяўленне сутнасці і этапаў у станаўленні канцэпцыі балцкага субстрату ў этнагенезе беларусаў у працах В.В. Сядова ў 1950 – 1970-я гг. Пры гэтым неабходным з'яўляецца вырашэнне шэрагу задач. Варта разгледзець прычыны, якія абумовілі зварот савецкіх археолагаў да балцкай праблематыкі ў кантэксце даследавання паходжання ўсходніх славян, у тым ліку і беларусаў. Патрэбна таксама выявіць этапы ў станаўленні канцэпцыі балцкага субстрату ў этнагенезе беларусаў у агульным кантэксце развіцця савецкай археалогіі таго часу.

Асновай для даследавання стала кола гістарыяграфічных крыніц. У яго ўвайшлі ў першую чаргу апублікаваныя навуковыя працы савецкіх археолагаў пазначана перыяду, у якіх разглядаецца балцкі фактар у этнагенезе ўсходніх славян, перадусім беларусаў. Карыснымі для вывучэння таксама сталі аўтарэфераты і дысертацыі даследчыкаў па названай праблеме.

Артыкул падрыхтаваны, зыходзячы з метадалагічных прынцыпаў аб'ектнасці, гістарызму і сістэмнасці, уласцівых дыялектычнаму матэрыялізму. Выкарыстоўваліся як агульнанавуковыя метады (аналіз і сінтэз, дэдукцыя і індукцыя, параўнанне і абагульненне), так і канкрэтна-гістарычныя (гісторыка-параўнальны і гісторыка-генетычны).

Перадумовы і пачатак станаўлення канцэпцыі. Аналіз навуковай спадчыны В.В. Сядова дазваляе прасачыць эвалюцыю канцэпцыі балцкага субстрату ў этнічнай гісторыі беларусаў ад яе зараджэння ў 1950-я гг. і да фінальнага афармлення да пачатку 1970-х гг. Кратка разгледзім стан балцкай праблемы ў савецкай археалогіі напярэдадні з'яўлення прац В.В. Сядова.

Увага на няўнасць на беларускіх землях археалагічных старажытнасцей, якія суадносяцца са старажытнымі балтамі, была звернута даследчыкамі яшчэ напрыканцы XIX ст. [16; 17]. У міжваенны час А.А. Спіцын выказаўся аб няўнасці балцкага перыяду ў старажытнай гісторыі Беларусі, пачынаючы з эпохі неаліту [18, с. 25–28]. Беларускія археолагі, перадусім А.М. Ляўданскі, таксама атаясамлялі мясцовыя помнікі жалезнага веку з балцкім насельніцтвам [19, с. 184–185; 20, с. 336; 21, с. 59–60]. А.М. Ляўданскі адзначаў уплыў балтаў на культуру славян па матэрыялах вывучэння курганоў [20, с. 337–338]. Адзначым, што ў сваім даследаванні старажытнасцей летапісных радзімаў Б.А. Рыбакоў вылучыў асобныя балцкія элементы сярод славянскіх матэрыялаў [22, с. 137–138].

Пры гэтым згаданае атаясамленне помнікаў жалезнага веку са старажытнымі балтамі мела папярэдні характар. Пра гэта сведчыць і ўзровень распрацаванасці праблемы ў буйных этнагенетычных працах савецкага археолага П.М. Трацякова 1940-х – пачатку 1950-х гг., у якіх гарадзішчы са штрыхаванай керамікай гіпатэтычна звязваліся з балцкім насельніцтвам [23, с. 49; 24, с. 91–92].

Паказальнымі з’яўляюцца даследаванні беларускага археолага В.Р. Тарасенкі, які апрабаваў свае вынікі ў якасці кандыдацкай дысертацыі (Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры імя М.Я. Мара АН СССР, 1947 г.¹). Праца на тэму «К истории верхнего Поднепровья и Белоруссии в I тысячелетии нашей эры (по археологическим данным)» з’явілася не толькі першай абароненай дысертацыяй, але і першым этнагенетычным даследаваннем у айчыннай археалогіі. В.Р. Тарасенка ўслед за аўтахтоннай тэорыяй М.Я. Мара, якая на той момант была пануючай у савецкай археалогіі, лічыў славян аўтахтонным насельніцтвам на тэрыторыі Беларусі, пачынаючы з эпохі неаліту. Наяўнасць на мяцовых помніках штрыхаванай керамікі звязвалася з балтамі і адносілася навукоўцам да часоў балта-славянскага адзінства [25, с. 170–171]. У пачатку 1950-х гг. пасля знакамітай дыскусіі па пытаннях мовазнаўства адбылося крытычнае асэнсаванне творчай спадчыны М.Я. Мара, пасля чаго яго тэарэтычныя распрацоўкі фактычна перасталі выкарыстоўвацца. Таму згаданыя палажэнні В.Р. Тарасенкі страцілі сваю актуальнасць, не былі шырока апублікаваныя і не зрабілі вялікага ўплыву на далейшае развіццё гістарыяграфіі.

Прыход у навуку В.В. Сядова ў пачатку 1950-х гг. супаў з карэнным пераглядам метадалогіі этнагенетычных даследаванняў у савецкай археалогіі пасля ўжо пазначанай крытыкі тэорыі М.Я. Мара. Найважнейшым вынікам перамен стаў заклік навукоўцаў да вывучэння праблем крыніцазнаўства і гістарыяграфіі, неабходнасці даследавання канкрэтных археалагічных культур і этнічных супольнасцей у старажытнасці, адмаўленне ад пазіцыі гіпертрафіраванага аўтахтанізму [26, с. 5–8; 27, с. 6; 28, с. 20]. Такім чынам, у пачатку 1950-х гг. склаліся ўмовы для правядзення даследаванняў этнагенезу ўсходніх славян на якасна новым узроўні.

Неабходнасць далейшага вывучэння археалогіі ўсходніх славян была прадыхтавана таксама патрэбай у больш паглыбленым вывучэнні кантактаў старажытных славян з суседнім неславянскім насельніцтвам. Дагэтуль у публікацыях раглядаліся пераважна пытанні наяўнасці сярод балцкіх старажытнасцей элементаў культуры славян. Так, маскоўскі археолаг А.У. Успенская ў сваёй кандыдацкай дысертацыі на тэму «Белорусское Полесье в X–XIII вв. (к истории древнерусской деревни)» (Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры АН СССР, 1953 г.) паказвала на наяўнасць славянскай керамікі і ўпрыгожванняў у пахаваннях аўкштайтаў Усходняй Літвы. Балцкія ж элементы ў славянскіх помніках (упрыгожванні), на думку даследчыцы, сведчылі *“о далеких связях местного населения с неславянскими странами”* [29, с. 13–14].

Менавіта ва ўмовах творчага перахода да вывучэння этнагенезу славян прыступіў да сваёй навукова-даследчай дзейнасці В. В. Сядоў. З пачатку 1950-х гг. ён распрацоўваў праблематыку этнічнага складу насельніцтва Наўгародскай, Пскоўскай і Смаленскай зямель старажытнарускага часу [11, с. 14–15]. Аснова этнагенетычных распрацовак В.В. Сядова была закладзена ў яго кандыдацкай дысертацыі на тэму: «Кривичи и словене» (Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры АН СССР, 1954 г.). У праблемнае поле даследавання ўвайшлі старажытнасці I тыс. н. э. і першых стагоддзяў II тыс. н.э. Навізна падыходу В.В. Сядова заключалася ў тым, што раней матэрыялы I і II тыс. разглядаліся абасоблена ад вывучэння старажытнарускіх плямёнаў [11, с. 4]. У дачыненні да тэрыторыі Беларусі ключавым палажэннем дысертацыі стаў доказ таго, што даславянскае насельніцтва з прыходам славян не пакінула сваіх паселішчаў. В.В. Сядовым паказваўся працэс славянскай каланізацыі і славянізацыі мясцовых балтаў. Сведчанні гэтаму былі знойдзены археолагам у матэрыялах курганоў XI–XIII стст., якія ўтрымлівалі знаходкі антрапалагічнага тыпу, характэрнага для балтаў [12, с. 14–15]. Яшчэ адным доказам балцкага характару даславянскага насельніцтва Верхняга Падняпроўя стала наяўнасць балцкай гідраніміі ў рэгіёне [30, с. 14, 18]. На той момант даследчыя палажэнні В.В. Сядова былі адметныя сваёй навізнай. Беларускі археолаг А.Р. Мітрафанаў у кандыдацкай дысертацыі «К истории населения Средней Белоруссии в эпоху железа» (Ленінградскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Жданава, 1955 г.) не толькі падтрымаў В.В. Сядова, але творча развіў яго палажэнні і абгрунтаваў балцкую этнічную прыналежнасць культуры штрыхаванай керамікі [31, с. 189–190].

У падрымку В.В. Сядова выступіў і Л.В. Аляксееў, які займаўся вывучэннем старажытнасцей Полацкай зямлі. У абароненай ім кандыдацкай дысертацыі на тэму «Полоцкая земля в IX–XIII в.в.» (Інстытут гісторыі матэрыяльнай культуры АН СССР, 1955 г.) была разгледжана этнакультурная сітуацыя на тэрыторыі Сярэдняй і Паўночнай Беларусі ў I тыс. н. э. Паводле даследчыка, славянскія плямёны праніклі ў пазначаны рэгіён у сярэдзіне і другой палове I тыс. н. э. Асіміляцыя мясцовых балтаў адбылася, адпаведна Л.В. Аляксееву, да пачатку з’яўлення тут першага дзяржаўнага ўтварэння (Полацкага княства), стваральнікамі якога былі летапісныя палачане, аднесеныя археолагам да заходняй групы крывічоў [32, с. 6–8; 33, с. 60].

Важнае значэння для далейшага станаўлення канцэпцыі балцкага субстрату мелі даследаванні, якія ў 1950-я гг. апублікаваў эстонскі савецкі археолаг Х.А. Моара [15, с. 6; 34].

У выніку неабходна канстатаваць, што першы этап афармлення канцэпцыі балцкага субстрату адметны падрыхтоўкай і абаронай В.В. Сядовым кандыдацкай дысертацыі (першая палова 1950-х гг.). Галоўнай адметнасцю дадзенага этапу стала апрабаванне палажэння аб тым, што пры засяленні славянамі новых тэрыторый мясцовае даславянскае насельніцтва не пакінула месцаў свайго пражывання і было паступова славянізавана. Пры гэтым былі атрыманы даныя, якія сведчылі і пра ўплыў аўтахтонаў на знаходнікаў.

¹ Тут і далей у тэксе ў дужках будзе пазначана тагачасная назва ўстановы, у якой адбылася абарона дысертацыі, а таксама год самой абароны.

Канцэпцыя балцкага субстрату і яе сутнасць. У далейшых даследаваннях В.В. Сядоў сканцэнтравалі сваю ўвагу на разглядзе адметнасцей усходнеславянскіх плямёнаў на тэрыторыі Беларусі і характары іх узаемадзеяння з мясцовым даславянскім балцкім насельніцтвам. Заўважым, што даследчык паставіў праблему не толькі ўплыву славянскай культуры на балтаў, але і ўздзеяння балцкага асяроддзя на прышлых славян. Новым словам у гістарыяграфіі стала яго абгрунтаванне ўкладу старажытнага балцкага насельніцтва ў этнічную гісторыю ўсходнеславянскіх летапісных плямёнаў на падставе даных археалогіі [35, с. 60, 62; 36, с. 107–108, 112, 121; 37, с. 118]. У выніку В.В. Сядоў прыйшоў да высновы, што найважнейшым чыннікам у фарміраванні беларускага этнасу стаў балцкі этнічны і моўны субстрат як галоўны фактар працэсу славянізацыі балтаў на тэрыторыі Беларусі ў VII–XII стст. Пры гэтым, адпаведна археалагу, беларуская народнасць, вядомая з XIV ст., сфарміравалася на падмурку адзінай старажытнарускай народнасці X–XIII стст. Для В.В. Сядова не падлягала сумневу адзінаства паходжання рускага, украінскага і беларускага народаў [14, с. 35].

Спынімся на самой субстратнай тэорыі паходжання ўсходнеславянскіх народаў. Адпаведна ёй рускія, украінцы і беларусы сфарміраваліся на розных мясцовых этнічных субстратах, што і вызначыла іх адметнасці. В.В. Сядоў падкрэсліваў, што асаблівасцю беларусаў з’яўляецца наяўнасць у іх этнічнай гісторыі толькі аднаго субстрату – балцкага. Дадзены тэзіс абгрунтоўваўся наяўнасцю толькі балцкіх археалагічных культур, якія, адпаведна археалагу, знаходзіліся на будучай беларускай этнічнай тэрыторыі да з’яўлення там славян [38, с. 106, 119]. Сам тэрмін “*субстрат*” быў выкарыстаны адпаведна распрацоўкам Б.А. Сярэбраннікава ў галіне мовазнаўства, дзе ён разумеўся ў якасці мовы, якая была пераможана іншай мовай у выніку ўзаемадзеяння ў межах пэўнай тэрыторыі [39, с. 10, 21–22, 24]. У канцэпцыі этнагенезу беларусаў В.В. Сядовым пад этнічным субстратам разумелася “*та этнічная група, якая ў выніку просачвання на ёй тэрыторыю другога народа падверглася асіміляцыі*” [37, с. 108]. У выніку археалаг сцвярджаў, што “*участие балтского субстрата в этногенезе славян Белоруссии есть не что иное как ассимиляция местных балтов славянами*” [37, с. 118].

Фінальнае афармленне канцэпцыі балцкага субстрату ў этнагенезе беларусаў адбылося ў абароненай В.В. Сядовым доктарскай дысертацыі «Славяне Верхняга Поднепровья и Подвинья (до XIV в.)» (Інстытут археалогіі АН СССР, 1966 г.), а таксама ў апублікаванай у 1970 г. манаграфіі [14, с. 30–38; 15, с. 162–186]. Сутнасць новай канцэпцыі была выпрацавана даследчыкам на падставе аналізу археалагічных крыніц і карэляцыі атрыманых вынікаў з данымі гідраніміі, мовазнаўства і этнаграфіі. Падкрэслім, што ўпершыню ў савецкай гістарыяграфіі аб’ектам даследавання стаў этнагенез беларусаў на падставе вывучэння ў першую чаргу археалагічных крыніц [14, с. 3]. Навуковец крытычна перагледзеў існуючыя раней падыходы да вырашэння праблемы паходжання беларускай народнасці. Навізна даследавання В.В. Сядова заключалася ў комплексным выкарыстанні сведчанняў балцкай прыналежнасці археалагічных матэрыялаў, даных антрапалогіі і балцкай гідраніміі на тэрыторыі фарміравання беларускага этнасу, а таксама наяўнасці этнаграфічных фактаў балцкага ўздзеяння на культуру беларусаў [14, с. 30–34]. Безумоўнай заслугай В.В. Сядова стала вызначэнне археалагічных сведчанняў укладу балцкага субстрату ў культуру ўсходніх славян, зробленае, перадусім, па матэрыялах з беларускай этнічнай тэрыторыі. Галоўнымі паказчыкамі сталі балцкія элементы матэрыяльнай культуры ў курганных пахаваннях летапісных усходнеславянскіх плямёнаў (крывічоў, дрыгавічоў і радзімічаў). Такія даныя былі атрыманы падчас вывучэння пахаванняў сельскага насельніцтва, абраднасць якога традыцыйна разглядаецца ў археалогіі ў якасці ключавога этнічнага паказчыка. У выніку пазначаныя факты былі інтэрпрэтаваны даследчыкам у якасці сведчанняў працэсу асіміляцыі прышлымі славянамі мясцовых балтаў, а таксама індикатарам балцкага ўплыву на народнасць [15, с. 162–171].

Атрыманыя В.В. Сядовым вынікі дазволілі перагледзець найважнейшую праблему этнагенезу беларусаў – комплекс прычын, якія прывялі да адасаблення і фарміравання беларускай народнасці на старажытнарускай аснове. Да прац В.В. Сядова пануючым поглядам на гэтую праблему была канцэпцыя Я.Ф. Карскага, адпаведна якой фарміраванне беларускай народнасці было выклікана ўключэннем часткі старажытнарускіх зямель у склад Вялікага Княства Літоўскага ў XIII–XIV стст. [40, с. 63–118]. Погляды Я.Ф. Карскага былі дапоўнены ў 1940-я гг. У.І. Пічэтай, які засяродзіў увагу на сацыяльна-эканамічных фактарах інтэграцыі беларускіх зямель у склад Вялікага Княства Літоўскага ў XIII–XV стст. [41, с. 28–29]. Уцэлым згаданыя погляды падзяляў і М.Я. Грынблат, які выказваўся аб трываласці традыцый летапісных старажытнарускіх плямёнаў [42, с. 9–10]. У адказ на пануючыя погляды ў канцэпцыі В.В. Сядова балцкі субстрат вылучаўся ў якасці першапрычыны адасаблення часткі старажытнарускай народнасці на будучай беларускай этнічнай тэрыторыі і пачатку фарміравання беларускай народнасці ў XIII–XIV стст. Пры гэтым навуковец не адмаўляў важнасць уплыву ўваходжання беларускіх зямель у склад Вялікага Княства Літоўскага, але надаваў гэтым падзеям другую ролю ў этнагенезе беларусаў [15, с. 186].

Адзначым, што на карысць канцэпцыі балцкага субстрату сведчыла і праведзенае савецкім антрапологам В.П. Аляксеевым даследаванне, апублікаванае ў манаграфіі «Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование)» [43, с. 198–204].

Такім чынам, другі этап станаўлення канцэпцыі балцкага субстрату ў этнагенезе беларусаў адметны падрыхтоўкай і абаронай В.В. Сядовым доктарскай дысертацыі з апрацаванай яе вынікаў (другая палова 1950-х – пачатак 1970-х гг.). У межах дадзенага даследавання ўпершыню ў савецкай гістарыяграфіі была пастаўлена праблема вывучэння паходжання беларускай народнасці на падставе даных археалогіі.

У сваіх больш позніх манаграфіях «Длинные курганы кривичей» (1974) і «Происхождение и ранняя история славян» (1979) В.В. Сядоў выкарыстоўваў сваю субстратную канцэпцыю [44, с. 40; 45, с. 34].

Заклучэнне. У пачатку 1950-х гг. у савецкай археалогіі склаліся якасна новыя ўмовы для правядзення даследаванняў па этнагенезе ўсходніх славян. Дадзеныя ўмовы адметныя адыходам ад пазіцый гіпертрафіраванага аўтахтанізму, адпаведна якім усходнія славяне разглядаліся ў якасці аўтахтоннага насельніцтва на шырокай тэрыторыі Усходняй Еўропы, у тым ліку і Беларусі. Сталі заахвочвацца працы па вывучэнні праблем крыніцызства і гістарыяграфіі ў археалогіі. Менавіта ў такіх умовах распачаў свае навуковыя даследаванні савецкі і расійскі археолаг В.В. Сядоў. Дзякуючы яго намаганням на працягу 1950-х – пачатку 1970-х гг. была выпрацавана канцэпцыя балцкага субстрату ў этнагенезе беларусаў.

У станаўленні дадзенай канцэпцыі неабходна вылучыць два этапы. Першы этап адметны распрацоўкай і апрабацыяй палажэнняў аб тым, што падчас славянскага рассялення мясцовае даславянскае насельніцтва не пакінула рэгіёна свайго пражывання і было асімілявана каланізатарамі. Пры гэтым аўтахтоны аказалі ўплыў і на славян. У дачыненні да тэрыторыі Беларусі ўзаемаадносіны такога кшталту былі прасочаны даследчыкам паміж абарыгеннымі-балтамі і находнікамі-славянамі. Першы этап у станаўленні канцэпцыі балцкага субстрату адносіцца да першай паловы 1950-х гг. і завяршыўся абаронай кандыдацкай дысертацыі ў 1954 г. Другі этап, які працягваўся з другой паловы 1950-х да пачатку 1970-х гг., характарызуецца зваротам В.В. Сядова да больш паглыбленага вывучэння ўкладу мясцовых балтаў у культуру ўсходнеславянскіх летапісных плямёнаў. У выніку праведзенага аналізу была ўпершыню ў савецкай археалогіі пастаўлена найважнейшая навуковая праблема – этнагенез беларусаў (праблема паходжання беларускай народнасці). Вынікам вырашэння названай праблемы стала афармленне канцэпцыі балцкага субстрату ў паходжанні беларусаў. Адпаведна ёй вылучэнне беларускай народнасці ў XIII–XIV стст. з масіву старажытнарускай народнасці адбылося на падставе існавання балцкага субстрату на беларускай этнічнай тэрыторыі. Дадзеныя высновы мелі наватарскі характар, таму што ўпершыню ў савецкай гістарыяграфіі на першае месца сярод прычын адасаблення беларусаў ад старажытнарускай народнасці быў вызначаны этнічны фактар (балцкі субстрат), а не ўваходжанне беларускіх зямель у склад Вялікага Княства Літоўскага і развіццё сацыяльна-эканамічнай інтэграцыі пазначанай тэрыторыі.

Канцэпцыя балцкага субстрату ў паходжанні беларусаў аформілася ў абароненай доктарскай дысертацыі В.В. Сядова і была апрабавана ім у апублікаванай на яе падставе манаграфіі ў 1970 г. Субстратная канцэпцыя паходжання беларусаў выклікала дыскусію ў савецкай гістарыяграфіі.

ЛІТАРАТУРА

1. История белорусской государственности: коллектив. моногр.: в 5 т. / НАН Беларуси, Ин-т истории; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.). – Минск: Бел. навука, 2018. – Т. 1: Белорусская государственность: от истоков до конца XVIII в. / А.А. Коваленя, В.В. Данилович, В.Ф. Голубев и др.; отв. ред.: В.Ф. Голубев, О.Н. Левко. – 597 с.
2. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці: вучэб. дапам. / І.А. Марзалюк, А.Г. Кахановіч, С.М. Ходзін і інш.; пад агул. рэд. І.А. Марзалюка. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2022. – 447 с.
3. Смехович Н.В. К проблеме расселения восточных славян на территории Беларуси // Матэрыялы па археалогіі Беларусі: зб. навук. арт. / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2025. – Вып. 35. – С. 5–15.
4. Бандарчык В.К. Выбранные работы по истарыяграфіі паходжання і этнічнай гісторыі беларусаў: да 100-гадовага юбілею. – Мінск: Бел. навука, 2020. – 427 с.
5. Зверуго Я.Г. Верхнее Понеманье в IX–XIII вв. – Минск: Навука і тэхніка, 1989. – 207 с.
6. Мядзведзеў А.М. Да пытання аб паходжанні беларусаў (па дадзеных археалогіі і мовазнаўства) // Гістарычна-археалагічны зборнік / НАН Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 1998. – № 13. – С. 10–15.
7. Сувалаў А.М. Асноўныя тэндэнцыі развіцця гістарыяграфіі этнагенезу беларусаў у навуцы канца XVIII – пачатку XXI ст. // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2016. – № 1. – С. 185–189.
8. Сувалаў А.М. Месца тэорыі «балцкага субстрату» В. В. Сядова ў гістарыяграфіі праблемы этнагенезу беларусаў 60-х – першай паловы 80-х гг. XX ст. // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2017. – № 2. – С. 192–195.
9. Сувалов О.Н. Трактовка этногенеза беларусов Н. И. Ермоловичем в контексте советской историографии конца 60-х – начала 80-х гг. XX века // Вестник Вологодского государственного университета. Серия: Исторические и филологические науки. – 2024. – № 3. – С. 26–29.
10. Штыхаў Г.В. Сядоў Валянцін Васільевіч // Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2 т. / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.). – Мінск, 2011. – Т. 2: Л – Я. – С. 336–337.
11. Валентин Васильевич Седов / сост. В.Е. Родинкова. – М.: Наука, 2004. – 140 с. (Материалы к биобиблиографии ученых. История; вып. 28).
12. Седов В.В. Кривичи и словене: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1954. – 19 с.
13. Седов В.В. О происхождении белорусов // Древности Белоруссии: Материалы конф. по археологии Белоруссии и смеж. территорий (1966 г.) / под ред. В.Ф. Исаенко, А.Г. Митрофанова, Г.В. Штыхова. – Минск, 1966. – С. 301–309.
14. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья (до XIV в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – М., 1966. – 39 с.
15. Седов В.В. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. – М.: Наука, 1970. – 200 с. (Материалы и исследования по археологии СССР / Акад. наук СССР, Ин-т археологии: № 163).
16. Покровский Ф.В. К исследованию курганов и городищ на восточной окраине современной Литвы // Труды Девятого археологического съезда в Вильне, 1893: в 2 т. / под ред. гр. Уваровой, С.С. Слуцкого. – М., 1897. – Т. 2. – С. 138–196.
17. Спицын А. Предполагаемые литовские курганы VIII – IX в. // Записки Императорского русского археологического общества. Новая серия. – СПб., 1896. – Т. 8, вып. 1/2: Труды Отделения русской и славянской археологии, кн. 1. – С. 103–114.
18. Працы Першага з’езда даследчыкаў беларускай археалогіі і археаграфіі, г. Мінск, 17–18 студ. 1926 г. / Ін-т бел. культуры, Гіст.-археалаг. каміс. – Мінск: [Ин-т бел. культуры], 1926. – 86 с. – (Працы і матэрыялы да гісторыі і археалогіі Беларусі. Аддзел 2. Серыя 1; Кн. 1).
19. Лявданский А.Н. Некоторые данные о городищах Смоленской губернии (с 12 таблицами и 60 рисунками в тексте). – Смоленск: изд. Смол. гос. ун-та, 1926. – С. [5], 180–296, [13] л. табл. – Отдельный оттиск из Научных известий Смоленского государственного университета. Т. 3, вып. 3.

20. Ляўданскі А.Н. Археалагічныя даследаванні ў вадазборах р. Сож, Дняпра і Касплі ў Смаленскай губерніі // Запіскі Аддзела гуманітарных навук / Бел. акад. навук. – Мінск, 1930. – Кн. 11 : Працы археалагічнай камісіі, т. 2. – С. 269–338.
21. Вяргей В.С. Археалагічная навука ў Беларускай ССР, 1919–1941 гг. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992. – 144 с.
22. Рыбакоў Б.А. Радзімічы // Працы секцыі археалогіі / Бел. акад. навук, Ін-т гісторыі. – Мінск, 1932. – Т. 3. – С. 81–153.
23. Третьяков П.Н. Восточнославянские племена. – М.; Л.: 1-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР в Л., 1948. – 184 с. (Научно-популярная серия).
24. Третьяков П. Н. Восточнославянские племена. – Изд. 2-е, перераб. и расшир. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 312 с. (Научно-популярная серия).
25. Центральная научная библиотека НАН Беларуси (ЦНБ НАН Беларуси). – Ф. 40. Оп. 1. Д. 11.
26. Значение трудов товарища Сталина по языкознанию для советской археологии // Вестник древней истории. – 1951. – № 2. – С. 3–11.
27. Против вульгаризации марксизма в археологии: сб. ст. / Акад. наук СССР, Ин-т истории матер. культуры; отв. ред. А.Д. Удальцов. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. – 192 с.
28. Задачи советских археологов в свете трудов И.В. Сталина по вопросам языкознания и экономическим проблемам // Совет. археология. – 1953. – Вып. 17. – С. 9–22.
29. Успенская А.В. Белорусское Полесье в X – XIII вв. (к истории древне-русской деревни): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1953. – 20 с.
30. Седов В.В. Славянские курганные черепа Верхнего Поднепровья // Советская этнография. – 1954. – № 3. – С. 12–18.
31. Митрофанов А.Г. К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего железа : в 2 т. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.00. – Минск, 1955. – 401 л.
32. Алексеев Л.В. Полоцкая земля в IX–XIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1955. – 15 с.
33. Алексеев Л.В. Полоцкая земля (очерки истории Северной Белоруссии) в IX–XIII вв. – М.: Наука, 1966. – 295 с.
34. Моора Х.А. О древней территории расселения балтийских племен // Советская археология. – 1958. – № 2. – С. 9–33.
35. Седов В.В. Кривичи // Советская археология. – 1960. – № 1. – С. 47–62.
36. Седов В.В. Следы восточнобалтийского погребального обряда в курганах Древней Руси // Советская археология. – 1961. – № 2. – С. 103–121.
37. Седов В.В. Дреговичи // Советская археология. – 1963. – № 3. – С. 112–125.
38. Седов В.В. Еще раз о происхождении белорусов // Советская этнография. – 1969. – № 1. – С. 105–121.
39. Серебrenников Б.А. О взаимодействии языков (проблема субстрата) // Вопросы языкознания. – 1955. – № 1. – С. 7–25.
40. Карский Е.Ф. Белорусы: в 3 т. – Варшава: Тип. Варшав. учеб. округа, 1903. – Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности: с прил. 2 к. – 466 с. – Оттиск из «Вилenskого временника», кн. 1.
41. Пичета В. Образование белорусского народа // Вопросы истории. – 1946. – № 5/6. – С. 3–29.
42. Гринблат М.Я. Белорусы : очерки происхождения и этнич. истории. – Минск: Наука и техника, 1968. – 285 с.
43. Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы: (краниол. исслед.). – М. : Наука, 1969. – 324 с.
44. Седов В.В. Длинные курганы кривичей. – М.: Наука, 1974. – 67 с. (Археология СССР. Свод археологических источников / Акад. наук СССР, Ин-т археологии; Вып. Е1-8).
45. Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. – М.: Наука, 1979. – 156 с.

Паступіў 07.04.2026

СТАНОВЛЕНИЕ КОНЦЕПЦИИ БАЛТСКОГО СУБСТРАТА В ЭТНОГЕНЕЗЕ БЕЛОРУСОВ В РАБОТАХ В.В. СЕДОВА (1950 – 1970-е гг.)

канд. ист. наук С.С. ЮРЕЦКИЙ

(Центральная научная библиотека имени Якуба Коласа НАН Беларуси, Минск)

Статья является историографическим исследованием. Публикация посвящена выявлению сущности и этапов в становлении концепции балтского субстрата в этногенезе белорусов в трудах археолога В.В. Седова в 1950 – 1970-е гг. Рассмотрены причины, которые обусловили актуализацию балтской проблематики в контексте изучения этногенеза восточных славян в советской археологии. Определены этапы в становлении данной концепции.

Ключевые слова: историография, история археологической науки, этногенез, славяне, белорусы, балты, балтский субстрат.

THE FORMATION OF THE CONCEPT OF THE BALTIC SUBSTRATE IN THE ETHNOGENESIS OF THE BELARUSIANS IN THE WORKS OF V. V. SYADOV (1950s – 1970s)

S. YURETSKI

(The Yakub Kolas Central Scientific Library of National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)

This article is a historiographical study. It is devoted to revealing the essence and stages in the formation of the concept of the Baltic substratum in the ethnogenesis of the Belarusians in the works of the 1950s–1970s archaeologist V. V. Syadov. It considers the reasons that caused the Baltic issue to be actualised in the context of the study of the ethnogenesis of the Eastern Slavs in Soviet archaeology. The stages in the formation of this concept are identified.

Keywords: historiography, history of archaeological science, ethnogenesis, Slavs, Belarusians, Balts, Baltic substratum.

УДК 347.7(476.6)

DOI 10.52928/2070-1608-2026-79-3-27-35

РЕЗУЛЬТАТЫ НАТУРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РУИН КОСТЁЛА СВ. АННЫ
(ИОАННО-БОГОСЛОВСКОЙ ЦЕРКВИ) В Г. ПОЛОЦКЕ

А.А. СОЛОВЬЁВ

(Национальный Полоцкий Историко-культурный музей-заповедник)

В статье представлены итоги натурных исследований развалин костёла св. Анны в г. Полоцке. В связи со стремительным разрушением памятника и перспективой его полной утраты в ближайшее время, автором вёлся осмотр и фиксация архитектурных и конструктивных элементов уцелевших фрагментов стен. Они представлены как остатками первоначальных оконных и дверных проёмов, ниш и сводов, так и следами разновременных перестроек храма. Внутри помещения были выявлены следы росписей. Данные исследований сопоставлены с доступными изобразительными и письменными источниками, связанными с историей храма. Полученные результаты изучения гибнущего памятника станут важным подспорьем для его дальнейшего изучения, консервации и подготовки проектной документации при его реставрации.

Ключевые слова: костел Святой Анны, Полоцк, натурные исследования, комплекс бернардинского монастыря, история архитектуры.

Введение. Комплекс бернардинского монастыря был возведен на левом берегу Западной Двины в 1696 г. по протекции полоцкого воеводы Доминика Михаила Слушки и до пожара 1758 г. был полностью деревянным. После пожара весь(?) комплекс отстраивается из кирпича, а берег реки перед храмом укрепляется подпорной стеной. Монастырь окружают каменной оградой с трёхпролётной брамой, строится костёл Матери Божией Марии Небесной (св. Анны) (освящён в 1769 г.), Т-образный главный корпус, кирпичные и деревянные хозяйственные постройки. В 1832 г. монастырь закрывают, а храм переделывают под церковь Иоанна Богослова. После Октябрьской революции в зданиях монастырского комплекса функционировала тюрьма НКВД. В 1950-х гг. храм, используемый под жильё(?), был почти полностью разрушен и сегодня остались лишь развалины его апсиды (рисунок 1). Их кладка (в нижней части стен) была сильно повреждена мародёрами, ломавшими памятник на кирпич уже в более позднее время, после прекращения официальных работ по сносу храма. Состояние апсиды стремительно ухудшалось. В 1991 – 1992 гг. провалился уцелевший свод подвала, в 2009 г. обрушился последний уцелевший пилон, разделявший большую арку между апсидой и основной частью храма, в 2013 г. вандалами была обрушена во внутрь центральная часть восточной апсидной стены.

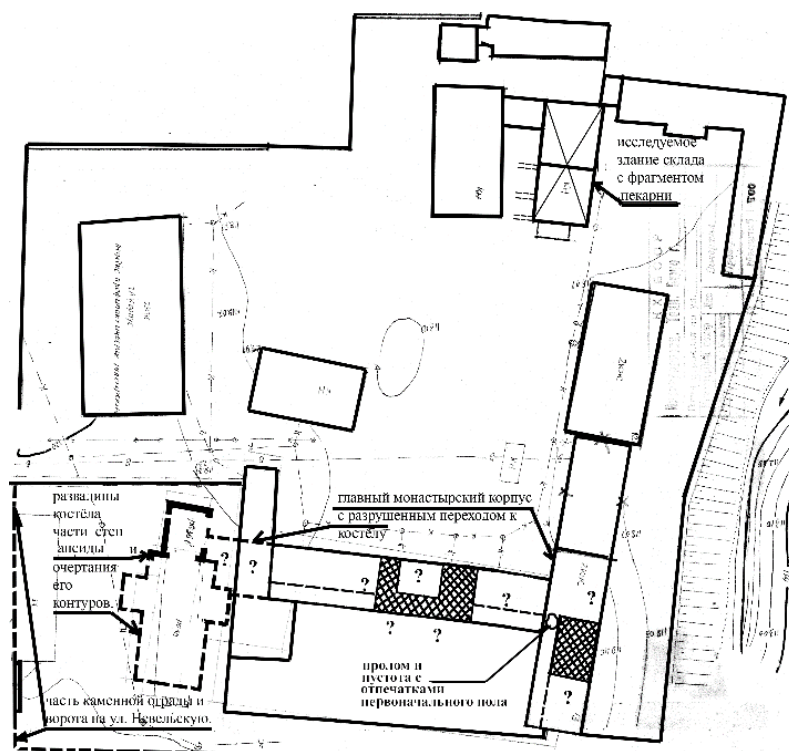
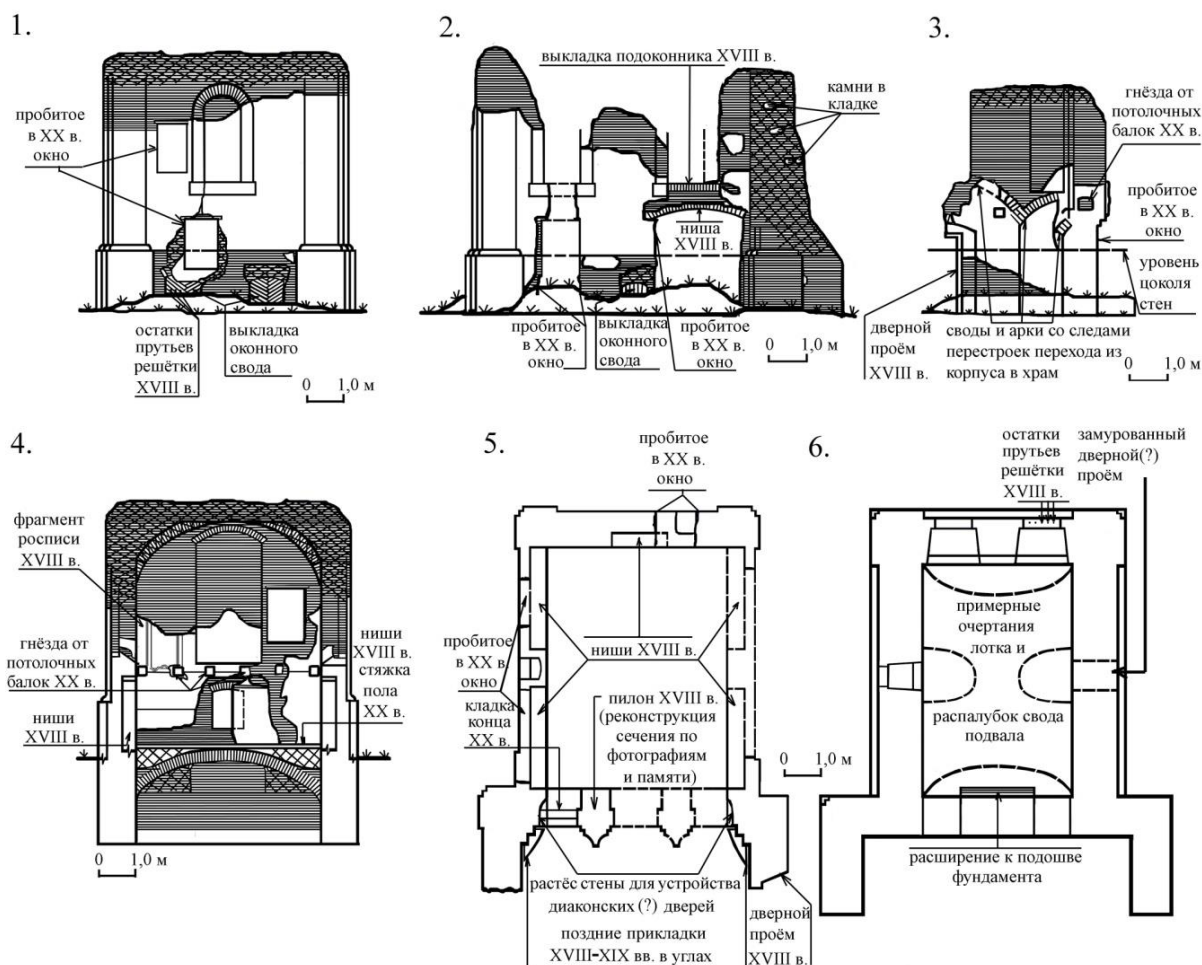

Рисунок 1. – Современный план территории бывшего бернардинского монастыря с обозначением подвалов главного корпуса (косой сеткой), руин храма и ограды (пунктиром)

Основная часть. В 2001 г. предприятием «Белинформреставрация» проводилось обследование монастыря. Изучение костёла велось преподавателями и студентами кафедры архитектуры и строительства Полоцкого государственного университета имени Евфросинии Полоцкой (далее – ПГУ) [1–3]. Ими были визуально обследованы сохранившиеся части стен храма и разработаны три шурфа. Исследователями подробно описаны кладка стен и строительные материалы, использованные в конструкциях храма [1, с. 3 – 4], вёлся отбор образцов кирпичей и раствора для дальнейших лабораторных исследований.

Автор статьи неоднократно посещал данный памятник с конца 80-х гг. XX в. и имел возможность наблюдать ухудшение его состояния. Делался ряд эскизных зарисовок подвала (без масштаба) вскоре после обрушения свода, на которых были отмечены утраченные ныне очертания свода, дверных проёмов, расширения фундамента северной стены и заложенный дверной(?) проём. В 2011 г. была предпринята очередная попытка обмеров и фотофиксация уцелевших фрагментов стен (рисунок 2). Часть утраченных сегодня элементов были восстановлены по памяти и фотографиям (провалившийся в начале 1990-х гг. свод подвала и рухнувший в 2009 г. столб).

1. – фасад южной стены; 2. – фасад восточной стены; 3. – фрагмент фасада северо-западной части апсиды на стыке с южным выступом основной части храма (видны следы конструкций перехода между костёлом и корпусом); 4 – общий вид (разрез) южной стены апсиды со стороны интерьера подвала и верхнего помещения (с частичной реконструкцией); 5. – план верхнего помещения на уровне нижнего яруса с частичной реконструкцией; 6. – план подвала с частичной реконструкцией контуров свода

Рисунок 2. – Общие виды остатков стен и планы руин апсиды храма св. Анны до обрушений 2009 и 2013 годов (косой сеткой отмечены наиболее разрушенные части кладки)

Подвалы храма. Сегодня все их помещения разрушены. Провал перекрытия апсиды, произошедший в 1991 – 1992 гг. показал, что её подвал представлял собой обширное помещение с эллиптическим лотковым сводом, имевшим распалубки в восточной и западной частях. Кладка конструкции тычковая, толщиной в кирпич. В восточной стене подвала имелось небольшое окно (см. рисунок 2: 4, 5; рисунок 3: 2; рисунок 4: 2), в западной стене выявлен заложенный дверной проём(?). Он обращён в сторону корпуса и, возможно, вёл в подвал перехода, соединявший храм с келейным корпусом. По планам монастырского ансамбля, снятым в 1838 г., подвал перехода

представлял собой двухэтажный кирпичный объём, который соединял храм и монастырский корпус. Северная стена подвала под апсидой имела два арочных (лучкового типа) входа в подвал основного помещения костела, ширина проёмов – около 1,0 – 1,2 м.

1. – по южной стене; 2. – по восточной стене; 3. – фрагмент окна подвала юной стены: видны выкладка подоконника кирпичом на ребро и остатки кованых прутьев; 4. – фрагмент свода с цементным полом над ним

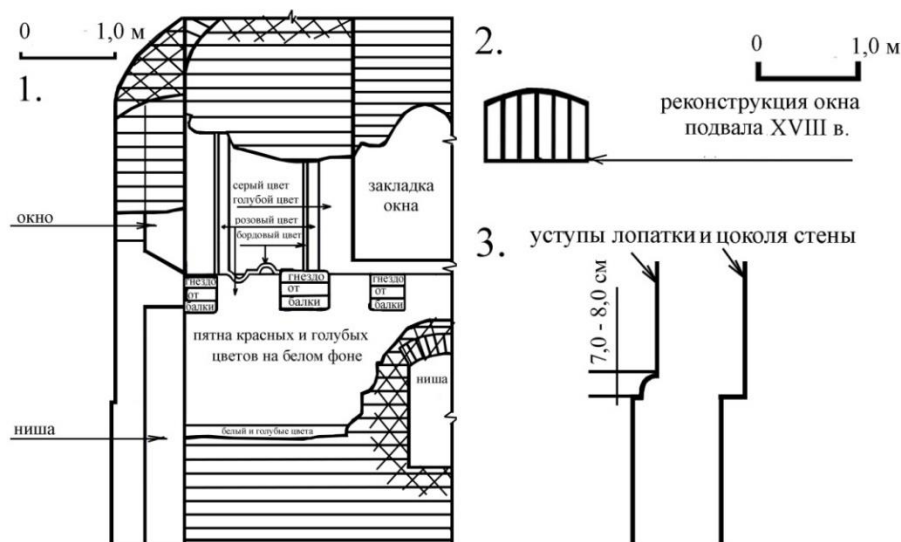
Рисунок 3. – Остатки окон подвала и его перекрытия

При этом сопоставление выявленной планировки с обмерным чертежом костёла 1838 г. показало наличие одного проёма в центре массивной стены между подвалами апсиды и основной частью храма, от которого расходились два узких прохода. На чертежах переход между храмом и келейным корпусом подвала не указан, но о его наличии может свидетельствовать деревянная пристройка с лестницей, расположенная в углу, между апсидой и переходом. Отсутствие продолжения лестницы на уровне второго этажа говорит о том, что она могла вести в подвал [4 с. 161, 240; 5 с. 33]. Но если даже переход и был, то с подвалом апсиды, скорее всего, связан не был: на оси найденного нами в западной стене замурованного дверного(?) проёма к храму примыкала южная фасадная стена корпуса и перехода.

Признаки подвала под основным помещением храма были представлены провалами земли в районе проходов из апсиды. Жильцами находившегося рядом барака (сгорел в начале 2000-х гг.) их верхняя часть была засыпана бытовым мусором.

От наземной части апсиды сегодня остались три больших фрагмента стен, состояние которых всё более ухудшается. Несмотря на это, фрагменты стен всё ещё сохраняют ряд элементов первоначальной архитектуры и позднейших перестроек здания.

Южная стена апсиды сохранилась до уровня венчающего карниза, но её лицевая поверхность до уровня 0,7 – 0,8 м от её верха полностью осыпалась. Обнажившаяся кладка средней части стены показала, что внутренняя забутовка на данном уровне имеет наискось уложенный кирпич. Со стороны фасада стена имела внизу цокольный выступ, выше которого начинались плоские лопатки по углам и гладкие поверхности стен. Переход между ними имел различное оформление (рисунок 4: 3). Внизу цокольной части сохранились сильно повреждённые оконные проёмы подвала, арки которых со стороны фасада полностью уничтожены, а остальная их часть, расположенная в толще стены, имеет наклонный свод, выложенный «в ёлку». В подоконнике окна сохранились остатки квадратных (со стороной около 1–1,5 см) в сечении кованых прутьев (см. рисунок 3: 3). Они вмурованы между уложенными на кромку кирпичами подоконника, при строительстве храма. Сохранившаяся на всю высоту западная сторона окна, подоконник и остатки арки позволяют полагать, что со стороны фасада оно имело высоту от 0,6 м (до пяты) до 0,7 м (до замка) и ширину около 1,0 м (рисунок 4: 2). Проём загораживали 6 прутьев. Подобным образом были устроены и окна подвалов корпусов полоцкого иезуитского коллегиума, возведённых в период с 1749 по 1760 гг., и старейшего жилого здания Полоцка – Домика Петра Первого [6, с. 40; 7, с. 46].

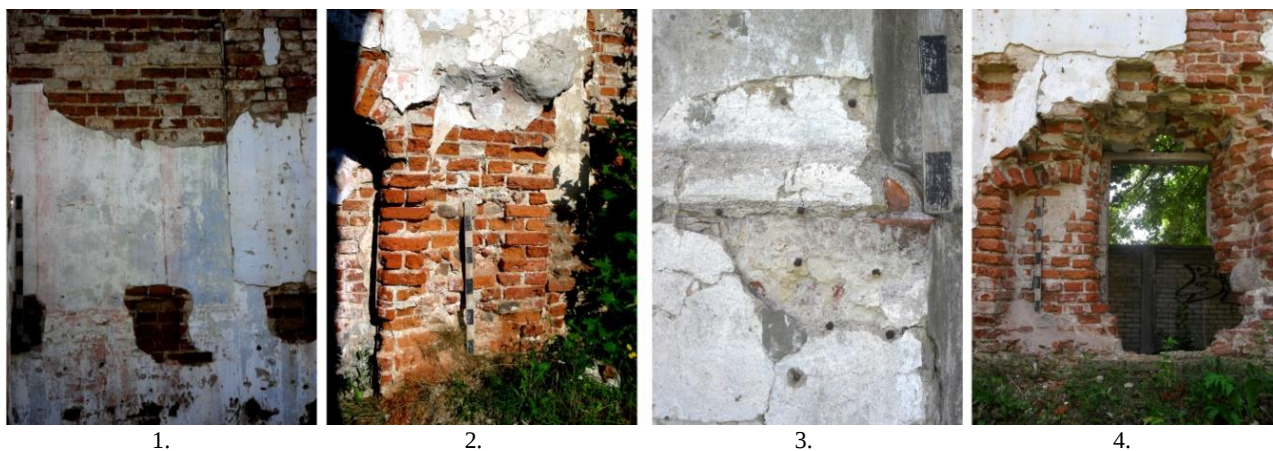

1. – общий план; 2. – окно подвала южной стены; 3. – профили выступа между стеной и цоколем на уровне лопатки и прясла

Рисунок 4. – Часть южной стены апсиды со стороны помещения

На оси симметрии в верхней части данной стены полностью сохранилось первоначальное окно апсиды, которое сегодня замуровано (см. рисунок 2: 1). Оно имело массивное обрамление и близкую к полуциркульной форме арочную переемычку. В западной части подоконника имеется вертикальная сквозная трещина, доходящая до пролома на месте окна подвала в северной части стены. Трещина образовалась из-за пробития на разных уровнях двух окон в ходе перестроек в данной части церкви (разделения объёма помещения на два этажа) для нужд тюрьмы в 30-х гг. XX в. Под уровнем подоконника размещены прорубленные для потолочных балок гнёзда. Ниже первоначального окна располагалась небольшая прямоугольная ниша с лучковой аркой, западный откос которой уничтожен при прорубании окна в западной части стены.

Сохранившаяся первоначальная штукатурка южной стены содержит следы росписей в виде зеркальной панели с узором в нижней части. Заметны очертания её обрамления в виде розовых и бордовых полос. Следы данных покрасок на уровне ниш восточной и южной стен имеют оттенки розового и коричневого цветов, но более чётких очертаний рисунка не сохранилось (см. рисунок 2: 4; рисунок 4: 1; рисунок 5: 1). Время создания данных росписей можно определить приблизительно концом XVIII – первой третью XIX в. в период нахождения в здании бернардинского костёла. На это указывает наличие под слоем росписи одного или двух слоёв известковых побелок. Также на более позднее происхождение данных изображений указывает и отсутствие подготовки под роспись в виде грунтовки (тонко просеянной белоснежной штукатурки), как это было у фресковой росписи главной библиотеки полоцкого иезуитского коллегиума [8, с. 131, 132]. Это обстоятельство, как и длительное воздействие атмосферных осадков привело к почти полной утрате росписей.

1. – южная стена апсиды: видны остатки росписи, часть закладки окна и пробитые гнёзда под балки перекрытия XX в.; 2. – растёс западного откоса большой арки для устройства диаконских дверей; 3. – восточный фасад: низ лопатки с гвоздями для укрепления штукатурки; 4. – южная стена: разбитая первоначальная ниша, видны пробитые гнёзда под балки перекрытия XX в.

Рисунок 5. – Фрагменты стен костёла Св. Анны

Восточная стена. До 2013 г. данная часть апсиды сохранялась до уровня начала арочных перемычек первоначальных окон (рисунок 2: 2). Со стороны фасада внизу стена имела цокольный выступ, выше которого начинались плоские лопатки по углам и гладкие поверхности стен. Переход между ними имел различное оформление (см. рисунок 4: 3). Верхняя часть стены полностью утрачена. Первоначальные окна имели выложенные кирпичом на ребро подоконники и массивные обрамления. Внизу, в центральной простенке сохранялось подвальное окно с разбитой со стороны фасада аркой (см. рисунок 3: 2). Оконный проём имел наклонный свод в сторону подвального помещения, выполненный продольными рядами в половину кирпича. Подобные архитектурные и конструктивные элементы имеют аналогии в корпусах полоцкого иезуитского коллегиума и Домика Петра Первого [6, с. 25, 40; 7, с. 46; 9, с. 19, 29]. Под первоначальными окнами прослежены фрагменты откосов и места укладок врезанных в кладку деревянных(?) перемычек от окон более позднего происхождения при разделении помещения на два этажа в 1930-х гг., что отражено на photographиях храма второй половины 1940-х гг.¹ На юго-восточном углу фрагмента апсиды, на лопатке обнаружены ряды кованых гвоздей, вбитых для лучшего удержания массивного штукатурного намета в кладочные швы между кирпичами. Более нигде этого не обнаружено, что может быть связано с одним из ремонтов стен (рисунок 5: 3).

Со стороны интерьера данная стена в нижней части имела две широкие ниши с лучковыми арками, на основе которых были позднее пробиты окна. Расположенные выше первоначальные окна имели скошенные вниз подоконники. Их следы обнаружены под поздней кирпичной закладкой, сделанной для устройства более поздних горизонтальных деревянных подоконников. Следы представлены в виде отпечатков на растворе и примыкающей первоначальной штукатурки. Они прослежены и на поперечных разрезах храма, отраженных на плане монастырского ансамбля 1838 г. [4 с. 161; 5 с. 33]. Сохранившаяся первоначальная штукатурка содержала остатки росписей в виде вертикальных розовых и бордовых полос (обрамления панелей?) на уровне окон. Там же, в простенке между окнами, на уровне пят арок ниш имелось прорубленное гнездо для потолочной балки. Её появление связано с разделением апсиды на два этажа и устройством перекрытия между ними (см. рисунки 4:1 и 5:2).

Западная и северная стена апсиды сегодня представлены фрагментом угла кладки в месте перехода между апсидой и основной частью храма с небольшими фрагментами ниш, откосов окон и обширной высокой арки, отделявшей апсиду от основной части храма. Стык северо-западного угла апсиды и фрагмента кладки основной части костёла с нынешней фасадной стороны имеет следы примыкания перехода, соединявшего храм с корпусом. На уровне первого этажа из-под штукатурки видны следы кладки двух перекрывающих друг друга сводов. Это говорит об имевших место перестройках и корректировках первоначального проекта перехода, проходивших при его возведении в XVIII в. В основное помещение храма вела дверь, на что указывает сохранившаяся южная часть проёма – откос и лучковая арка. Фрагмент ниши или арочного прохода, ведущего в апсиду, имеется в закладке под одним из сводов, следы которого видны из-под штукатурки. Данный массив кладки, судя по вертикальному шву, не имеет перевязки с основной кладкой храма и возведён позднее. Визуально кирпич и раствор конструкций аналогичны, что говорит о перестройках перехода между корпусом и храмом уже в XVIII в. Над ними прослежены части лопаток, обрамлявших угол основной части костёла (рисунок 6: 1).

1.

2.

1. – следы перекрывающих друг друга срубленных сводов помещений перехода между костёлом и корпусом;
2. – прикладка из кирпича к пилястрам в юго-западном углу южного выступа основной части храма

Рисунок 6. – Фрагменты западной и северной стен апсиды

О перестройках места соединения перехода с костёлом говорит и план монастырского ансамбля 1838 г. Часть западной стены апсиды окрашена более тёмным цветом и имеет очертания закрашенного проёма, напоминающего оконный [4 с. 161, 240; 5 с. 33].

В интерьере апсиды имеется откос ниши, аналогичной той, что размещается в восточной стене. Фрагменты сохранившейся первоначальной штукатурки следов росписи почти не имеют. Откос большой арки между апсидой и основной частью храма также имел растёт, аналогичный обнаруженному на восточном откосе. Он так же, по всей видимости, связан с устройством дияконских дверей и иконостаса при перестройке костёла под церковь.

¹ НПИКМЗ. – КВФ 001876-106.

На фрагменте интерьера основной части храма уцелели двойные лопатки с массивной кирпичной прикладкой у основания. Данные прикладки перекрывают белёную штукатурку XVIII в. Аналогичные перестройки выявлены автором и в юго-восточном углу основного помещения храма. Визуально кирпич и раствор данных конструкций аналогичны, что говорит об их создании в XVIII в., позволяет увязать данные строительные работы с возведением или реконструкциями боковых алтарей костёла (рисунок 6: 2). Над остатками дверного проёма сохранились следы полихромных фресок(?).

Апсиду и основную часть храма разделяла большая полуциркульная арка, откосы которой прослежены на восточной и западной стенах костёла. Первоначально данная арка была разделена на три части кирпичными профилированными столбами, последний из которых обрушился в 2009 г. На основе имеющихся в распоряжении автора фотографий и натурных остатков удалось восстановить профиль их первоначального сечения. В основное помещение храма были обращены две вогнутые грани с плоским ребром между ними. При этом данная часть столба выступала за плоскость стены в пространство основного помещения храма. На уровне нижней границы, между нижней и средней третью высоты в данной части столба имела профильная тяга. В интерьере апсиды столб имел кирпичные четверти, подобные тем, что есть у оконных и дверных проёмов. Данные конструктивные особенности столба и характер его расположения относительно арки позволяют считать столб частью конструкции, державшей деревянный алтарь. Согласно описанию костёла 1818 г. алтарь был двухъярусным. В центральном пролёте арки находилась икона св. Анны, над ней «гипсовая фигура Иисуса». Боковые пролёты занимали скульптуры св. Иоахима и Иосифа, а также Пия и Боновентуры [3, с. 3].

Перекрытия апсиды. И подвал, и помещение апсиды имели кирпичные своды. Подвал представлял собой обширное помещение, свод которого провалился в начале 90-х гг. XX в. Обследование провала показало, что свод имел лотковые эллиптические очертания с боковыми распалубками под восточное и западное окна, был выполнен тычковой кладкой продольно-поперечными рядами, что характерно для конструкций подвалов зданий XVII – XVIII вв. [6, с. 21, 25, 41; 7, с. 44]. Над сводом по засыпке прослежена цементная стяжка, над ней – доски сгнившего деревянного пола. От свода над помещением апсиды до сих пор видны незначительные остатки его угловых пят по углам возле южной стены. Также фрагмент свода был замечен и на простенке восточной стены: в 1990-х гг. это был уложенный «в ёлку» кирпич для устройства распалубок окон. Судя по профилю пяток перекрытия и расположению перемычки сохранившегося окна, свод имел лотковые очертания и по две распалубки под проёмы восточной и западной стены.

Исходя из зафиксированных нами конструкций и обмерных планов монастыря 1838 г., можно полагать, что первоначальным назначением частично сохранившейся апсиды костёла св. Анны могла быть роль алтарной части. Фактически она являлась пристройкой к южному выступу крестообразного в плане костёла, расположенной на его продольной оси. Таким образом, храм имел двойную апсиду.

Перестройка костёла под церковь. Характер перестроек костёла св. Анны под Иоанно-Богословскую церковь можно изучить как по их следам на сохранившихся частях апсиды, так и благодаря проекту реконструкции храма, составленному в 1838 г. и найденному И.Н. Слюньковой (рисунок 7). Но ремонт, согласно данным «Полоцких епархиальных ведомостей» за 1895 г. произвели только в 1853 г.²

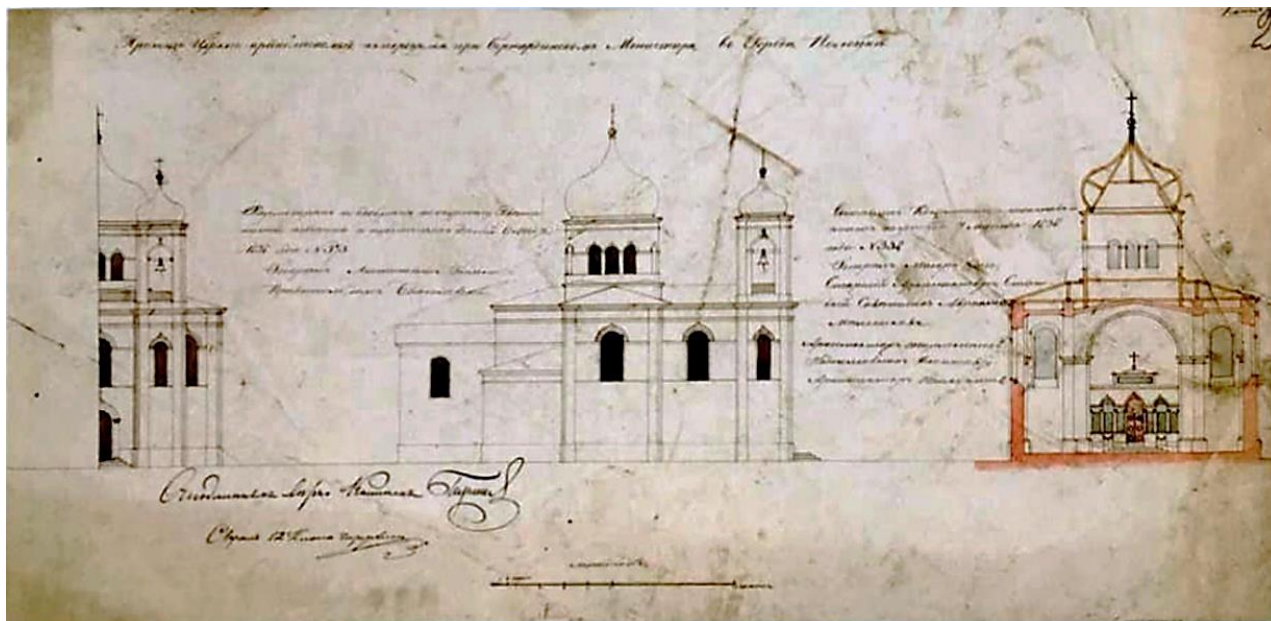

Рисунок 7. – Чертежи (планы и разрезы) костёла бернардинского монастыря в Полоцке с проектом перестройки под церковь, составленные в 1838 г. (найденны И.Н. Слюньковой)

² Полоцкие епархиальные ведомости. – 1895. – № 22. – С. 1089–1094. – С. 1090.

Согласно проекту, первоначальный внешний вид бывшего костёла изменялся незначительно. Окна и главный вход планировалось сделать с полуциркульным завершением и украсить их килевидными завершениями, но, как показали фотоснимки храма конца XIX – начала XX в., все проёмы сохранили первоначальные очертания. Были разобраны фигурные фронтоны и понижен уровень кровли храма, скаты которой приспособили для покрытия железом. Над средокрестием возвели деревянный купол, внешний вид барабана которого увязали с архитектурой существующего здания. Как показали фотоснимки начала XX в., его просто оббили железом и побелили, нарисовав чёрной(?) краской окна с полуциркульными арками. Никаких архитектурных элементов, кроме венчающего карниза, на барабане сделано не было. Главы, в свою очередь, теперь имели вид приземистых луковиц.

По чертежам 1838 г. новый деревянный иконостас планировалось поставить в основной части храма, отделив алтарную часть в южном выступе (северная часть двойной апсиды). Центральный и восточный пролёты между столбами большой арки предполагалось частично заложить. Позже, видимо, первоначальный проект перестройки был скорректирован. Алтарь перенесли в частично сохранившуюся сегодня апсиду, сделав столбы, находящиеся в большой арке, частью конструкции нового иконостаса. Боковые пролёты были слегка растёсаны в обе стороны, что видно на сохранившихся откосах арки и поныне (см. рисунок 5:2), их центральная часть оказалась достаточной для устройства царских врат.

В связи с необходимостью совершения крестных ходов, переход между церковью и корпусом был разобран. На оставшиеся в земле фундаменты были поставлены кирпичные заборы с калитками. Верх оград был покрыт черепицей. Они зафиксированы на фотографии, выполненной после 1895 г.³

Согласно статистическим данным на 1884 г. церковь отмечена как «штатная, каменная, холодная, прочная»⁴. Во время Советско-Польской войны у храма были повреждены купола и выбиты стёкла, для его ремонта понадобилось: «50 листов железа и ящик стекла»⁵.

Закрытие и уничтожение храма. В советское время церковь работала до начала 30-х гг. XX в. [10, с. 194]. После передачи здания вместе с корпусом в ведение НКВД, бывший монастырский комплекс приспособили под тюрьму № 1. Храм внутри был разгромлен и частично перестроен. Во фрагментарно сохранившейся сегодня апсиде внутреннее пространство разделили на два этажа – врезали деревянное перекрытие, заложили первоначальное окно южной стены и пробili два новых (рисунок 5: 4). На стене долгое время сохранялся деревянный щит, обитый дранкой для лучшего удержания штукатурки (обвалился в начале 2000-х годов). На месте разрушенного перехода в корпус, видимо, возводится пристройка, потолочные балки которой врезали в западную стену.

В годы Великой Отечественной войны в период нацистской оккупации храм был действующим, но при штурме Полоцка в начале июля 1944 г. здание было сильно посечено осколками взрывов. Особенно пострадал северный фасад в период боёв за мост, располагавшийся вблизи Иоанно-Богословской церкви. Мост был отбит у нацистов и спасён от уничтожения штурмовой группой под командованием 8-й стрелковой роты гвардии лейтенанта Александра Михайловича Григорьева. Несмотря на то, что противнику позже удалось его взорвать, советскими войсками в районе современной ул. Свердлова был создан плацдарм, и после восстановления (под вражеским огнём) переправы началось освобождение центральной части города. Ценой своей жизни мост удержали 22 гвардейца [11, с. 39]. У церкви во время этих боёв была сильно разбита кровля и полностью уничтожен фальшивый купол на южной части церкви. Большая часть обшивки куполов колоколен была сорвана. Уцелела только крыша на сохранившейся сегодня части апсиды. В Акте, составленном 1 марта 1945 г., «комиссией по установлению ущерба причинённых немецко-фашистскими захватчиками зданиям-памятникам, состоящим на государственной охране и находящимися в г. Полоцке», было зафиксировано:

«1. Стены храма имеют 6 сквозных пробоин диаметром от 0,5 до одного метра.

2. Фасад здания имеет 12 выбоин диаметром до одного метра.

3. Карниз храма снаружи в различных местах более чем на половину разрушился или осыпался.

4. Стены храма снаружи имеют много осколочных выбоин.

5. Внутренняя декоративная лепка, скульптурные барельефы, капители пилястр и колонны, карнизы во многих местах обломаны.

6. Кровля храма уничтожена.

7. Иконостас, состоящий из круглых колонн и столбов – попорчен. Капители многих колонн обломаны, штукатурка осыпалась»⁶.

После войны тюрьма НКВД вернулась на прежнее место и разбитый в годы войны храм опять оказался в полном распоряжении данного ведомства, использовавшего теперь здание в качестве склада. Поскольку его состояние начало ухудшаться, городские власти и руководство учреждения поставили вопрос о сносе здания. Начались подготовительные работы к этому мероприятию, и 3 февраля 1949 г. на имя Уполномоченного по делам русской Православной церкви по Полоцкой области товарищу Марковскому пришёл запрос на предоставление необходимых для этого документов. Среди них потребовались «.... в гор. Полоцке – фотоснимок церковного

³ Полоцкое Радование: Свято-Евфросиниевские Торжества 1910 года / ред. А.Г. Борисова-Горюнова; худ. А.П. Маковцов. – Полоцк: Свято-Евфросин. жен. монастырь в г. Полоцке, 2010. – 437 с. – С. 80, 81.

⁴ Статистические сведения о церквях и приходах Полоцкой епархии. – Витебск: Тип.-лит. Г.А. Малкина, 1884. – 93 с. – С. 66.

⁵ Зональный государственный архив в г. Полоцке (далее – ЗГА в г. Полоцке). – Ф. 54. Оп. 1. Д. 343. – Л. 55, 55об.

⁶ ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 700. Оп. 1. Д. 4. – Л. 23 – 23об.

здания, которое находится на территории тюрьмы в 3-х видах с разных сторон с наружи.... ваше заключение.... Решение облисполкома как по Глубокому так и по Полоцку»⁷.

В 1949 г. 2 марта храму областными властями был вынесен приговор: «Рассмотрев ходатайство администрации Полоцкой тюрьмы №1 о разборке церковного здания бывшей «Богословской» церкви, расположенной в городе Полоцке, на левом берегу р. Западной Двины и материалы обследования состояния церковного здания, исполком областного совета депутатов трудящихся устанавливает, что кирпичное здание бывшей «Богословской» церкви находится в полуразрушенном состоянии, к восстановлению непригодно, разрушаясь, создаёт опасность для прохожих граждан и тюремной охраны и подлежит сносу.....Решил: ...

1. Удовлетворить ходатайство администрации Полоцкой тюрьмы № 1 о разборке бывшего церковного здания «Богословской» церкви...

2. Просить Совет по делам русской православной церкви при Совете Министров СССР разрешить разборку и снос кирпичного здания «Богословской» церкви»⁸.

Видимо, 11 марта 1949 г. уполномоченным по делам РПЦ по Полоцкой области Марковским была написана бумага, согласно которой «установлено, что выше указанное здание....с 1920 г не функционирует, рядом с церковным зданием в 5 метрах от церковного здания «Богословской» церкви расположен двухэтажный каменный дом, в котором до 1920 г было духовное училище 1920 по 1941 год выше указанный каменный дом приспособлен под тюрьму...немецко-фашистскими оккупантами с 1941 по 1944 год указанное здание тюрьмы использовалось тоже под тюрьму. С 1944 г. ... здание опять занято под тюрьму...Поданное заявление администрацией тюрьмы №1 города Полоцка с ходатайством о разборке и сносе церковного здания/коробки/ бывшей «Богословской» церкви, расположенной рядом с тюрьмой на левом берегу Западной Двины, в период Великой Отечественной войны указанное здание сильно повреждено артиллерийскими снарядами, с которого только остались полуразрушенные стены и в настоящее время постепенно осыпаются и угрожают обвалу. что составляет опасность для охраны и прохожих граждан, поскольку выше указанное здание расположенного рядом с тюремным зданием примерно в 5 метрах от тюрьмы в, что безмерно подлежит разборке и сносу»⁹.

В этом же году начались работы по сносу храма. Сначала разбивали своды арки проёмов и ниш, разделяя стены на отдельные пилоны. Потом их подрубали и с помощью техники валили вовнутрь помещения храма, чтобы не зацепить ближайшие строения тюрьмы. В результате от здания осталась только апсида, – единственная часть храма, которая сохранила крышу и не будучи в аварийном состоянии могла использоваться руководством тюрьмы для жилья. Но позже, после упразднения тюрьмы в 1954 г. [12, с. 113] и занятия зданий областной психиатрической больницей, решено было снести и её. После уничтожения сводов верхнего помещения и арок окон, была обрушена западная стена сохранившейся сегодня апсиды. Свод подвала выдержал удар падавшей конструкции. Его частично погасили деревянный пол и бетонная стяжка под ним, но выросший со временем древесный куст разорвал корнями не только рухнувшую стену, но и сам свод (обрушился в 1992 – 1993 гг.).

Кирпич от разрушенной церкви использовали на месте. Из него на остатках фундаментов перехода сложили и восточную часть ограды двора тюрьмы, расположенного между возведённым зданием и берегом реки. В период существования психиатрической больницы из оставшегося возвели в 60 – 70-х годах XX в. ещё одну пристройку. Её нижний этаж возвели из оставшегося церковного кирпича, а верхний – из силикатного, закрыв восточный фасад монастырского корпуса.

Заключение. Сохранившиеся фрагменты стен апсиды демонстрируют ряд элементов первоначальной архитектуры и внутреннего убранства фасадов и интерьеров, оставшихся от костёла. Архивные материалы позволяют предполагать, что уцелевшую часть апсиды от остальной части храма отделяла конструкция, сочетавшая в себе черты алтарной преграды (подобной иконостасу в Полоцком Софийском соборе) и пристенного алтаря, характерного для католических костёлов. Это же подчёркивало и наличие круглых колонн на постаментах столбов, разделявших на три части большую арку. Верхние части конструкций могли первоначально завершаться как декоративными вазами, так и рельефными изображениями святых. Данные наблюдения, как и наличие росписей, позволяет полагать, что первоначальное устройство алтаря могло быть схожим с устройством алтаря Софийского собора. Следы корректировок первоначального проекта храма и устройство перехода к нему представлены массивами кладок XVIII в., закрывших основания первоначальных угловых пилястр. Они находятся в уцелевших углах южного выступа основного объёма помещения (северная часть двойной апсиды). Об этом же говорят и перекрывающие друг друга следы сводов, прослеженные на западном фрагменте стены здания.

Следы позднейших перестроек, связанных с приспособлением костёла под церковь, представлены армированием основы для новой штукатурки с помощью набивки гвоздей на фасаде, растесами нижних частей отколов большой арки и уцелевшего (до 2009 г.) пилон для устройства диаконских дверей (результат корректировки проекта перестройки 1838 г.). С дальнейшим использованием помещения церкви для нужд тюрьмы связано разделение бывшего алтаря на два этажа, изменение уровня подоконников окон восточной стены, закладка старого и пробитие нового проёмов – на южной. Тогда же на нижнем этаже был залит цементный пол, поверх которого, видимо, при устройстве жилья, были обнаружены остатки деревянного пола.

Необходимо также отметить, что уцелевшие конструкции стремительно ветшают и осыпаются, грозя полной потерей памятника.

⁷ ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 1221. Оп. 1. Д. 7. – Л. 13.

⁸ ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 686. Оп. 1. Д. 166. – Л. 33; Д. 172. – Л. 142.

⁹ ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 1221. Оп. 1. Д. 7. – Л. 20.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боровкова А.А., Коваленко Н.Н., Лившиц Ю.Г. Восстановление монастырского комплекса памятника архитектуры XVIII века // Труды молодых специалистов Полоцкого государственного университета. Строительство. – Новополоцк: ПГУ, 2006. – Вып. 16. – С. 3–5.
2. Забытая архитектурно-историческая ценность – монастырь Ордена бернардинцев на Полотчине / А.А. Боровкова, Н.Н. Коваленко, А.А. Финогонов, Н.Ф. Ширин-заде, А.А. Бакатович // Инновационное развитие Придвинского края: сб. науч. тр. регион. науч.-практ. конф., Новополоцк – Полоцк, 18–19 дек. 2008 г. – Новополоцк: ПГУ, 2007. – С. 28–32.
3. Настоящее и прошлое костёла святой Анны монастыря бернардинцев в Полоцке / А.А. Боровкова, Н.Н. Коваленко, А.А. Финогонов, Н.Ф. Ширинзаде // Труды молодых специалистов Полоцкого государственного университета. Строительство. – Новополоцк: ПГУ, 2007. – Вып. 22. – С. 3–5.
4. Слюнькова И.Н. Храмы и монастыри Беларуси XIX века в составе Российской империи. Пересоздание наследия. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 616 с., ил.
5. Соловьёв А.А. Полоцкий бернардинский монастырь: натурные обследования этажей и чердака келейного корпуса. // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. F, Строительство. Прикладные науки. – 2021. – № 16. – С. 29–39.
6. Соловьёв А.А. Полоцкий иезуитский коллегиум в ретроспективе (1581–1914): архитектурно-археологический очерк. – Полоцк: Полоц. книж. изд-во, 2012. – 97 с.
7. Соловьёв А.А. Усадебный комплекс «Домик Петра I в городе Полоцке»: История. Владельцы. Легенды. – Полоцк: Полоц. книж. изд-во, 2015. – 123 с.
8. Соловьёв А.А. Помещения библиотеки полоцкого иезуитского коллегиума XVII – начала XIX вв. по археологическим и документальным данным (проблемы изучения и реконструкции) // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А. Гуманитарные науки. – 2020. – № 1. – С. 129–136.
9. Соловьёв А.А. Зондажи Полоцкой иезуитской коллегии, кадетского корпуса, военного госпиталя: пособие. – Новополоцк: ПГУ, 2016. – 44 с.
10. Бараненка В.В. Да пытання аб прыналежнасці праваслаўных храмаў г. Полацка да царкоўных арганізацый у 1922 – 1-й палове 1930-х гг. // Беларускае Падзвінне: вопыт, метадыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. навук. арт. III міжнар. навук. канф., Полацк, 14–15 крас. 2016 г.: у 2 ч. / Полац. дзярж. ун-т; пад агулн. рэд. Д.У. Дука, У.А. Лобача, А.І. Корсак. – Наваполацк: ПДУ, 2016. – Ч. 2. – С. 191–196.
11. Копыл С.П. «Пятый Сталинский удар» : Полоцкая фронтовая наступательная операция: 29 июня – 4 июля 1944 г. – Полоцк: Полоц. книж.изд-во, 2014. – 71 с. (Наследие полоцкой земли; вып. 17).
12. Дэйніс І.П. Полацкая даўніна. – Мінск: Медисонт, 2007. – 328 с.

Поступила 14.12.2025

POLOTSK BERNARDINE MONASTERY: FIELD STUDIES OF THE RUINS OF THE CHURCH OF ST. ANNA (ST. JOHN THE THEOLOGICAL CHURCH)

A. SOLOVYOV

(Polotsk National Historical and Cultural Museum-Reserve)

The article presents the results of field investigations into the ruins of the Church of St. Anne in Polotsk. Due to the rapid deterioration of the monument and the prospect of its imminent total loss, the author inspected and documented the architectural and structural elements of the surviving wall fragments. They are represented by the remains of the original window and door openings, niches, and vaults, as well as by traces of alterations made to the church at various times. Traces of wall paintings were discovered inside the premises. The research findings were compared with available pictorial and written sources related to the history of the church. The results obtained from the study of the deteriorating monument will serve as a valuable resource for its further study, conservation, and the preparation of design documentation for its restoration.

Keywords: Church of St. Anne, Polotsk, field studies, Bernardine monastery complex, history of architecture.

УДК 94(460)"12/14"

DOI 10.52928/2070-1608-2026-79-3-36-39

**МУСУЛЬМАНСКИЕ АЛЬХАМЫ КОРОЛЕВСТВА КАСТИЛИЯ И ЛЕОН В XIII–XV ВВ.:
СТРУКТУРА, ФУНКЦИИ И ПРАВОВОЙ СТАТУС****Е.А. СИДОРОВИЧ**

(Белорусский государственный университет, Минск)

ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-6293-8525>e-mail: ekaterina.sidorovich@alum.uca.es

В статье рассматривается институциональная организация мусульманских альхам Королевства Кастилия и Леон в XIII–XV вв. в качестве особой формы коллективного существования религиозного меньшинства в условиях христианского господства. Анализируются структура органов самоуправления мусульманских общин, их административные, фискальные и судебные функции, а также особенности правового статуса альхам. Особое внимание уделяется гибриднему характеру института, сформировавшегося на стыке исламской правовой традиции и кастильской административной практики. На основе анализа королевского законодательства и местных правовых актов показано, что автономия мусульманских общин носила условный характер и была ограничена рамками христианского законодательства. Выявляется региональная вариативность правового положения альхам и зависимость их статуса от формы подчинения короне, светским феодалам или рыцарским орденам. Прослеживается динамика трансформации мусульманской общины в условиях демографических кризисов XIV–XV вв., усиления фискального давления и дискриминационной политики королевства. Делается вывод о том, что мусульманские альхамы следует рассматривать как элемент фискально-административной инфраструктуры христианского государства, интегрированный в систему власти на основе асимметричных прав и обязанностей. Показано, что институциональное существование альхам представляло собой компромиссную форму управляемой интеграции мусульманского населения в социальное пространство королевства, в рамках которой элементы ограниченной автономии сочетались с жёсткими механизмами подчинения и контроля.

Ключевые слова: мусульманская община, альхама, мудехары, Кастилия и Леон, религиозные меньшинства, социальное пространство.

Введение. Мусульманские общины Королевства Кастилия и Леон в XIII–XV вв. являлись специфическим элементом социального и конфессионального ландшафта этого средневекового государства. В условиях территориальной экспансии христианских государств во время Реконквисты мудехары – свободные мусульмане, сохранившие свою веру и автономию на условиях прямого подчинения монарху – были включены в сложную систему правовых, фискальных и административных отношений с короной, сеньорами и рыцарскими орденами. Центральным институтом их коллективной организации выступали альхамы (исп. – *aljama*, араб. – *الجمية*), функционировавшие не только как формы религиозной и социальной самоидентификации, но и как юридически признанные корпоративные структуры, выступавшие посредником во взаимодействии мусульманского населения с христианской властью.

Актуальность обращения к проблеме институциональной организации мусульманских общин обусловлена необходимостью более глубокого понимания механизмов управления религиозными меньшинствами в условиях христианской государственности на Пиренейском полуострове. В этом контексте анализ структуры, функций и правового статуса альхам позволяет реконструировать реальные институциональные формы подчинения, автономии и ограниченной агентности мусульманских общин в системе христианского господства. Исследование вносит вклад в современную научную дискуссию о правовых механизмах интеграции религиозных меньшинств в доиндустриальных обществах. Материал по мусульманским альхамам Кастилии и Леона позволяет рассматривать данные общины не как маргинальный элемент социальной структуры, а как встроенный компонент фискально-административной системы королевства, чьё функционирование определялось компромиссом между прагматическими интересами власти и ограниченной автономией религиозного меньшинства. Научная новизна исследования заключается в институциональной реконструкции альхам как конфессионально-административных корпораций, а также в систематизации их структуры, функций и правового статуса на материале канцелярских источников и нормативных текстов XIII–XV вв. в кастильско-леонском контексте.

В качестве объекта настоящего исследования выступают мусульманские общины Королевства Кастилия и Леон в XIII–XV вв. как элемент социального пространства христианского государства. Предметом является институциональная организация мусульманских общин Королевства Кастилия и Леон, включая их внутреннюю структуру, функции органов самоуправления и особенности правового статуса в системе королевской, сеньориальной и орденской власти. Цель настоящей статьи — проанализировать институциональную организацию мусульманских общин Королевства Кастилия и Леон в XIII–XV вв. и выявить особенности их структуры, функций и правового статуса в системе социального пространства королевства.

Основная часть. Историография мусульманской общины Королевства Кастилия и Леон XIII–XV вв. формировалась неравномерно и на протяжении длительного времени уступала по интенсивности исследованиям, посвящённым мудехарам Арагона и Наварры, что во многом объясняется более высокой сохранностью источникового материала в восточных регионах Пиренейского полуострова. Ранний этап изучения кастильско-леонских

мудехаров складывался на пересечении национально-исторического нарратива эпохи реконкисты и дискурса «домашнего» ориентализма, поэтому мусульманская община длительное время фигурировала преимущественно косвенно, как часть общих сюжетов истории Кастилии и Леона [1] или как предыстория морискской проблематики [2]. Первые попытки системного осмысления социально-правового положения мусульман в христианском контексте относятся ко второй половине XIX – началу XX вв. и были связаны с развитием позитивистской парадигмы и источниковедческих практик [3], а также с появлением исследований в области ориенталистики [4]. Однако в этот период альхама ещё не рассматривалась как самостоятельный объект институционального анализа. В эпоху франкизма социальная история мудехаров в испанской науке развивалась фрагментарно, что было обусловлено идеологическими установками режима. В этот период единичным исключением стала научная деятельность Х. Торреса Фонтеса, направленная на исследование мудехарской общины Мурсии [6] и института старшего алькальда в кастильских альхамах XV в. [7].

Новая исследовательская волна в изучении мудехаров Кастилии и Леона складывается в контексте политической демократизации Испании конца 1970-х – начала 1980-х гг. и сопровождается акцентом на локальную историю, микроисторические сюжеты и анализ повседневных практик в русле методологии третьего поколения школы «Анналов». Современная же повестка исследований мусульманской общины Кастилии и Леона характеризуется расширением проблемного поля и методологической полифонией. В этом контексте особое значение имеют просопографические исследования локальной истории А. Эчеваррии Арсуаги, в которых отдельные альхамы анализируются как социально-административные корпорации [8], встроенные в систему власти через сети элит [9] и конфигурации локального влияния [10]. Тем не менее по-прежнему в данной проблематике сохраняется тенденция экстраполировать выводы, полученные благодаря материалу иных регионов, на кастильско-леонский контекст. Этот дисбаланс и делает актуальным настоящее исследование, направленное на уточнение региональной специфики, источниковедческую ревизию и систематизацию подходов к изучению мудехаров Кастилии и Леона.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и системности, позволяющие рассматривать мусульманские альхамы Королевства Кастилия и Леон как эволюционирующий социально-правовой институт, функционировавший в контексте глубинных трансформаций конфессионального, фискально-административного и правового пространства христианского государства в XIII–XV вв. Принцип историзма обеспечивает анализ институциональных форм мусульманских общин с учётом конкретных политических, демографических и социально-экономических условий соответствующих периодов, тогда как принцип системности позволяет интерпретировать альхамы не изолированно, а как элемент в сети властных отношений.

В работе используются методы индукции, анализа, синтеза и сравнительно-исторического подхода. Индуктивный метод применяется для обобщения эмпирических данных, полученных на основе изучения текстов жалоб мусульманских общин, королевских грамот и нормативных актов, что позволяет выявить типологические черты институциональной организации альхам. Методы анализа и синтеза используются для реконструкции внутренней структуры мусульманских общин, функций их органов самоуправления и механизмов взаимодействия с христианской администрацией на различных уровнях власти. Сравнительно-исторический метод применяется для выявления региональной вариативности правового статуса альхам, а также для сопоставления нормативных предписаний и практик их правоприменения в различных частях Королевства Кастилия и Леон.

Источниковую базу исследования составляют нормативные и канцелярские источники королевского происхождения, отражающие правовое положение мусульманских общин и практику их административного регулирования в Королевстве Кастилия и Леон XIII–XV вв. Ключевыми нормативными текстами выступают «Семь Партид» (*Siete Partidas*) [11] и «Зерцало» (*Espéculo*) [12] Альфонсо X (1252–1284), фиксирующие принципы статуса религиозных меньшинств и пределы их юрисдикции, а также «Законы мавров» (*Leyes de moros*) [13] XIV в., представляющие собой адаптированный корпус норм исламского права в условиях кастильской юрисдикции, несущий в себе потенциал реконструкции внутриобщинной повседневности. Эмпирическое ядро работы основано на материалах королевской канцелярии, обработанных и дигитализированных в рамках Портала архивов Испании (PARES — Portal de Archivos Españoles)¹: королевские грамоты и постановления, изданные в ответ на коллективные жалобы альхам. Существенную часть источниковой базы составила археографическая коллекция актового материала, посвящённая мудехарам Кастильской короны, в которых опубликованы королевские грамоты, ордонансы и муниципальные акты, уточнявшие их фискальный статус, формы подчинения и правовой режим мусульманских общин в системе власти христианского государства [3, р. 11–444]. Совокупность этих материалов позволяет реконструировать не только нормативную модель статуса мусульманских общин, но и практику её реализации, включая конфликты юрисдикций, пересмотр повинностей и механизмы институциональной агентности альхам.

Альхама, как юридически признанная этноконфессиональная община, выступала одновременно институтом коллективной идентичности мудехаров и каналом их включения в административно-фискальную систему христианского государства. В нормативном и институциональном измерении она функционировала как корпоративный субъект, на который возлагалась коллективная ответственность за выполнение повинностей, поддержание внутреннего порядка и соблюдение предписаний королевской власти. Тем самым альхама представляла собой не только форму социальной самоорганизации мусульманского населения, но и ключевой элемент механизма управляемой интеграции религиозного меньшинства в социальное пространство Королевства Кастилия и Леон.

¹ Portal de Archivos Españoles (PARES). – URL: <https://pares.culturaydeporte.gob.es>.

Внутренняя организация мусульманских альхам в XIII–XV вв. носила иерархически упорядоченный и функционально дифференцированный характер, отражая синтез исламской правовой традиции и кастильской административной практики. В крупных альхамах во главе общины, как правило, стоял *алькальд* (исп. *alcalde*). Его полномочия включали поддержание общественного порядка, надзор за исполнением королевских предписаний, организацию сбора налогов и представительство альхамы в отношениях с христианской администрацией и судами. С XV в. появляется должность *старшего алькальда всех мусульманских альхам* (исп. *alcalde mayor de las aljamas de moros*), на которую назначал исключительно монарх с целью централизации надзора за мусульманскими общинами и унификации практик их административного контроля. Учреждение этой должности отражает тенденцию к усилению королевского вмешательства во внутриобщинные дела и стремление включить альхамы в более жёстко иерархизированную систему управления религиозными меньшинствами.

В структуре общины важную роль играл *альфаки* (исп. *alfaquí*) – знаток фикха, совмещавший функции религиозного авторитета, судьи, писца и нотариуса. Он обеспечивал легитимацию решений органов самоуправления, вёл документацию, а также участвовал в рассмотрении дел брачно-семейного и наследственного характера. В небольших или сельских общинах альфаки нередко исполнял и функции официального представителя альхамы, что свидетельствует о более высокой степени институциональной гибкости на периферии и размытости границ между религиозным и административным управлением.

Коллективный совещательный орган при альхаме воплощался в *совете старейшин*, формировавшемся, как правило, из четырех-пяти представителей наиболее влиятельных семей и экономической элиты общины. Совет выполнял функции коллективного представительства интересов мусульманского населения, участвовал в распределении налоговых повинностей, контролировал деятельность должностных лиц и рассматривал внутриобщинные конфликты.

Религиозно-ритуальный функционал был представлен *муэдзином* (исп. *almuédano*), созывавшим верующих в мечеть. Стоит отметить, что в последней также осуществлялась значительная часть коммуникации внутри общины, проходили собрания органов самоуправления и принимались коллективные решения, поэтому в источниках можно встретить в качестве номинации этого здания слово «альхама».

В совокупности описанная структура формировала такую систему управления, в рамках которой административные, религиозные, судебные и фискальные функции были тесно переплетены и действовали комплементарно, обеспечивая одновременно саморегуляцию общины и её институциональную интеграцию в систему христианской власти. Гибридный характер этих институтов делал возможной их адаптацию к меняющимся условиям политического и правового давления, но одновременно предопределял структурную уязвимость альхам перед лицом усиления внешнего контроля.

Функционально альхама являлась частью фискально-административной инфраструктуры христианского государства. Её базовая роль заключалась в поддержании внутреннего порядка и обеспечении фискальной дисциплины: альхама выступала коллективным гарантом своевременной уплаты податей, каналом доведения распоряжений власти и механизмом внутренней мобилизации ресурсов. Принцип коллективной ответственности означал, что община в целом отвечала за выполнение различных обязательств перед короной независимо от индивидуальной платёжеспособности её членов, что в условиях демографических кризисов и экономического спада усиливало внутреннюю напряжённость и перераспределяло нагрузку на наиболее уязвимые группы.

Судебная функция альхам являлась одним из наиболее показательных проявлений ограниченной автономии мусульманских общин. Внутриобщинная юрисдикция опиралась на нормы исламского права и охватывала, как правило, брачно-семейную сферу, наследование, религиозную дисциплину и конфликты внутри общины, не затрагивавшие интересы христианского населения или фискальные prerogatives власти. Однако эта автономия имела условный характер. Пределы компетенции мусульманского правоприменения могли корректироваться нормами фуэро и королевскими ордонансами, а при конфликте юрисдикций приоритет, как правило, закреплялся за христианскими судами. Правовой статус альхам формировался через фуэро, королевские ордонансы и индивидуальные привилегии. Он сочетал элементы признанной автономии с жёстко фиксированными формами подчинения, что придавало правосубъектности мусульманских общин юридически асимметричный характер. Ключевой характеристикой статуса альхам была региональная и юрисдикционная вариативность.

Условно выделяются королевские альхамы, сеньориальные и орденские. Королевские общины обладали более чётко артикулированным режимом и могли рассчитывать на монарший патронат как инструмент защиты от произвола местных властей. Сеньориальные альхамы зависели от воли конкретного сеньора, что порождало диспропорции в повинностях, нестабильность правового положения и частые конфликты интересов. В орденских доменах мусульманское население включалось в режим более жёсткой хозяйственной и административной эксплуатации, где автономия сужалась практикой повседневного контроля и военной дисциплины.

В XIV–XV вв. заметна тенденция к усилению сегрегационных ограничений в публичной сфере и росту административного и фискального давления на мусульманские общины, во многом обусловленные социальной нестабильностью, демографическими кризисами и фискальными потребностями короны. На этом фоне альхамы активно использовали право на административно-апелляционную практику: алькальд или альфаки обращался к короне с коллективными жалобами и требованиями пересмотра повинностей или пресечения злоупотреблений местной власти. В долгосрочной перспективе сочетание коллективной фискальной ответственности, роста административного контроля, сужения судебной юрисдикции, а также процессов конфессионализации Кастильской короны после завершения Реконксты предопределило кризис институциональной модели альхам в конце XV – начале XVI вв.

Заключение. Альхамы Королевства Кастилия и Леон XIII–XV вв. представляли собой институционально оформленные конфессиональные общины, включённые в фискально-административную систему христианского государства. Их внутренняя структура носила гибридный характер и сочетала элементы исламской правовой традиции с кастильской управленческой практикой; ключевые должности обеспечивали комплементарное соединение саморегуляции общины и внешнего контроля. Судебная функция альхам демонстрирует модель управляемого правового плюрализма: внутриобщинная юрисдикция сохранялась преимущественно в «частноправовой» сфере, но оставалась ограниченной и зависимой от христианских инстанций. Правовой статус альхам был регионально вариативным (королевские, сеньориальные, орденовые общины), однако во всех случаях автономия имела производный и пересматриваемый характер. В XIV–XV вв. рост фискального давления и демографические кризисы усиливали структурную уязвимость альхам при коллективном налогообложении, что вело к эрозии их автономии. Жалобы общин и ответные королевские грамоты фиксируют наличие ограниченной агентности и переговорных практик, но не отменяют асимметрию власти: послабления носили частный характер. В целом альхамы функционировали как конфессионально-административные корпорации, чья институциональная модель в позднем Средневековье испытывала нарастающий кризис и подготавливалась к радикальным трансформациям рубежа XV–XVI вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Tapia E. de. Historia de la civilización española: desde la invasión de los árabes hasta la época presente: en 2 t. – T. 2. – Madrid, 1840. – 344 p.
2. Circout A. de. Histoire des mores mudéjares et des morisques, ou des Arabes d’Espagne sous la domination des chrétiens. – T. 2. – Paris, 1846. – 487 p.
3. Fernández y González F. Estado social y político de los mudéjares de Castilla. – Madrid, 1866. – 456 p.
4. Ribera J., Asín M. Manuscritos árabes y aljamiados de la Biblioteca de la Junta. – Madrid, 1912. – 320 p.
5. Estenaga N. de. Condición social de los mudéjares de Toledo durante la Edad Media // Boletín de la Real Academia de Bellas Artes y Ciencias Históricas de Toledo. – 1924. – № 18–19. – P. 5–27.
6. Torres Fontes J. Los mudéjares murcianos en el siglo XIII // Murgetana. – 1961. – № 17. – P. 57–90.
7. Torres Fontes J. El alcalde mayor de las aljamas de moros en Castilla // Anuario de Historia del Derecho Español. – 1962. – № 32. – P. 131–182.
8. Echevarría Arsuaga A. Los mudéjares al norte del Sistema Central: nuevas aportaciones sobre la aljama de Ávila // Minorías étnico-religiosas. – 2008. – P. 291–308.
9. Echevarría Arsuaga A. Familia, poder y tradición entre los mudéjares de la Península Ibérica // Actas del XIII Simposio Internacional de Mudejarismo. – Teruel, 2017. – P. 111–138.
10. Echevarría Arsuaga A. Las aljamas mudéjares castellanas en el siglo XV: redes de poder y conflictos internos // Espacio, tiempo y forma. Serie III, Historia medieval. – 2001. – № 14. – P. 93–112.
11. Las Siete Partidas del Sabio Rey Don Alfonso el IX: en 4 t. / ed. G. López. – T. 3. – Barcelona: Imprenta de Antonio Bergnes, 1844. – 568 p.
12. Opúsculos legales del Rey Don Alfonso el Sabio: en 2 t. – Madrid: Real Academia de la Historia, 1836. – T. 1. – 474 p.
13. Tratados de legislación musulmana: 1. Leyes de moros, del siglo XIV. 2. Suma de los principales mandamientos y devedamientos de la ley y çunna. – Madrid: Real Academia de la Historia, 1853. – 510 p.

Поступила 26.01.2026

MUSLIM ALJAMAS IN THE KINGDOM OF CASTILE AND LEÓN (13th–15th CENTURIES): STRUCTURE, FUNCTIONS, AND LEGAL STATUS

E. SIDOROVICH
(Belarusian State University, Minsk)

This article examines the institutional organisation of Muslim aljamas in the Kingdom of Castile and León between the thirteenth and fifteenth centuries as a specific form of collective existence of a religious minority under Christian rule. It analyses the structure of Muslim communal self-government, their administrative, fiscal, and judicial functions, as well as the distinctive features of the legal status of the aljamas. Particular attention is paid to the hybrid nature of aljama institutions, which emerged at the intersection of Islamic legal tradition and Castilian administrative practice. On the basis of royal ordinances and municipal acts, the article shows that the autonomy of Muslim communities was conditional and derivative in character and strictly limited by the framework of Christian law. The study identifies the regional variability of the legal position of the aljamas and demonstrates how their status depended on the form of subordination to the Crown, secular lords, or military orders. It traces the transformation of Muslim communities under the conditions of the demographic crises of the fourteenth and fifteenth centuries, the intensification of fiscal pressure, and the growing impact of discriminatory and segregationist royal policies. The article concludes that Muslim aljamas should be regarded as an element of the fiscal and administrative infrastructure of the Christian state, integrated into the system of power on the basis of asymmetric rights and obligations. It further argues that the institutional existence of the aljamas represented a compromise form of managed integration of the Muslim population into the social space of the kingdom, in which elements of limited autonomy coexisted with rigid mechanisms of subordination and control.

Keywords: Muslim community, aljama; Mudejars, Castile and León, religious minorities, social space.

УДК 27-788-9(043.3)(476)"1839/1917"

DOI 10.52928/2070-1608-2026-79-3-40-46

**ПРАВОСЛАВНЫЕ МОНАСТЫРИ ГОРОДА ВИТЕБСКА: ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ,
ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СТРУКТУРА (ВТОРАЯ ТРЕТЬ XIX – НАЧАЛО XX ВВ.)****канд. ист. наук Е.Н. БОРУН****(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)**

В статье представлены исторические сведения о православных монастырях города Витебска, Свято-Духовом женском и Свято-Троицком Марковом мужском, функционировавших во второй трети XIX – начале XX века. Выявлены различия между монастырями в зависимости от их статуса, штатной принадлежности и значения для епархии. Дан анализ их хозяйственной деятельности до и после проведения государственной политики секуляризации церковных земель и введения штатного расписания. Представлен обзор монастырских комплексов: храмовых, келейных, экономических построек. Выявлены причины, влиявшие на характер формирования монашеского сообщества, организацию внутримонастырской жизни. Рассмотрены примеры назначений на настоятельские вакансии в монастырях. Представлены биографические справки настоятелей и выявлено их значение в организации духовной и хозяйственной жизни монастыря.

Ключевые слова: Витебский Свято-Духов, Витебский Свято-Троицкий Марков, монастырь, православие, епархия, храм, настоятель, архимандрит, игумен, монах, послушник.

Введение. На территории Полоцкой епархии в период второй трети XIX – начала XX века из-за изменения границ епархии и закрытия заштатных монастырей количество монастырей варьировалось от максимально 13 до 7. В территориальных границах города Витебска действовало два монастыря – Марков Свято-Троицкий мужской и Свято-Духов женский. Данные монастыри существенно различались по своему статусу, штатной принадлежности и значению для региона. Сведения о постройках, монастырской земельной собственности и денежных средствах, биографии настоятелей, монахов и послушников содержатся в отчетах правящих архиереев, послужных списках, формулярных и клировых ведомостях в отдельных фондах Российского государственного архива в г. Санкт-Петербурге, Национального исторического архива Беларуси в г. Минске (Фонды 2905, 2548), в периодической печати «Полоцкие епархиальные ведомости». Исторические справки содержатся в научно-популярных работах справочного характера о православных монастырях Российской империи, изданных во второй половине XIX – начале XX в. (П.М. Строева, В.В. Зверинского, И.В. Преображенского и т.п.). История монастырей представлена в очерках краеведов XIX – начала XX в. [1; 2]. В «Памятной книжке Витебской губернии» за 1865 г. было размещено подробное описание истории Витебского Свято-Троицкого монастыря [3]. Современный исследователь Г.П. Лебедев рассмотрел историю Витебского Свято-Духова женского монастыря, акцентировал внимание на композицию монастырских храмовых построек [4]. В целом, история данных монастырей малоизучена, отсутствуют комплексные исследования в сравнении с другими монастырями епархии, в частности, с Полоцким Спасо-Евфросиниевским женским монастырем.

Основная часть. Витебский Свято-Духов женский монастырь, основанный в XIV в., с XVII в. до 1839 г. являлся униатским. В 1839 г. вошел в состав православной Полоцкой епархии. Процесс перехода монахинь из униатства в православие в Витебском Свято-Духовом монастыре проходил сложно: встречались факты неповиновения, фанатичной преданности унии, отказа дать подписку на присоединение к православию. Епархиальное начальство, настоятельницы монастыря оценивали монахинь как «неблагонадежных». В августе 1839 г. епархиальным руководством рассматривалось дело об установлении тайного надзора за некоторыми монахинями Витебского Духова монастыря из-за «неповиновения духовным властям, распространения различных слухов среди населения, принявшего православие». По рапорту иеромонаха Федоровичева, духовника монастыря, монахини сестры Мартусевич, Цитовичева, Рихтерова и Пырская «не ходят на исповеди, отказываются повиноваться епархиальному начальству, делают нелепые внушения женскому полу новоправославных жителей, выходят из монастыря в светской одежде и посещают костел, общаются с женщинами-католичками». В результате расследования трех монахинь в сентябре выслали в Березвечский монастырь для дальнейшего их перевода в Мядельский монастырь. Сестер Мартусевич оставили в монастыре с позволения благочинного монастырей [5, л. 1–7].

В 40 – 50-е гг. XIX в. в Витебском Свято-Духовом находилось шесть упорствующих монахинь: Казимирская, Паневская, Крайская, Воронович, Зуевская, Новацкая. Монахини отрекались от всего православного, пользовались книгами униатской печати. До 1855 г. монахини Крайская и Ждановская сопротивлялись принятию православия и были переведены для исправления в Полоцкий Спасо-Евфросиниевский монастырь [6, л. 4]. Из донесения настоятельницы «у исповеди и причастии была я одна, а прочие не бывают» [7, л. 8]. При общей малочисленности монастырских насельниц данная ситуация для православного монастыря являлась критической, что стало причиной в дальнейшем его закрытия.

Согласно сохранившимся Клировым ведомостям, до 20 сентября 1839 г. настоятельницей монастыря была Вальберга Казимирская, дворянка по происхождению. В 1844 г. она находилась под судом за растрату монастырских сумм и неблагонадежность к православию [8, л. 38]. С 20 сентября 1839 г. и до закрытия настоятельницей

монастыря являлась одна из сестер Мартусевич. В архивных документах путаница, в качестве настоятельницы монастыря фигурирует то Кляра (в 1842, 1843 гг.), то Екатерина, дворянки, дочери священнослужителя, подстриг приняли в Витебском Свято-Духовом монастыре в 1801 г., в нем же обучались «русской, польской, французской грамоте и приличным рукодельным работам». Точно можно утверждать, что 1 октября 1852 г. в игуменство была посвящена Екатерина [9, л. 17об. – 18; 10, л. 1].

Епархиальным начальством монастырь был определен в заштатные, на содержание настоятельницы и монахинь с 1 сентября 1842 г. выделялись 236 руб. в год из Полоцкого Спасо-Евфросиниевского монастыря, с 1 сентября 1844 г. – из Витебского Уездного Казначейства. В 1846 г. монастырю передали 43 десятины пахотной земли из казенного имения Билева. Имелся огород. Лугов, озер, мельницы и лесной дачи монастырь не получил. Из Казенных лесных дач монастырю на отопление келейных помещений и теплой церкви выделялось 25 кубических сажень дров ежегодно [9, л. 16–17].

В монастыре действовала одна главная церковь во имя Сошествия Святого Духа, однопрестольная, холодная, построенная в 1792 г. взамен ранее уничтоженной. Церковь каменная, покрыта гонтом, а купола – белой жестию длиной 9 ½ квадратных сажень, шириной 6 сажень и 1 аршин [9, л. 16]. В 1847–1848 гг. в ней проводились ремонтные работы на пожертвованные монастырю деньги. Отдельной колокольни не имелось, колокола помещались в левой боковой башне. В монастыре имелось каменное келейное 2-этажное здание, при входе в которое, с левой стороны, была устроена теплая церковь. К нему примыкал деревянный дом, в котором до 1839 г. размещалось училище для девиц [2, с. 250]. Помещения для настоятельницы и монахинь нуждались в ремонте. Деревянный амбар, экономические постройки ветхие. Отсутствовала собственная баня [11, л. 1–2].

В 1854 г. заштатный Витебский Свято-Духов монастырь из-за малочисленности насельниц (таблица 1) и запустения попал под протекцию Полоцкой Спасо-Евфросиниевской обители. В 1857 г. был упразднен, все его земли (42 дес. 1068 кв. саж. усадебной и 37 дес. 2350 кв. саж. пахотной) были переданы Полоцкому Спасо-Евфросиниевскому монастырю, в монастырских корпусах разместилась женская тюрьма. В 1872 г. тюрьме было предоставлено новое здание, а здания бывшего Свято-Духова монастыря были переданы под помещения женского училища духовного ведомства [4, с. 26].

Таблица 1. – Численность и состав монашествующих Витебского Свято-Духова монастыря

Состав	1842	1843	1844	1846	1847	1848	1853	1856	1857
Монахини	5	5	6	6	9	9	6	5	1
Послушницы	–	–	–	–	–	–	–	–	3
Рясоторные послушницы	–	–	–	–	–	–	2	1	–
Итого	5	5	6	6	9	9	8	6	3

Источник: [12, с. 169–170].

Витебский Марков монастырь является классическим примером первоклассного штатного мужского монастыря белорусских епархий второй трети XIX – начала XX века. Предположительно, основан Марков монастырь был в XIV – XV вв., расцвет его деятельности относится к XVII в. Уникальность Витебского Маркова монастыря заключается в том, что во все периоды своего существования он оставался православным, а в 1833 г. вошёл в состав Полоцкой епархии.

Согласно Клировым ведомостям на территории монастыря действовало 4 церкви. Самая первая храмовая постройка – Свято-Троицкая церковь. Построена в 1691 г. Львом Самуилом Огинским в принадлежащем ему имении Марково на месте часовни. Первоначально освящена игуменом Феофаном Ивановичем 31 мая 1691 г. В XIX в. церковь так и оставалась деревянной на каменном основании, покрытой гонтом. Крестообразная, пятиглавая, «по верхней главе обшита тесом». Вокруг церкви была устроена галерея на разных колоннах, покрытая гонтом и покрашенная. На главах поставлены решетчатые вызолоченные кресты [13, л. 1]. Церковь однопрестольная, во имя Святой Животворящей Троицы, 14 августа 1839 г. была вновь освещена, после «нового живописного расписания купола в алтаре и по возобновлению всего такого же расписания в самой церкви и других починок» [9, л. 21]. В 1873, 1885 гг. покрашена снаружи [14, л. 1; 15, л. 1]. В 1889–1891 гг. проводились масштабные ремонтные работы, обновлялся иконостас, стенная живопись, позолотили резьбу иконостаса, устроили два предела, с правой стороны – во имя Александра Невского, с левой – Святого Дмитрия Митрополита Ростовского Чудотворца [16, л. 399]. Хоры укрепили на подведенных столбах. С внешней стороны исправили кровлю, купола, галерею. Церковь и галерею покрыли железом. На средней главе были помещены звезды, все кресты вызолочены [13, л. 1об.]. В 1895 г. покрасили стены и крышу. Иконостас вызолотили, иконы вычистили [17, л. 1об.].

Покровская церковь, деревянная, была построена игуменом монастыря Каллистом (Дорофеевичем-Рыторайским) в 1651 г. В 1763 г. игуменом Иакинфом была перестроена в каменное строение. Церковь двухпрестольная, освящена в 1775 г. Холодный предел во имя Покрова Пресвятой Богородицы был вновь освящен 12 мая 1847 г. преосвященным Василием после «возобновления иконостаса позолотою из червонного золота и расписания сводов купола живописными изображениями. Теплый предел, во имя Святителя Митрофана Епископа Воронежского, был обновлен и освящен 2 ноября 1847 г.» [9, л. 21]. В 1868 г. вновь обновлялся и освящался преосвященным Саввой. В 1883 г. наружные стены и кровля храма и предела перекрашивались, железо на главах и решетки

в оконных переплетах заменялись новыми [13, л. 2]. В 1887 г. при настоятеле архимандрите Иоаннии церковь сделали теплой, построили две печи, сделали в окнах переплеты. На пожертвования благотворителей и монастырские суммы в 1890 г. провели ремонтные работы с обустройством двух пределов: с правой стороны – иконы Казанской Божьей матери, с левой – Митрофана Воронежского [18, л. 80]. В 1889–1890 гг. на личные средства архимандрита Илариона в размере 12 тыс. руб. в трапезной части переделали каменную кладку, покрыли железом, устроили, кроме главной, еще 4 главы. Внутри трапезной части послали деревянные полы, были сделаны потолки, хоры, лестница. Верхнюю часть трапезного здания приспособили для помещения ризницы и библиотеки. В 1892 г. на пожертвованные 600 руб. проводилась полная живописная реставрация стен церкви. В 1895 г. частично реставрировали роспись внутри храма, покрасили полы, сделали железные решетки в дверных фрамугах. В июле 1895 г. епископом Полоцким и Витебским Александром с южной стороны церкви был освящен предельный храм во имя Святого Апостола Марка [13, л. 2]. В 1898 г. исправили полы и покрасили масляной краской нижнюю часть стен. В 1901 г. промыли живопись, исправили полы, сделали изразцовую печь [19, л. 2].

Вне монастырской ограды находились два храма – Николаевская и Параскевиевская церкви.

Николаевская церковь, кладбищенская, деревянная, была построена в 1730 г. игуменом Мефодием Олешковичем. В 1848–1849 гг. по причине «совершенной ветхости» была перестроена с «покрытием купола и глав над ним железом, алтаря и притворов гонтом, обшита тесом, окрашена крыша, окна и двери вставлены, полы подмощены». Восстановили «гладь и резьбу иконостаса, живопись» В 1850 г. расписывал иконостас смоленский живописец Герасим Иванович Москалев. Деньги ему выдавались частями по мере работы, так как он должен был «временно воздерживаться от долговременного и чрезмерного употребления горячительных напитков, сопровождаемого бездейственным и продолжительным похмельем» [20, л. 2–3; 9, л. 21]. В 1853–56 гг. церковь была перестроена архимандритом Павлом [21, л. 35об.]. В 1878 г. наружные стены были выкрашены масляной краской. В 1882 г. гонтовая кровля на алтаре и притворе заменена на железную, в 1897 г. – окрашена [13, л. 3]. В 1901 г. реставрирована стенная и иконописная живопись, покрашены стены и крыша, исправлены деревянные части [19, л. 2].

Параскевиевская церковь, деревянная, построена в 1730 г. в монастырском фольварке Шидловщина (в двух верстах от монастыря), в 1810 г. при архимандрите Иосифе перестроена и исправлена. Однопрестольная, во имя Святой мученицы Параскевы, перестроена в 1841–1842 гг. архимандритом Павлом на каменном основании с папертью, с устройством нового иконостаса, расписанного Герасимом Ивановичем Москалевым [20, л. 1]. Освящена преосвященным Василием 25 октября 1842 г. [9, л. 21 – 22об.]. В 1889 г. на монастырские средства крыша и крылец, вместо гонта, были покрыты железом, внутри исправлена покраска потолка и стен. В 1898 внутри выкрашена масляной краской, исправлена железная крыша. Возобновлена покраска внешних стен [13, л. 3].

Вне ограды, на берегу Двины находилась деревянная, крытая толем с двумя окнами за железными решетками часовня Святого Николая Чудотворца. В 1895 г. она была перекрыта железом и покрашена [22, л. 4; 13, л. 4].

Кроме храмовых построек, в монастыре имелись колокольня, два каменных двухэтажных братских корпуса, ограда, кузница, баня, возовня, конюшня, сарай, хлебный амбар. Колокольня, крытая железом, располагалась над южной стороной монастырской ограды. Под ней находились ворота с выходом на берег Двины. Изначально была двухъярусная, с 1858 г. – трёхъярусная. В 1877–1878 гг. перекрашена, переделаны лестница и помосты с перемещением колоколов на верхний ярус [13, л. 3]. В 1877 г. в стоящем при колокольне каменном флигеле было организовано помещение госпиталя для больных и раненных воинов на 50 кроватей [14, л. 5]. В 1884 г. возобновлена на куполе краска и исправлена штукатурка. Колоколов 7 штук, 4 приобретены архимандритом Иоаникием на заводе Лаврова в Гатчине, взамен 3, ранее разбитых [13, л. 4].

В одном, из 2-х этажных корпусов, каменном, покрытом железом, проживал настоятель и некоторые из братии. В здании было обустроено 14 комнат, хлебня, кухня и трапеза. В 1876 г. проводились ремонтные работы, была выкрашена столовая и комнаты настоятеля. Рядом находился каменный сарай для дров, ледника, хозяйственных надлежностей [23, л. 144 – 415]. Второй братский корпус был построен архимандритом Иоаникеем в 1887 г. на месте каменного сарая, 20 сажень длинной [17, л. 6об.]. В нижнем каменном этаже проживали братия и наемные служащие, в верхнем, деревянном, находилась монастырская церковно-приходская школа и были устроены номера для посетителей, но в них располагался учитель с прислугой и личные вещи находящегося в больнице на излечении архимандрита Геронтия, бывшего настоятеля Вербилковского монастыря. К корпусу примыкал каменный сарай для экипажа [13, л. 5об, 17–22].

В монастыре имелся каменный флигель со столярной мастерской, деревянный дом с 4 комнатами, два каменных сарая на экономдворе: в одном – конюшня, в другом – кладовая для ссыпки хлеба. Монастырский сад насчитывал 60 деревьев [13, л. 5об. – 6]. В монастыре не имелось помещений для богомольцев, лишь в ноябре 1916 г. была устроена гостиница [24, л. 762].

После секуляризации церковных земель и введении штатов для приходов и монастырей в 1841 г. монастырь передал в Палату государственного имущества земли в г. Витебске, деревнях Слободка, Плетино, Гаевщина, Шидловщина – 547 десятин, леса – 124 десятины [25, л. 2–4]. В 1830-е гг. монастырю принадлежало 143 крестьянина мужского пола, 145 женского. Доход от угодий получал около 6 тыс. руб. в год [23, л. 92]. Имелся паровой винокурный завод, деревянный на каменном основании, построенный в 1838 г. в монастырской ограде в 28 саженях от монастырского здания, в аренде у частных лиц за 1661 рубль 81 коп. Трактир в деревне Слободка в аренде за 900–1500 руб. в год. Земли в городе под строениями 1418 ½ кв. саж. [23, л. 134–135]. Монастырь имел черепичный и кирпичный заводы [3, с. 61].

Взамен, монастырь получал от государственной казны земельные и лесные угодья в размере 300 дес., а также мельницу и озеро [26, с. 279]. Процесс выделения земельных угодий растянулся на годы. Архиепископ Полоцкий и Витебский писал, что все мужские монастыри епархии страдают недостатком средств к поддержанию монастырских зданий, а хозяйство, при теперешней дороговизне рабочих, не приносит монастырям никакой пользы [27, с. 241]. Маркову монастырю на участок леса в урочище Юрковщина и Нечаи до 1853 г. так и не были выделены планы и межевые книги. Переданное в 1844 г. Кошанское (Кошо) озеро было малоприспособлено к рыбной ловле. Мельница Прудок сгорела и монастырь должен был взять 2 тыс. руб. серебром у частных лиц в долг для ее перестройки. Она была перестроена каменной, с двумя платинами и деревянной сукновальнею [9, л. 22]. Однако, по донесению благочинного и настоятеля монастыря Илариона за 1891 г., «содержание Витебского Свято-Троицкого монастыря лучше всех в епархии». Штатный оклад ежегодно составлял 4085 руб., за аренду имущества получали 1790 руб. в год, за продажу молока и других предметов в фольварке Шидловщина – 250 руб. Проценты от капитала в государственных билетах шли в пользу монастыря и братии. Свечной, кошелевой, кружечный доход достигал 750 руб. За молебны, панихиды (братский доход) получали до 600 руб. [16, л. 348–400].

К началу XX в. доходы монастыря увеличились и были значительно выше, чем у других монастырей Полоцкой епархии. Часть земли находилась в аренде. Например, местечко Шидловщина (50 дес. земли) было у витебского мещанина Филиппа Святогора за 600 руб., в Нечаях (45 дес.) – витебских мещан Мишурного и Расторгуева за 450 руб., Юрковщина и Болотниковщина (59 дес.) – за 250 руб. Земли под зданиями в Витебске (650 саж) сдавались за 128 руб. в г., а остальное монастырское подворье – за 900 руб. в год. Два кирпичных завода (м. Юрковщина) арендовали за 770 руб. в год, озеро Кошо – за 500 руб., мельницу – за 1000 руб., луг (60 дес.) – 160 руб. [22, л. 5–5 об.]. К 1901 г. земли при монастыре, в Шидловщине и Гаевщине, в Нечаях, Юрковщине, Болотниковском лугу, г. Витебске и под озером Кошо с усадьбой Прудок и лугом Бураково составили совокупно 958 дес. 241 саж. [28, л. 2–3]. В 1915 г. доход от земли, сданной в аренду, составлял до 4000 руб. в год. Денежных средств в кредитных учреждениях монастырь имел 42 542 руб. 50 коп. [29, л. 1 об. – 2 об.].

По штату 1842 г. в первоклассном необщежительном монастыре на жалование настоятелю выделялось 500 руб., наместнику – 120, иеромонаху – 40, иеродьякону – 35, монаху – 25, послушнику – 25 руб. За исполнение должности – дополнительно от 20 до 30 руб. Ежегодно Маркову монастырю на 22 человека выделяли 1395 руб. Этих средств не хватало для комфортного проживания, настоятель монастыря просил из экономической суммы выделять дополнительно 600 руб., т.к. от оброчных статей монастырь получал ежегодный доход более 5300 руб. [30, л. 1–7]. Витебское губернское казначейство выделяло деньги на содержание монастыря по полугодиям. Например, в 1901–1902 гг. сумма на полгода составила 2042 руб. 50 коп., из них на жалование настоятеля и братии – 697 руб. 50 коп., пищу – 375 руб., церковные потребности (ремонт, ризница) – 170 руб., отопление, освещение, прислугу, экипаж – 700 руб., письмоводство – 100 руб. [31, л. 5об. – 10]. Прислугу в монастыре нанимали на определенные виды работ. Например, за мытье белья мещанке Виктории Рамоть в декабре 1902 г. платили 9 руб., за очистку сортиров и помойки крестьянину Петру Иванову – 2 рубля, дворнику крестьянину Иосифу Политыко – 10 руб. за три месяца, крестьянке Ксении Рогожинской за мытье полов в школе и коридорах – 80 коп. [32, л. 1, 4об.].

В характере комплектования братии Витебского Свято-Троицкого Маркова монастыря можно выявить все тенденции, присущие мужским монастырям в данный период (таблица 2). В первую очередь, это малочисленность, в сравнении с женскими монастырями. В аналогичном по статусу Полоцком Спасо-Евфросиниевском женском монастыре, количество монахинь и послушниц было больше почти в 10 раз. Кроме того, в 40 – 60-е годы значительную долю насельников монастыря, иногда до 10 человек, составляли запрещенные или состоящие на епитимии священники и дьяконы, некоторые из них женатые, жившие в монастыре много лет без семьи [27, с. 177, 281]. Причины их помещения в монастырь – нетрезвость, грубость, бродяжничество, нескромность, упрямство в принятии православия [23, л. 177–178]. Архиепископ и настоятели монастыря просили Св. Синод не присылать на исправление приходских священников за пьянство, так как они нарушали порядок в монастыре, просили их отправлять под начало местных благочинных [27, с. 241]. Все монахи, проживающие в монастыре, были переведены из других епархий, из местных – только послушники. Епископ Полоцкий и Витебский Маркелл сообщал, что в 1888 г. не поступило ни одного заявления о желании принять монашество [27, с. 409], в 1894 г. епископ Антоний пишет «подобное явление может быть объясненное как трудностью монашеской жизни, сопряженной с разного рода лишениями, так и упадком духа подвижничества» [27, с. 459].

Таблица 2. – Численность и состав монашествующих Витебского Свято-Троицкого Маркова монастыря

Год	Монахи (иеромонахи, иеродьяконы)	Вдовы и заштатные священники, дьяконы	Послушники	Итого
1	2	3	4	5
1841	6	2	2	10
1843	6	3	2	11
1844	7	2	2	11
1845	7	3	2	12
1846	6	2	2	10
1848	8		1	9

Окончание таблицы 2.

1	2	3	4	5
1849	7	4	–	11
1850	7	4	–	11
1851	9	1	2	12
1853	8	2	–	10
1856	5	3	–	8
1857	6	3	4	13
1858	4	5	4	13
1859	4	3	4	11
1863	6	1	9	16
1869	8	2	10	20
1872	7	1	4	12
1877	7	–	7	14
1880	9	–	6	15
1881	11	–	9	20
1883	11	–	10	21
1884	11	–	8	19
1885	9	1	9	19
1887	12	1	9	22
1888	6	–	15	21
1891	10	–	15	25
1892	10	1	17	28
1894	11	–	12	23
1895	11	–	12	23
1898	10	1	10	21
1899	9	1	10	20
1900	11	–	13	24
1901	11	–	14	25
1903	9	–	16	25
1904	11	–	17	28
1905	12	–	15	27
1906	13	–	14	27
1907	11	–	17	28
1909	9	–	13	22
1910	11	–	17	28
1911	12	–	20	32
1912	16/1 схимонах	–	22	38
1913	13	–	21	34
1915	14	–	20	34
1916	16	–	16	32

Источник: [12, с. 164–165].

Для поддержания статуса, контроля и организации деятельности монастыря на должном уровне, на настоятельские должности Св.Синод назначал высокообразованных, нравственных, ответственных архимандритов из центральных российских епархий, которые должны были являться образцом для всей мужской монастырской братии (таблица 3). Настоятели монастыря выполняли функции благочинных монастырей Полоцкой епархии, являлись членами Полоцкой духовной консистории, епархиального попечительства о бедных духовного звания [33, л. 5об. – 6; 34, л. 1; 35, л. 1].

Таблица 3. – Настоятели Витебского Свято-Троицкого Маркова монастыря

Настоятель	Годы настоятельства
Павел (Чичкевич)	25 января 1832 – 1 марта 1861
Анатолий (Станкевич)	4 апреля 1861 – 1867
Полиевкт (Пясковский)	1867–1873
Аркадий (Филонов)	16 января 1873 – 1885
Иоанникий (Казанский)	3 декабря 1885 – 1888
Временно исполняющий обязанности, наместник монастыря Иезекиил	9 июля 1890 – 15 декабря 1890 18 мая 1894 – 6 июля 1894
Иларион (Иван Гаврилович Вьюшков)	5–9 апреля 1888 – 1 июня 1894
Виталий (Василий Андреевич Федорченко)	6 июля 1894 – 19 февраля 1903
Игнатий	12 марта 1903 – 1904
Герман	1904 – 23 июля 1905
Пантелеимон (Павел Степанович Рожновский)	29 сентября 1905 – 1912
Порфирий (Петр Федорович Рогозинский)	30 мая 1913 – 1920

Послужные списки, клировые ведомости содержат биографические справки настоятелей монастыря. Так, Павел (Чичкевич) управлял монастырем почти 30 лет, имел множество наград. Орден Святой Анны 3-й степени он получил за то, что «присоединил из бывшей унии в православие в 1833 году 4000 душ, в 1834 году – 221 душу». За усердную службу и «сохранение казенного имущества во время пожара в г. Полоцке, получил благословление Св. Синода 31 декабря 1837 года» [9, л. 22–23]. Архимандрит, профессор богословия, магистр Анатолий (Станкевич) являлся ректором Полоцкой Духовной Семинарии. Окончил Санкт-Петербургскую духовную Академию [36, л. 3–5]. Архимандрит Иоанникий (Казанский) был в 1882–1885 гг. ректором Донской и Смоленской духовных семинарий [15, л. боб. – 12]. Архимандрит Аркадий (Филонов) с 1855 по 1863 гг. был смотрителем и учителем Рославльского духовного училища, настоятелем Рославльского Спасопреображенского монастыря. С 1863 по 1867 гг. инспектором и ректором Владимирской семинарии. В 1869–1873 гг. был настоятелем Белевского Преображенского 3-классного монастыря, в 1885 г. был хиротонирован в епископы Муромские [37, л. 1–9; 15, л. 13]. Архимандрит Иларион с 1857 г. был настоятелем Юрьевского Архангельского монастыря Владимирской епархии, Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря, директором Суздальского тюремного отделения. С 1867 по 1888 гг. был настоятелем ставропигиального Ростовского Спасо-Яковлевского Димитриева монастыря. Перемещён и назначен настоятелем Маркова монастыря, т.к. в Ярославской епархии учредили викариатство, и викарий должен был находиться в ростовском монастыре с правом настоятеля. Являлся меценатом, пожертвовал 7000 руб. на возобновление и украшение церковных зданий в Суздальском монастыре, открыл и устроил церковно-приходскую школу при Ростовском монастыре. Приглашал благотворителей и лично пожертвовал Маркову монастырю. В 1893 г. архимандрит Иларион был награжден золотым наперстным крестом за усердную и полезную 50-летнюю службу и труды по благоустройству обители с пожертвованием на её нужды свыше 12 тыс. руб. из собственных средств [38, л. 1об. – 41; 39, л. 15].

Заключение. Таким образом, в территориальных границах города Витебска до 1857 г. действовало два монастыря. Из-за малочисленности и неблагонадежности насельниц, запустения, отсутствия должного финансирования Витебский Свято-Духов женский монастырь был закрыт. Витебский Марков монастырь, имея проблемы, характерные для всех мужских монастырей белорусских епархий, выполнял возложенные на него функции и осуществлял духовную, хозяйственную, воспитательную деятельность, в первую очередь, благодаря настоятелям монастыря. Малочисленность монахов, нахождение запрещенных и состоящих на епитимьи священников и дьяконов отрицательно влияло на организацию внутренней монастырской жизни, доставляло настоятелям и епархиальному начальству множество проблем, что в совокупности тормозило активное развитие монастыря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Свято-Троицкий Марков монастырь в городе Витебске. – СПб.: Витебский Марков монастырь, 1911. – 34 с.
2. Говорский К.А. Историческое описание Полоцкой епархии и всех монастырей, в сей епархии находящихся. – СПб. ; Минск: МедиаЛ, 2025. – 344 с. (Историко-статистические описания епархий Русской Православной Церкви).
3. Сергий, иеромонах. Описание Маркова монастыря // Памятная книжка Витебской губернии на 1865 год. – 1865. – Ч. 1. – Отд. исторический. – С. 3–75.
4. Лебедев Г.П. Витебский Свято-Духов женский монастырь, его история и перспектива воссоздания. – Витебск, 1998. – 30 с.
5. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 8052.
6. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 436.
7. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 63.
8. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 130.
9. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 377.
10. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 29.
11. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 447.
12. Борун Е.Н. Православные монастыри на территории Беларуси: правовой статус и социально-культурная деятельность (1839–1977 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина. – Минск, 2015. – 202 л.
13. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 551.
14. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 367.
15. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 441.
16. НИАБ. – Ф. 2531. Оп. 1. Д. 64.
17. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 491.
18. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 522.
19. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 921.
20. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 90.
21. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 637.
22. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 580.
23. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 52.
24. 5 ноября, преосвященный Кирион // Полоц. епарх. ведом. – 1916. – № 49–50. – С. 762.
25. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 102.
26. Свод законов межевых. – Кн. 2: Устав о производстве межевания. Разд. 3. Особенные правила генерального межевания. Гл. 2. О намежевании земель к домам архиерейским, к монастырям и приход. церквям // Свод законов Российской империи / Сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценберг. – Т. 10. – Ч. 2. – № 346–371. – С. 279–283.
27. Полоцкая епархия (1833–1917): документы говорят / сост. В.А. Теплова, О. Алекаев. – Минск: МедиаЛ, 2020. – 686 с.

28. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 899.
29. НИАБ. – Ф. 2694. Оп. 1. Д. 665.
30. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 599.
31. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 900.
32. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 924.
33. НИАБ. – Ф. 2531. Оп. 1. Д. 30.
34. НИАБ. – Ф. 2617. Оп. 1. Д. 820.
35. НИАБ. – Ф. 2617. Оп. 1. Д. 833.
36. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 280.
37. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 337.
38. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 459.
39. НИАБ. – Ф. 2548. Оп. 1. Д. 726.

Поступила 12.03.2026

**ORTHODOX MONASTERIES OF THE CITY OF VITEBSK: FUNCTIONING,
ECONOMIC ACTIVITY AND STRUCTURE
(SECOND THIRD OF THE 19th – EARLY 20th CENTURIES)**

A. BARUN

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

This article presents historical information about the Orthodox monasteries of Vitebsk, operating in the second third of the 19th and early 20th centuries. Differences between the monasteries are identified based on their requirements, their importance to the diocese, and their staffing affiliations. An analysis of their economic activities before and after the implementation of the state policy of secularization of church lands and the introduction of staffing is provided. An overview of monastic complexes is presented: church buildings, cell buildings, and economic structures. Factors influencing the formation of the monastic community and the organization of monastic life are identified. Examples of appointments to vacant abbot positions in monasteries are considered. Biographical information about the abbots is presented and their importance in organizing the spiritual and economic life of the monastery is revealed.

Keywords: *monastery, Orthodoxy, diocese, temple, archimandrite, abbot, abbess, monk, novice.*

УДК 930.1(47):"18/19" (Н.Н. Любович)

DOI 10.52928/2070-1608-2026-79-3-47-50

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ ОЦЕНКА СОЧИНЕНИЙ
МАРНИКСА ДЕ СЕНТ-АЛЬДЕГОНДА В РАБОТЕ Н.Н. ЛЮБОВИЧА

Е.Н. КОТУСЕВ

(Гродненский государственный университет имени Янки Купалы)

В статье представлена оценка личности и деятельности одного из основных персонажей нидерландской революции Филиппа ван Марникса де Сент-Альдегонда в монографии российского историка Николая Николаевича Любовича «Марникс де Сент-Альдегонд как политический писатель». За время революции Марникс стал автором ряда произведений, которые Н.Н. Любович определил как программные документы. Это было первое научное исследование Н.Н. Любовича и одно из первых по данной тематике в тогдашней российской историографии. Во введении дается обзор причин и особенностей создания работы как дипломного исследования Н.Н. Любовича. Был определен круг источников и историографии. В основной части рассмотрены задачи и результаты исследования Н.Н. Любовича. Выделяется применение ученым тезиса о первенстве социально-экономических и политических факторов как процессов, влияющих на причины и ход нидерландской революции. В изучении научного наследия Н.Н. Любовича это первый опыт историографического исследования заявленной тематики.

Ключевые слова: Н.Н. Любович, Нидерланды, Испания, кальвинизм, католичество, «Компромисс», историография.

Введение. Сочинения Филиппа ван Марникса де Сент-Альдегонда (1538–1598), одного из идеологов Нидерландской революции, неоднократно становились объектом историографического анализа в мировой историографии. Российский историк Николай Николаевич Любович (1855–1933) в своей дипломной работе, имеющей научно-исследовательский характер, дал оценку влиянию сочинений М. де Сент-Альдегонда (далее – Марникса) на развитие национально-освободительного движения в Габсбургских Нидерландах во второй половине XVI в.

Новизна данного исследования заключается в обращении к историографической оценке Н.Н. Любовича сочинений Марникса, которая до настоящего времени оставалась вне поля внимания исследователей. Следует отметить, что если вклад Н.Н. Любовича в изучение Реформации в Польше [1], а также проблематики отношений германского мира и славянства в XIII–XVI вв. [2; 3] неоднократно становился предметом научного анализа, то его интерпретации Нидерландской революции фактически не рассматривались в историографической литературе. Актуальность статьи также объясняется поворотным характером исследуемой Н.Н. Любовичем эпохи: одного из переходных этапов в истории Западной Европы, т.е. нидерландской революции. В настоящее время в русскоязычной историографии эта тематика недостаточно изучена и преобладает советская марксистская модель этого явления.

Н.Н. Любович в период обучения в Императорском университете святого Владимира (Киев) в 1877 г. подготовил дипломную работу «Марникс де Сент-Альдегонд как политический писатель» [4]. Данное исследование является одним из первых оригинальных исследований, посвященных событиям революции в Нидерландах, и единственным, посвященным идеологическим аспектам данных событий. За проделанную работу Н.Н. Любович был награжден золотой медалью, а труд был опубликован как самостоятельное издание. В дальнейшем данная работа Н.Н. Любовича редко упоминалась в профильной литературе по проблемам революции в Нидерландах. О ней писали специалисты, изучавшие жизненный путь и творческое наследие Н.Н. Любовича: Н.А. Казарова [5], Ю.Ф. Иванов [6]. Среди специалистов по истории Нидерландов исследование упоминает О.Б. Демин [7] в диссертации «Англо-нидерландские отношения второй половины XVI – начала XVII века».

Дипломная работа Н.Н. Любовича является результатом многолетнего сотрудничества с научным руководителем – Иваном Васильевичем Лучицким. Приверженность к позитивистской методологии и независимость взглядов выделяла И.В. Лучицкого среди коллег по факультету. В 1870-е гг. И.В. Лучицкий обратил внимание на реформационные процессы и конфессиональные конфликты во Франции XVI в. В ходе их изучения И.В. Лучицкий предложил тезис о прямой связи между социально-экономическими процессами и конфессиональными конфликтами во Франции. Во время работы с документами и публикациями И.В. Лучицкий показал связь между религиозными войнами во Франции и борьбой за независимость Нидерландов от Испании [6, с. 82–83].

В 1875 г. от историко-филологического факультета Императорского университета святого Владимира на соискание золотой медали университета была предложена тема для дипломной работы «Марникс де Сент-Альдегонд (1538–1598) как политический писатель» [8, с. 32]. В рецензии [9, с. 55] И.В. Лучицкий объяснял выбор предмета исследования ролью Марникса де Сент-Альдегонда (1538–1598), дворянина из Нидерландов, кальвиниста, активного участника борьбы за независимость Нидерландов. В работе исследователь оценивал ситуацию следующим образом: «О Марниксе как политическом писателе, не было в литературе ни одного специального исследования, многие из его сочинений не были разобраны...» [4, с. 2].

Результат своих исследований Н.Н. Любович предоставил в 1876 г. Объем дипломной работы составил сто семьдесят восемь страниц. Н.Н. Любович изучил большой объем иностранной литературы нидерландских, немецких, французских и американских авторов. Опираясь на работы Якоба Вагенара, Фридриха Шиллера, он провел реконструкцию общественно-политических процессов в Нидерландах XVI в. [4, с. 2]. Изучая работы Ж. Борнье, Ф. Гольцвара, Т. Жюста, Э. Кине, Н.Н. Любович восстановил последовательность событий жизни Марникса и определил круг его литературного наследия [4, с. 4]. До труда Н.Н. Любовича в России были опубликованы две работы по истории революции: труд П.Н. Кудрявцева об осаде Лейдена (1855) [10] и перевод на русский язык многотомного

издания Дж. Л. Мотля (1856) [11]. Однако внимание к фигуре Марникса в них было минимальным. И.В. Лучицкий первым в российской исторической науке выдвинул тезис об отдельных социальных группах как факторах исторических событий. Н.Н. Любович опирался на эти идеи, выдвигая приоритет социально-экономических факторов в причинах Нидерландской революции. Н.А. Казарова подчёркивает важность выводов Н.Н. Любовича, отмечая, что его работа стала первым русским исследованием, в котором религиозная борьба в Нидерландах показана как форма социально-политической борьбы [5, с. 143]. На уникальность работы обратили внимание также В.П. Бузескул [12] и Ю.Ф. Иванов [6]. В ранней советской историографии [13] тезисы Любовича о социально-экономических причинах революции использовались, однако само исследование почти не упоминалось. Единственное упоминание встречается в диссертации О.Б. Демина (1984) [7]. Таким образом, настоящее исследование является первым опытом историографического анализа заявленной тематики в контексте научного наследия Н.Н. Любовича.

Цель работы – анализ историографической оценки сочинений Марникса де Сент-Альдегонда, предложенной Н.Н. Любовичем, и её значение для формирования российской историографической традиции изучения Нидерландской революции. Объектом исследования является российская историография буржуазной революции в Нидерландах, предметом – историографическая оценка в работе Н.Н. Любовича.

Теоретико-методологическая база статьи основывается на принципах историзма, объективности и ценностного подхода. Автор использовал специально-исторические методы: историко-типологический, историко-системный, историко-генетический, историко-сравнительный, ретроспективный и перспективный анализ.

Основная часть. Н.Н. Любович начинает работу с анализа социально-экономических и общественно-политических условий формирования личности Филиппа ван Марникса де Сент-Альдегонда. Особое внимание уделяет его обучению в Швейцарии и влиянию идей Жана Кальвина. Историк подчёркивает, что основные положения кальвинизма – отделение светской власти от духовной, культ труда и аскезы – стали привлекательной альтернативой католической традиции для населения Нидерландов. «Женева стала центром кальвинистской пропаганды. Современники называли ее протестантским Римом» [4, с. 10]. Во второй главе автор рассматривает предпосылки Нидерландской революции и события, положившие начало борьбе за независимость. Центральное место занимает «Компромисс» 1566 г. – коллективное обращение дворянства к испанской наместнице с требованием прекратить деятельность инквизиции. Н.Н. Любович подробно анализирует документ, приводит его текст и аргументирует авторство Марникса, называя «Компромисс» истинным началом конфедерации нидерландского дворянства. В оценке Н.Н. Любовича «“Компромисс” соединял весь народ для общей деятельности. Его именно и надо рассматривать как истинное начало конфедерации» [4, с. 23]. Третья–пятая главы посвящены идеологическому противостоянию протестантов и католической Испании, политической и военной деятельности Марникса. Автор показывает, как Марникс, будучи проводником идей Вильгельма Оранского, дипломатом и публицистом, поддерживал боевой дух нидерландцев. Особо отмечается влияние его пленения испанцами на эволюцию взглядов. Н.Н. Любович анализирует дипломатическую переписку Марникса с Англией и Испанией, а также постепенное ужесточение позиций сторон. Кульминацией становится требование полной независимости Нидерландов, обоснованное историческими, конфессиональными и экономическими аргументами. «Свобода Нидерландов, к которой стремились принц Оранский и Марникс в продолжении 20 лет... скоро должна была восторжествовать» [4, с. 71]. В шестой главе Н.Н. Любович возвращается к анализу политических идей XVI века. Он сравнивает концепции кальвинистов и католических мыслителей, подчёркивая коренные изменения в восприятии светской власти и источников её легитимности. Исследователь отмечает близость некоторых католических богословов к реформационным идеям и новаторский, демократический характер политической литературы того времени. Исследователь поднимает вопрос о свободе совести: «Дух свободы и человечности, пронизавший в XVI в. всю сферу светских отношений, не имел, однако, доступа в область религиозную...» [4, с. 163].

В результате, Н.Н. Любович последовательно раскрывает влияние Марникса на общественно-политическую ситуацию в Нидерландах, анализируя его ключевые сочинения, в том числе «Компромисс», и доказывая приоритет социально-экономических факторов в революции. Сильной стороной работы стало представление Марникса как главного идеолога движения, чьи публицистические труды оказались эффективнее практической деятельности. Н.Н. Любович отмечает коренные изменения не только в среде сторонников реформации, но и католических интеллектуальных кругах Нидерландов. При этом отмечается близость католических богословов к сторонникам реформации, чем к своим предшественникам. По мнению Н.Н. Любовича, «самые важные сочинения Марникса появились в то же время, когда у католиков зарождалась политическая литература, также с демократическим характером...» [4, с. 167]. В главах 2–5 своей работы исследователь обосновывает влияние Ф. ван Марникса де Сент-Альдегонда на общественно-политическую ситуацию в Нидерландах, рассматривает контраргументы, связанные с авторством и составлением «Компромисса», анализирует деятельность и публикации Испанского королевского двора, а также позицию сторонников католической церкви, которым противостоял Марникс. Главы 1 и 6 имеют самостоятельный характер, поскольку посвящены изучению трудов единомышленников и оппонентов Марникса. В последней главе Н.Н. Любович реконструирует общественную мысль исследуемого периода и подчёркивает новаторский характер и радикальную направленность политических идей XVI века, прослеживая их влияние на интеллектуальную среду XIX столетия.

Н.Н. Любович анализировал ситуацию в Нидерландах, действия Марникса, конкретные публикации и их влияние на население. Исследователь отмечал реакцию общественности, которая являлась адресатом публикаций Марникса на различную тематику. Н.Н. Любович делал сравнения политических воззрений сторонников католической церкви и кальвинизма, испанского королевского двора и независимости Нидерландов. Он стремился подробно реконструировать условия написания программного документа участников борьбы за независимость Нидерландов «Компромисс», чтобы доказать авторство Марникса.

Сильной стороной исследования Н.Н. Любовича оказалось выполнение задачи по раскрытию влияния человека на события в стране. Н.Н. Любович в своей работе ставил задачу оценить возможности человеческой личности оказывать влияние на исторический процесс. Исходя из этого, он стремился определить влияние публикаций Марникса на ход событий революции. Н.Н. Любович представил Марникса как главного идеолога борьбы за независимость Нидерландов, агитационные и религиозные материалы которого оказались более эффективными, чем его практическая деятельность на политическом и военном поле. Однако тезис о решающем вкладе отдельного человека в развитие национально-освободительного движения оказался некорректным. Учитывая временные рамки борьбы за независимость Нидерландов, которая длилась с 1566 г. до полного признания со стороны Испанской короны в 1648 г., можно констатировать, что на пути к достижению этой цели сменилось не одно поколение, многие участники движения пожертвовали своей жизнью и жизнями родных и близких ради неё.

Благодаря научному руководителю И.В. Лучицкому Н.Н. Любович освоил методы позитивистского подхода в историческом исследовании. В ходе подготовки своей научной работы Н.Н. Любович не имел возможности работать с оригиналами документов, однако провел тщательный анализ работ коллег из Нидерландов, Франции и Германии и познакомился с публикациями источниковых материалов XVI в.

Среди недостатков работы выделяют ограничения, вызванные темой исследования. В ходе знакомства с работой формируется образ Марникса как ключевого действующего лица революции, благодаря решениям и действиям которого Нидерланды получили независимость. Знакомство с трудами других авторов показывает степень субъективности подобного суждения. И.В. Лучицкий в рецензии отмечает влияние данного искажения на характер работы, указывает на отсутствие описания отдельных событий, неравномерность повествования, пристрастное внимание автора на ситуации, в которых действовал Марникс. Тем не менее, Н.Н. Любович для создания дипломной работы ознакомился самостоятельно с литературой на голландском, немецком, французском и английском языках, в том числе изучил многолетние публикации архивов данных стран и сумел подготовить в необходимые сроки результаты работы.

Молодой ученый был одним из первых исследователей истории Нидерландов в Российской империи, кто познакомил русскоязычное научное сообщество с дискуссией по истории обретения Нидерландами независимости, основными тенденциями в передовых исследованиях Франции, Бельгии, Нидерландов, Германии. К сожалению, данное направление в дальнейшем оказалось слабо востребованным. В Российской империи консервативный и славянофильский консенсус не привлекал большого числа исследователей к истории Западной Европы в целом. В СССР данная проблема изучалась только как инструмент подтверждения тезиса марксистско-ленинской методологии о борьбе классов трудящихся с эксплуататорами, и чередования формаций от феодализма к капитализму [13, с. 45]. Интерес к этой работе Н.Н. Любовича был ограничен изучением его научного наследия в историографии [14, с. 64].

Результаты проведенной Н.Н. Любовичем работы удовлетворили совет факультета и научного руководителя И.В. Лучицкого. Ключевыми критериями данной оценки являлись способность специалиста работать с источниками на разных иностранных языках, проводить критический анализ и сравнивать текст источников, применять известные на тот момент методы исследования для определения достоверности событий и т.д. [8, с. 19]. Н.Н. Любовичу, будучи студентом, приходилось провести анализ значительного объема литературы на разных языках и охарактеризовать общественную и политическую деятельность лица, практически не упоминаемого в литературе. И.В. Лучицкий был известен своими строгими требованиями в отношении к студентам, что еще раз подчеркивало уникальность работы Н.Н. Любовича. Результаты Н.Н. Любовича были вознаграждены медалью университета за 1876 г., а в 1877 г. работа была опубликована отдельным изданием. Значимость и роль работы для своего времени емко определил научный руководитель Н.Н. Любовича И.В. Лучицкий. В рецензии на дипломное исследование Н.Н. Любовича он отмечал его уникальность и оригинальность: «Его сочинение представляет научную работу, веденную самостоятельно и с талантом» [8, с. 54]. Как недостаток И.В. Лучицкий отмечает слабую связь действий, характеризующих работу, с ключевыми событиями борьбы Нидерландов за независимость, что не относилось к задачам работы [5, с. 20].

Традиционно Н.Н. Любович воспринимается как исследователь-позитивист, который скрупулезно изучал источники и интерпретировал их факты. Здесь же Н.Н. Любович скорее стремился изобразить самого Марникса и его наследие как результат деятельности человека, который участвует в событиях революции: его внутренний мир, помыслы, идеалы и переживания. Но достичь такого уровня исследовательской работы даже в наше время по данной проблеме проще специалистам из Бельгии или Нидерландов. Тем не менее, это еще раз подтверждает высокий уровень ученого [1, с. 60].

Методы и оценочные подходы, примененные впервые Н.Н. Любовичем в данном труде, не раз проявятся и в последующих трудах. В том числе благодаря им, мы можем говорить о равнозначности российской исторической науки, как и немецкой, итальянской или французской. И хотя она не стала вехой в изучении истории Нидерландской революции, она стала прообразом для дальнейших исследований Н.Н. Любовича. В данной работе Н.Н. Любович впервые применил нарративы и приемы, которые в дальнейшем будут характерны для работ, посвященных реформационным и контрреформационным процессам в Польше. Он впервые выдвигает тезис о применении конфессиональных, религиозных мотивов как инструмента общественно-политической борьбы, проводит последовательный обзор событий, произошедших в рамках Нидерландской революции.

Заключение. Таким образом, в своей дипломной работе Н.Н. Любович попытался познакомить российскую историческую общественность с именем и заслугами видного деятеля нидерландской революции, дипломата и публициста Филиппа ван Марникса де Сент-Альдегонда. Он стремился продемонстрировать его жизнь и деятельность сквозь призму личной общественно-политической эволюции и участия в Нидерландской революции. Благодаря приобретённым за время обучения навыкам, скрупулезному изучению многих источников на других языках, позитивистской методологии, освоенной в сотрудничестве с И.В. Лучицким, Н.Н. Любовичу удалось

реализовать задуманное. Основные достоинства работы ученого заключались в представлении социально-экономического подтекста в качестве основной причины нидерландской буржуазной революции, подробном знакомстве для тогдашнего российского читателя с событиями Реформации и войны за независимость Нидерландов. Эти тезисы были приняты в ранней советской историографии истории буржуазной революции в Нидерландах. К тому же на протяжении многих лет этот труд был единственным оригинальным исследованием на русском языке по данной проблеме. Все это позволяет говорить о данной работе, как о важном источнике информации для русскоязычных специалистов по истории Нидерландов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kruczkowski T., Kotusiew E. Реформация в Польше и ВКЛ в оценке русской историографии второй половины XIX – начала XX вв. (на примере оценочных подходов Н.Н. Любовича, П.Н. Жуковича и Н.И. Кареева) // *Zeszyty naukowe Ostrołęckiego towarzystwa naukowego*. – Ostrołęka, 2020. – XXXIV. – S. 119–138.
2. Котусев Е.Н. Проблематика отношений германского мира и славянства в XIII–XVI вв. в творчестве Н.Н. Любовича // *Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки»*. – 2020. – Вып. 8. – С. 37–50.
3. Котусев Е.Н. Фундаментальные идеи российской исторической полонистики и их преломление в творчестве Н.Н. Любовича // *Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки»*. – 2021. – Вып. 9–10. – С. 30–44.
4. Любович Н.Н. Марникс де Сент-Альдегонд как политический писатель. – Киев: Универ. тип., 1877. – 178 с.
5. Казарова Н.А. Историк Н.Н. Любович (к 160 летию со дня рождения) // *Киберленинка*. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istorik-n-n-lyubovich-k-160-letiyu-so-dnya-rozhdeniya> (дата обращения: 19.07.2025).
6. Иванов Ю.Ф. Научная деятельность Н.Н. Любовича // *Советское славяноведение*. – 1980. – № 4. – С. 82–93.
7. Демин О.Б. Англо-нидерландские отношения второй половины XVI–XVII вв. (на английских материалах): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03 / Ин-т всеобщей истории АН СССР. – М., 1984. – 212 л.
8. Протоколы заседаний университета св. Владимира // *Университетские известия*. Киев. – 1875. – № 1. – С. 1–22.
9. Лучицкий И.В. Рецензия на кн. Любовича Н.Н. // *Университетские известия*. Киев. – 1877. – № 4. – С. 53–60.
10. Кудрявцев П.Н. Осада Лейдена. – М.: изд. М.Н. Каткова, 1855. – 116 с.
11. Мотлей Д.Л. История Нидерландской Революции и Основание Республики Соединенных Провинций: в 3 т. – СПб: Яковлев, 1865. – Т. 1. – 579 с.
12. Бузескул В.П. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX вв. – Л.: Изд-во АН СССР, 1929–1931. – Ч. 1. – 218 с.
13. Пакуль Н.М. Нидерландская революция. – Харьков: Украин. работник, 1929. – 236 с.
14. Чистозвонов А.Н. Реформационное движение и классовая борьба в Нидерландах в первой половине XVI в. – М.: Наука, 1964. – 398 с.
15. Кручковский Т.Т., Котусев Е.Н. Основная проблематика российской политики в Центральной Европе в первой трети XIX в. в оценке русской исторической науки второй половины XIX – начала XX вв. (на примере Герцогства Варшавского и Царства Польского) // *Вестник БарГУ. Серия «Исторические науки и археология. Экономические науки. Юридические науки»*. – 2020. – Вып. 8. – С. 55–71.
16. Очерки истории исторической науки в СССР: в 3 т. / Ин-т истории АН СССР; редкол: М.Н. Тихомиров, М.В. Нечкина и др. – М.: Ин-т истории АН СССР, 1955–1968. – 3 т.
17. Нечухрин А.Н., Рамазанов С.П. Содержание понятия «кризис историографии» // *Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб.; С.М. Ходзін (адк. рэд.)*. – Мінск, 2007. – Вып. 3. – С. 35–46.
18. Кручковский Т.Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX–начала XX века: дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. – Минск, 2017. – 338 с.

Поступила 17.12.2025

HISTORIOGRAPHICAL ASSESSMENT OF THE WORKS OF MARNIX DE SAINT-ALDEGONDE IN THE SCHOLARLY INQUIRY OF N. N. LYUBOVICH

E. KOTUSEV
(Yanka Kupala State University of Grodno)

The article examines the historiographical assessment of Philips van Marnix, Lord of Saint-Aldegonde – one of the key figures of the Dutch Revolt – as presented in the work of the Russian historian Nikolay Nikolayevich Lyubovich «Marnix de Saint-Aldegonde as a Political Writer» (1877). During the revolution, Marnix authored several programmatic documents that Lyubovich analyzed in detail. This was Lyubovich's first scholarly study and one of the earliest original Russian works on the subject. The introduction outlines the circumstances of the thesis creation, its sources, and the historiographical context. The main part analyzes the objectives and key findings of Lyubovich's research, emphasizing his thesis on the primacy of socio-economic and political factors in the causes and course of the Dutch Revolt. In the context of studying N.N. Lyubovich's academic heritage, this article represents the first historiographical analysis of this particular work.

Keywords: N.N. Lyubovich, Netherlands, Spain, Calvinism, Catholicism, «Compromise», historiography.

УДК 271-055.2

DOI 10.52928/2070-1608-2026-79-3-51-54

ГІСТОРЫЯ Вывучэння Дзейнасці Рымска-Каталіцкіх жаночых манаскіх кангрэгацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.)

Ю.А. АЎСЕЙЧЫК*(Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік)*

У артыкуле разгледжана айчынная і замежная гістарыяграфія, прысвечаная дзейнасці жаночых манаскіх кангрэгацый на тэрыторыі заходнебеларускіх зямель у міжваенны перыяд. Прааналізаваны асноўныя напрамкі навуковых прац царкоўных (як беларускіх, так і польскіх) і свецкіх даследчыкаў. Прасочаны асноўныя этапы развіцця беларускай і польскай гістарыяграфіі.

Ключавыя словы: беларуская гістарыяграфія, польская гістарыяграфія, Рымска-каталіцкі касцёл, манаская супольнасць, кангрэгацыі, міжваенны перыяд, заходнебеларускія землі.

Уводзіны. Пасля падпісання 18 сакавіка 1921 г. Рыжскай мірнай дамовы тэрыторыя Беларусі была падзелена на дзве часткі: заходнюю і ўсходнюю. Заходняя частка, якая ўключала ў сябе Гродзенскую губернію, Навагрудскі, Пінскі, частку Мінскага, Слуцкага і Мазырскага паветаў Мінскай губерніі, Віленскі, Лідскі, Дзісенскія паветы Віленскай губерніі, была далучана да II Рэчы Паспалітай. Згодна з Канстытуцыяй Польшчы ад 17 сакавіка 1921 г., у дзяржаве замацоўваўся прынцып свабоды сумлення і веравызнання (арт. 111). Але ў той жа час у ёй была замацавана “галоўная пазіцыя сярод раўнапраўных веравызнанняў” каталіцкага касцёла (арт. 114) [1, s. 140]. Канкардат 1925 г. з Ватыканам і Канстытуцыя 1935 г. яшчэ мацней замацавалі прывілеяванае становішча Каталіцкага Касцёла. Такім чынам, дзяржаўная рэлігійная палітыка, якая ажыццяўлялася ў Польшчы ў міжваенны перыяд, спрыяла развіццю рымска-каталіцкіх манаскіх супольнасцей і заснаванню новых.

Мэта дадзенага артыкула – прааналізаваць гісторыю вывучэння дзейнасці жаночых манаскіх рымска-каталіцкіх супольнасцей на тэрыторыі заходнебеларускіх зямель у 1921–1939 гг.

Асноўная частка. Як вынікае з аналізу крыніц, на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. існавалі наступныя жаночыя манаскія каталіцкія супольнасці: Сясцёр Місіянерак Святой Сям’і (місіянеркі), Сясцёр Служабніц Езуса ў Эўхарыстыі (эўхарысткі), Сясцёр Святой Сям’і з Назарэту (назарэтанкі), Сясцёр Святога Арханёла Міхаіла (міхаліткі), Сясцёр Змёртвыхпаўстання Хрыста (змёртвыхпаўстанкі), Сясцёр Беззаганнага Зачацця Найсвяцейшай Марыі Панны (непакалянкi), Сясцёр Місіянерак Каталіцкага Апостальства (палатынкі), Сясцёр Бенедыктынак, Сясцёр Уршулянак Сэрца Езуса Канаючага (уршулянкi), Сясцёр Міласэрнасці Св. Вінцэнта дэ Поля (шарыткі), Сясцёр Сям’і Марыі (францішканкі); безхабітовыя – Сёстры Францішканкі ад Пакутуючых (францішканкі), Сёстры Служкі Беззаганнага Зачацця Найсвяцейшай Панны Марыі (служкі), Сёстры ад Анёлаў (анелянкi).

Нягледзячы на даволі значную ролю жаночых манаскіх супольнасцей у місіянерскай, дабрачыннай і адукацыйнай дзейнасці на беларускіх землях у міжваенны перыяд, у айчынной гістарычнай навуцы дадзеная тэма не знайшла належнага асвятлення. Грунтоўных прац, у якіх прасочана дзейнасць жаночых каталіцкіх манаскіх супольнасцей на тэрыторыі заходнебеларускіх зямель у пазначаны перыяд, не існуе. Трэба адзначыць, што ў беларускай савецкай гістарыяграфіі другой паловы XX ст. дадзеная праблематыка ўвогуле абміналася, што было абумоўлена негатыўнымі адносінамі камуністычнай партыі да дзейнасці Рымска-каталіцкага касцёла. І толькі з 1990-х гг. з’яўляюцца першыя працы, дзе разгледжаны некаторыя аспекты дзейнасці каталіцкіх манаскіх супольнасцей у міжваенны перыяд. Адметнай асаблівасцю гэтых публікацый было тое, што іх аўтарамі выступалі пераважна прадстаўнікі каталіцкага духавенства, альбо гэтыя працы выходзілі пад патранажам касцёла.

У 2001 г. па ініцыятыве Канферэнцыі каталіцкіх біскупаў Беларусі была падрыхтавана і выдадзена кніга “Ружанцовыя разважання” [2]. У ёй прадстаўлены біяграфіі святых і благаслаўлёных, лёс якіх быў звязаны з беларускай зямлёй. Сярод узгаданых у кнізе дзеячоў ёсць сёстры назарэтанкі (11 пакутніц з Навагрудка, якія працавалі там у міжваенны перыяд), сёстры непакалянкi (Ева Найшэўская і Марта Валоўская) і іншыя духоўныя асобы, дзейнасць якіх непасрэдна звязана з перыядам знаходжання заходнебеларускіх зямель у складзе II Рэчы Паспалітай. У 2005 г. па той жа ініцыятыве была выдадзена праца “Пра пакліканне” [3]. У кнізе падаецца кароткая гісторыя стварэння і дзейнасці мужчынскіх і жаночых кангрэгацый, якія працавалі на беларускіх землях.

Фактычна адзінай публікацыяй энцыклапедычнага характару, дзе можна знайсці звесткі па дадзенай праблематыцы, з’яўляецца выданне “Рэлігія і царква на Беларусі” [4]. У ім утрымліваюцца некаторыя звесткі пра жаночыя рымска-каталіцкія манаскія супольнасці, якія працавалі на заходнебеларускіх землях (“назарэцянак”, “урсулінак”), а таксама тлумачэнне манаскай тэрміналогіі.

У 2005 г. у Каталіцкім універсітэце ў Любліне каталіцкім святаром з Ордэну марыянаў А. Жарнасекам была абаронена магістарская праца “Dzieje marianów w Drui w latach 1923–1938” [5]. У адным з яе раздзелаў закранаецца тэма стварэння супольнасці сясцёр эўхарыстак і апека над ёй марыянамі ў Друі ў 1920-я гг. У працы былі выкарыстаны крыніцы Архіва беларускіх марыянаў. У тым жа годзе ў Варшаве была абаронена яшчэ адна магістарская праца “Apostolski wymiar charyzmatu Zgromadzenia Sióstr Sluzebnic Jezusa w Eucharystii” [6],

присвечаная супольнасці эўхарыстак. Яе аўтарам з'яўляецца эўхарыстка Н. Арлянковіч. Для аналізу дзейнасці супольнасці аўтарам быў выкарыстаны комплекс дакументаў, якія знаходзяцца ў Архіве Супольнасці Сяцёр Служабніц Езуса ў Эўхарыстыі ў Прушкаве (Польшча).

Праца марыяніна А. Надсана “Pro patria aliena. Кляштар беларускіх айцоў марыянаў у Друі (1924–1938)” [7], выдадзеная ў 2006 г., прысвечана гісторыі ўзнікнення і развіцця кляштара беларускіх айцоў марыянаў у Друі ў міжваенны перыяд. Так як заснавальнік кангрэгацыі сяцёр эўхарыстак быў віленскі біскуп Юры Матулевіч, то гісторыя ўзнікнення дадзенай супольнасці непарыўна звязана з дзейнасцю айцоў марыянаў. У працы А. Надсана былі выкарыстаныя шматлікія, у большасці, дагэтуль невядомыя архіўныя матэрыялы з фондаў бібліятэкі Францыска Скарыны ў Лондане. У 2009 г. быў апублікаваны артыкул беларускага гісторыка Э.С. Ярмусіка “Рымска-каталіцкія манастыры ў сацыяльным і духоўным жыцці Беларусі (30-я гг. XX – пачатак XXI стст.)” [8]. У працы ахарактарызаваў становішча і дзейнасць манаскіх кангрэгацый, паказана паўсядзённае манаскае жыццё, ахарактарызаваў дабрачынны і асветніцкі праца законных сяцёр. Аўтарам былі выкарыстаны дакументы з Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, а таксама з Архіва новых актаў у Варшаве. У тым жа годзе гісторыя і дзейнасць супольнасці назарэтанак закралася ў сумесным артыкуле Т.Р. Маліноўскай і Н.А. Маліноўскай-Франке “Гродзенскі брыгітскі кляштар і назарэтанкі (1790-я – 1930-я гг.)” [9], дзе зроблены акцэнт на дзейнасць настаяцельніцы кляштара ў Гродне Паўлы Гажыч (1908–1934). Праца была напісана на падставе архіўных крыніц, якія знаходзяцца ў Нацыянальным гістарычным архіве ў Гродне і Літоўскім дзяржаўным гістарычным архіве.

У 2010-х гг. беларуская даследчыца Л. Міхайлік апублікавала шэраг навуковых артыкулаў, у якіх утрымліваюцца даныя пра манаскія супольнасці на тэрыторыі Гродзенскай дзяццэі ў міжваенны перыяд [10–13]. Так, яе артыкул “Жаночыя законныя супольнасці на тэрыторыі Гродзенскай дзяццэі ў перыяд 1921–1939 гг.” [10] прысвечаны аналізу адукацыйна-выхаваўчай, катэхетычнай, медыка-сацыяльнай дзейнасці кангрэгацый. У артыкуле “Гісторыя пляцовак сяцёр францішканак ад пакутуючых у Літве і Беларусі ў першай палове XX ст.” [11] разглядаецца дзейнасць толькі адной супольнасці. Важнае месца ў вывучэнні гісторыі супольнасці назарэтанак у беларускай гістарыяграфіі займае артыкул Л. Міхайлік “Праблема сацыяльнага забеспячэння ў Гродне ў 1921–1939 гг.” [12]. У працы разглядаецца дабрачынная дзейнасць сяцёр назарэтанак і сяцёр міласэрнасці Св. Вінцэнта дэ Поля ў Гродне (шарытак). Важнае месца займае манаграфія даследчыцы “Posłane, by służyć: dzieje domów Sióstr Franciszkanek od Cierpiących na Wschodzie” [14], апублікаваная на польскай мове ў Гродне ў 2009 г. Праца прысвечана дзейнасці бесхабітовых сяцёр францішканак. У працах быў выкарыстаны шэраг архіўных крыніц з Дзяржаўнага архіва Гродзенскай вобласці, Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі, Архіва новых актаў у Варшаве і ўласных архіваў манаскіх супольнасцей.

У беларускай гістарыяграфіі маецца і шэраг даследаванняў, прысвечаных асобным відам дзейнасці законніц: адукацыйна-выхаваўчай [15], медыцынскай [16]. Так, арганізацыю і ўтрыманне сёстрамі непакалянкамі прыватнай настаўніцкай жаночай семінарыі імя Марцэліны Дароўскай у Слоніме даследаваў В. Герасімчык [17]. У яго артыкуле былі выкарыстаны дакументы з Дзяржаўнага архіва Гродзенскай вобласці.

Некаторыя звесткі аб дзейнасці манаскіх жаночых супольнасцей на заходнебеларускіх землях у міжваенны перыяд можна сустрэць у сучасных перыядычных выданнях беларускага каталіцкага касцёла. Артыкулы пра стварэнне і дзейнасць жаночых каталіцкіх манаскіх супольнасцей на беларускіх землях былі апублікаваны ў часопісах “Наша вера” [18–20], “Ave Maria” [21], “Дыялог” [22], газеце “Каталіцкі веснік” [23].

У вывучэнні рымска-каталіцкіх манаскіх жаночых супольнасцей на заходнебеларускіх землях у міжваенны перыяд важную ролю адыгралі польскія даследчыкі. У адрозненні ад беларускіх, яны значна раней пачалі займацца дадзенай праблематыкай, падрыхтаваўшы шэраг абагульняючых прац. Так, у 1961 г. у працы Я. Бара (J. Bar) “Polskie zakony” [24] была разглядаецца гісторыя ўтварэння і дзейнасці жаночых каталіцкіх манаскіх супольнасцей, якія працавалі на тэрыторыі заходнебеларускіх зямель у міжваенны перыяд. У 1970-я гг. у польскай гістарыяграфіі пачынаюць з’яўляцца працы, прысвечаныя дзейнасці асобных манаскіх супольнасцей. Адной з першых у поле ўвагі даследчыкаў трапіла супольнасць сяцёр місіянерак. У 1975 г. выйшла дзве працы Я. Бара “Супольнасць Сяцёр Місіянерак Святой Сям’і” [25] і “Выбраныя лісты Баляславы Лямонт. Супольнасць Сяцёр Місіянерак Святой Сям’і” [26]. У працах даследчык выкарыстаў шэраг архіўных крыніц, у большай ступені гэта былі дакументы з Архіва Супольнасці Сяцёр Місіянерак у Беластоку. У 1979 г. выйшла кніга А. Гранкевіч (A. Gronkiewicz), місіянеркі, якая актыўна карысталася ў сваёй працы архіўнымі дакументамі [27].

У 1987 г. выйшла грунтоўнае выданне Х. Стрэлецкай (H. Strzelecka), прысвечанае сёстрам эўхарыстам, – “Пачаткі Супольнасці Сяцёр Служэбніц Езуса ў Эўхарыстыі (1923–1945)” [28], дзе ўпершыню былі апублікаваныя дакументы з уласнага архіва супольнасці сяцёр эўхарыстак.

У 1990-я гг. выходзілі яшчэ некалькі прац, прысвечаных дзейнасці супольнасці сяцёр місіянерак. Выданы падрыхтаваныя польскімі даследчыкамі А. Гранкевіч [29], Я. Стабінскай [30], Г. Васілеўскай [31]. У 1999 г. была апублікаваная праца М. Стажынскай “Адзінаццаць мучаніц” [32], прысвечаная дзейнасці назарэтанак. Праца была надрукаваная пасля таго, як у 1999 г. Папам Рымскім Янам Паўлам II былі беатыфікаваны адзінаццаць мучаніц сяцёр назарэтанак. Невялікая частка гэтай працы прысвечана менавіта з’яўленню і дзейнасці законніц на тэрыторыі Заходняй Беларусі. Перавыдадзена была ў 2015 г.

У 2000-х гг. у польскай гістарыяграфіі з’яўляецца даволі шмат навуковых прац па пазначанай праблематыцы. Супольнасць назарэтанак даследавала Т. Гурская (T. Górska) [33]. У яе працы былі выкарыстаны дакументы з архіва назарэтанак Варшаўскай правінцыі, хронікі дома Звеставання Найсвяцейшай Панны Марыі ў Гродне, пратаколы пасяджэнняў рады (1926–1939). У пазначаны перыяд гісторыяй змёртвыхпаўстанак займалася

М.Л. Містэцкая (M.L. Mistecka) [34], а дзейнасці назарэтанак прысвечана праца А. Звярко (A. Zwierko) [35]. У 2007 г. была апублікавана кніга А. Мірэк (A. Mirek) [36], у якой прадстаўлена кароткая характарыстыка амаль 150 жаночых ордэнаў і кангрэгацый.

У 2010-х гг. польскія даследчыкі актыўна займаліся вывучэннем кангрэгацый, якія дзейнічалі на тэрыторыі заходнебеларускіх зямель у складзе II Рэчы Паспалітай. У гэты перыяд з’яўляюцца і абагульняючыя працы. Так, у 2016 г. у Ломжы была выдадзена кніга Я. Фібэка (J. Fibek) “Dzieje parafii i klasztorów katolickich na Białorusi” [37]. У сваёй працы даследчык выкарыстаў шэраг дакументаў з касцёльных і дзяржаўных архіваў Беларусі і Літвы. У 2017 г. быў апублікаваны артыкул М. Халабурды (M. Hałaburda) “Diecezja pińska (1925–1939). Rys historyczny” [38]. У шостым раздзеле даследчык характарызуе дзейнасць мужчынскіх і жаночых манаскіх кангрэгацый Пінскай дыяцэзіі. У артыкуле аўтар выкарыстаў шэраг архіўных дакументаў (Архіў дыяцэзіяльны ў Драгічыне), а таксама матэрыялы перыядычных выданняў тых часоў (“Piński Przegląd Diecezjalny”).

У дадзены перыяд былі апублікаваны працы, прысвечаныя і асобным жаночым манаскім супольнасцям. У 2013 г. на беларускай мове выйшла кніга польскай даследчыцы А. Х. Скалік [39], прысвечаная заснавальніцам кангрэгацыі змёртвыхпаўстанак на тэрыторыі Беларусі. У працы былі выкарыстаны матэрыялы з Генеральнага архіва супольнасці. У 2019 г. быў апублікаваны артыкул Б. Астравка (B. Ostrówka) [40], прысвечаны дзейнасці сяцёр палатынак у мясцовасці Райца (сучасны Карэліцкі раён Гродзенскай вобласці). У даследаванні была выкарыстана значная частка архіўных крыніц, а менавіта дакументы Архіва Польскай Правінцыі Сяцёр Палатынак.

Заклучэнне. Такім чынам, можна зрабіць выснову, што комплексных навуковых даследаванняў у беларускай гістарыяграфіі, прысвечаных вывучэнню рымска-каталіцкіх жаночых манаскіх супольнасцей 1921–1939 гг., не існуе. У канцы 90-х гг. XX ст. у беларускай гістарыяграфіі пачынаюць з’яўляцца адзінкавыя даследаванні пэўнага перыяду, рэгіёну або асобнай супольнасці. Аўтарамі выступалі пераважна прадстаўнікі каталіцкага духавенства ці манаскіх кангрэгацый, альбо гэтыя працы выходзілі пад патранажам касцёла. У канцы 2000-х гг. з’яўляюцца працы свецкіх беларускіх даследчыкаў. У значнай колькасці прац айчынай гістарычнай навуцы разглядаюцца асобныя аспекты дзейнасці манаскіх аб’яднанняў. Беларускія даследчыкі ў сваіх працах выкарыстоўвалі дакументы архіваў Беларусі, Літвы і Польшчы, а таксама ўласных архіваў розных кангрэгацый.

У польскай гістарыяграфіі даследаванні па пазначанай тэме з’явіліся яшчэ ў 1960-х гг. У 1990–2000-я гг. іх колькасць значна ўзрастае, аднак працы пераважна датычацца ўсёй польскай тэрыторыі, а таму манаская дзейнасць на землях Гродзенскай і Пінскай дыяцэзіі мала вывучана. Толькі з 2010-х гг. пачалі з’яўляцца працы польскіх гісторыкаў, які былі прысвечаны менавіта беларускім землям.

ЛІТАРАТУРА

1. Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 17 marca 1921 : z uwzględnieniem zmian ustalonych ustawą z dnia 2 sierpnia 1926 roku, zmieniającą i uzupełniającą Konstytucję Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 17 marca 1921 roku. – Lwów Warszawa: Książnica-Atlas, 1927. – 160 s.
2. Ружанцовыя разважання = Rozważania Różańcowe / Склад. ксендз пралат Міхаіл Сапата. – Мінск: ВУП Выд-ва “Про Хрысто”, 2001. – 330 с.
3. Пра пакліканне. Ружанцовыя разважання / Камісія па справах Богажа культу і дысцыпліны сакраментаў пры КПББ. – Мінск: Про Хрысто, 2005. – 202 с.
4. Рэлігія і царква на Беларусі: энцыкл. давед. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў і інш. – Мінск: БелЭн, 2001. – 368 с.
5. Zharnasek A. Dzieje marianów w Drużynie w latach 1923–1938: Praca magisterska pisana na seminarium z historii Kościoła pod kierunkiem ks. prof. dra hab. Marka Zahajkiewicza. – Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 2005. – 123 s.
6. Arliankovich N. Apostolski wymiar charyzmatu Zgromadzenia Sióstr Służebnic Jezusa w Eucharystii: Praca magisterska napisana w Papieskim Wydziale Teologicznym w Warszawie Sekcja sw. Jana Chrzcziciela na seminarium z teologii duchowości pod kierunkiem o. prof. dra hab. Marka Sokolowskiego SJ. – Warszawa–Wilno, 2005. – 138 s.
7. Надсан А. Pro patria aliena. – Мінск: Беларускі Гістарычны Агляд, 2006. – 159 с.
8. Ярмусік Э. Рымска-каталіцкія манастыры ў сацыяльным і духоўным жыцці Беларусі (30-я гг. XX ст. – пачатак XXI ст.) // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. – 2009. – № 2(37). – С. 5–13.
9. Малиноўская Т.Р., Малиноўская-Франке Н.А. “Гродзенскі брыгітскі кляштар і назарэтанкі (1790-я – 1930-я гг.) // Хрысціянства ў гістарычным лёсе беларускага народа: зб. навук. арт. У 2 ч. – Ч. 2 / ГрДУ імя Я. Купалы; рэдкал.: Э.С. Ярмусік. – Гродна: ГрДУ, 2009. – С. 320–326.
10. Міхайлік Л. Жаночыя законныя супольнасці на тэрыторыі Гродзенскай дыяцэзіі ў перыяд 1921–1939 // Studia Theologica Grodnensia: зб. навук. арт. – Гродна, 2007–2011. – № 5. – С. 63–74.
11. Міхайлік Л. Гісторыя пляцовак сс. Францішканак ад пакутуючых у Літве і Беларусі ў першай палове XX ст. // Studia Theologica Grodnensia: зб. навук. арт. – Гродна, 2007–2010. – Вып. 4. – С. 180–192.
12. Міхайлік Л. Праблема сацыяльнага забеспячэння ў Гродне ў 1921 – 1939 гг. // Гарадзенскі палімпсест. Асоба, грамадства, дзяржава. XV – XX стст. / Пад рэд. А.Ф. Смаленчука, Н.У. Сліж. – Мінск: Зміцер Колас, 2012. – С. 341–368.
13. Міхайлік Л. Каталіцкі Касцёл у грамадскім і палітычным жыцці Гродна ў 1921 – 1939 гг. // Гарадзенскі палімпсест. Асоба, грамадства, дзяржава. XV – XX стст. / Пад рэд. А.Ф. Смаленчука, Н.У. Сліж. – Мінск: Зміцер Колас, 2011. – С. 444–462.
14. Michajlik L. Posłane, by służyć: dzieje domów Sióstr Franciszkanek od Cierpiących na Wschodzie. – Grodno: Гродзенская друкарня, 2009. – 192 с.
15. Аўсейчык Ю.А. Адукацыйна-выхаваўчая і дабрачынная дзейнасць жаночых манаскіх рымска-каталіцкіх кангрэгацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. // Беларускае Падзвінне: вопыт, методыка і вынікі палявых і міждысцыплінарных даследаванняў: зб. арт. VI міжнар. навук. канф., Полацк, 28–29 крас. 2022 г. / Полацк. дзярж. ун-т; пад агулн. рэд. А.І. Корсак (адк. рэд.), У.Я. Аўсейчыка. – Наваполацк: Полацк. дзярж. ун-т імя Еўфрасінні Полацкай, 2023. – С. 182–184.

16. Аўсейчык Ю.А. Дзейнасць у галіне медыцыны жаночых манаскіх рымска-каталіцкіх кангрэгацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 1921–1939 гг. // Религия и общество – 17: сб. науч. ст.: [материалы науч. тр. участников XVII Междунар. науч.-практ. конф., г. Могилев, 21 апр. 2023 г.] / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко, Э.В. Старостенко. – Могилев, 2023. – С. 78–80.
17. Герасімыч В.У. Жаночая семінарыя імя М. Дароўскай у Слоніме (1919–1936) // Адукацыя на Віцебшчыне: гісторыя і сучаснасць: матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф., Віцебск, 30–31 сак. 2010 г. / рэдкал.: В.У. Акуневіч (адк. рэд.). – Віцебск, 2010. – С. 144–147.
18. Жарнасек І. Лясная канвалія // Наша вера. – 2003. – № 3. – С. 47–51.
19. Жарнасек І. Яе лёс – нібы цэлая эпоха // Наша вера. – 2007. – № 1(39). – С. 26–29.
20. Левандоўская І. Прыклад для няверуючых – турэмны лёс сястры Ванды Банішэўскай // Наша вера. – 2014. – № 4. – С. 31–37.
21. Жарнасек І. Нябачны анёл // Ave Maria. – 2017. – № 9. – С. 18–19.
22. Каралёў П. Каштоўны дар Уршулі Ледухоўскай // Дыялог. – 2024. – № 4(329). – С. 21–23.
23. Івашчонок А. Сястра Тадэя Касцюшка // Каталіцкі веснік. – 2011. – № 6. – С. 7.
24. Bar J. Polskie zakony // Prawo Kanoniczne. – 1961. – № 4/1-4. – S. 421–592.
25. Bar J. Zgromadzenie Sióstr Misjanarek Świętej Rodziny. – Rzym, 1975. – 117 s.
26. Bar J. Wybor pism Bolesławy Lament. Zgromadzenie Sióstr Misjanarek Świętej Rodziny. – Białystok, 1975. – 185 s.
27. Gronkiewicz A. Zgromadzenie Sióstr Misjanarek Świętej Rodziny w latach 1939–1947. – Nakładem Zgromadzenie SS. Misjanarek sw. Rodziny, 1979. – 115 s.
28. Strzelecka H. Początki Zgromadzenia Sióstr Służebnic Jezusa w Eucharystii (1923–1945). – Warszawa: Akademia Teologii Katolickiej, 1987. – 302 s.
29. Gronkiewicz A. Życie i działalność Bolesławy Marii Lament (1862–1946). Założycielki Zgromadzenia Sióstr Misjanarek sw. Rodziny. – Warszawa, 1990. – 354 s.
30. Stabińska J. Szukać i zbawiać. Posłannictwo Bolesławy Lament. – Warszawa: Wydaw. Archidiecezji Warszawskiej, 1991. – 175 s.
31. Василевская Г. На путях апостольства и экуменизма. – Люблин: [б. и.], 1992. – 78 с.
32. Стажиньская М. Одиннадцать мучениц / пер. с поль. Л. Михайлик. – Гродно: Гродн. Рим.-Катол. Епархия, 1999. – 74 с.
33. Górka T. 100 lat Sióstr Nazaretanek // „Nasza Przyszłość” – 2009. – Т. 111. – S. 193–212.
34. Mistecka M.L. Zmartwychwstanki. Charyzmat i dzieje 1891–1991. – Т. 2. – Lublin, 2000. – 540 s.
35. Zwierko A. Wsłuchane w sygnały Ziemi Nowogrodzkiej-wspomnienia o Nowogrodzczyźnie i Sióstrach Nazaretankach z lat 1929–1945. – Wydawnictwo ASP Rymsza, 2003 – 159 s.
36. Mirek A. Atlas żeńskiego ruchu zakonnego na ziemiach polskich w XIX i XX wieku. – Lublin: Petit Skład-Druk-Oprawa, 2007. – 143 s.
37. Fibek J. Dzieje parafii i klasztorów katolickich na Białorusi. – Część 1: Diecezja Witebska. – Т. 2: Zachodnia część diecezji Witebskiej. – Lomża, 2016. – 702 s.
38. Hałaburda M. “Diecezja pińska (1925–1939). Rys historyczny” // Textus et Studia. – 2017. – № 2(10). – S. 95–119.
39. Скалік А. Х. Слядамі благаслаўленай Маці Цэліны і Маці Ядвігі Бажэнцкіх у Беларусі / перакл. з поль. І. Жарнасек. – Гродна: Гродзен. дыяцэзія Рым.-катал. Касцёла ў Рэсп. Беларусь, 2013. – 63 с.
40. Ostrówka B. Zespół dworsko-parkowy w Rajcu. Przyczynek do historii Polskiej Prowincji Sióstr Misjonarek Apostolstwa Katolickiego (Pallotycki) // Archiwa, Biblioteki i Muzea Kościelne. – 2019. – № 112. – S. 277–295.

Пасмуніў 03.02.2026

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКИХ ЖЕНСКИХ МОНАШЕСКИХ КОНГРЕГАЦИЙ НА ТЕРРИТОРИИ ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ (1921–1939 гг.)

Ю.А. ОВСЕЙЧИК

(Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник)

В статье рассмотрена отечественная и зарубежная историография, посвященная деятельности женских монашеских конгрегаций на территории западнобелорусских земель в межвоенный период. Проанализированы основные направления научных работ церковных (как белорусских, так и польских) и советских исследователей. Прослежены основные этапы развития белорусской и польской историографии.

Ключевые слова: белорусская историография, польская историография, Римско-католический костел, монашеская общность, конгрегации, межвоенный период, западнобелорусские земли.

HISTORY OF THE STUDY OF THE ACTIVITIES OF ROMAN CATHOLIC WOMEN'S MONASTIC CONGREGATIONS IN WESTERN BELARUS (1921–1939)

Y. AUSEICHYK

(Polotsk National Historical and Cultural Museum-Reserve)

The article examines the domestic and foreign historiography devoted to the activities of female monastic congregations in the Western Belarusian lands during the interwar period. The main directions of scientific work of ecclesiastical (both Belarusian and Polish) and secular researchers are analyzed. The main stages of the development of Belarusian and Polish historiography are traced.

Keywords: Belarusian historiography, Polish historiography, Roman Catholic Church, monastic community, Congregations, interwar period, Western Belarusian lands.

УДК 94(476.5)"1921/28"

DOI 10.52928/2070-1608-2026-79-3-55-57

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВИТЕБСКА В ПЕРИОД НЭПА (1921–1928 гг.)

В.Г. КОВЕРСУН

(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)

В статье рассматриваются ключевые тенденции социально-экономического развития Витебска в период проведения нэпа. На базе анализа архивных источников и приведённых в них статистических данных рассматривается процесс восстановления промышленности, торговли и городского хозяйства. Отдельно показывается восстановление социального сектора городского хозяйства.

Ключевые слова: новая экономическая политика, нэп, социально-экономическое развитие, Беларусь, БССР, Витебск.

Введение. Новая экономическая политика была официально утверждена на X съезде РКП(б) в марте 1921 г. Причиной введения нэпа были тяжелейшие экономический и политический кризисы. Хотя политика нэпа имела общие принципы реализации для всего СССР (замена продразверстки продналогом, разрешение частной торговли и мелкого предпринимательства), на территории Беларуси её реализация сопровождалась рядом особенностей. Из-за того, что белорусские земли стали ареной боевых действий в годы Первой мировой войны и Советско-польской войны, наступила разруха и обнищание деревни. Сокращение основных экономических показателей в сельской местности достигли 30–39% [1, с. 138], поэтому первоочередной задачей для властей стало восстановление сельского хозяйства. В первую очередь делалась ставка на интенсивное возделывание местных сельскохозяйственных культур (лён, картофель) и поддержку в развитии молочного животноводства. В промышленности акцент делался на мелкое и кустарное производство. В социально-культурной сфере яркой особенностью стала проводимая на основе политики «коренизации» политика «белорусизации» во всех сферах жизни общества.

Основная часть. В начале 1920-х гг. Витебск оставался крупным промышленным центром Беларуси. Развивая городская промышленность вносила свои особенности в реализацию мероприятий нэпа, в отличие от остальной территории ССРБ, а далее – БССР.

Начало новой экономической политики в Витебске проходило в сложных условиях. Еще со времен Первой мировой войны (февраль–март 1918 г.) и в период Советско-польской войны (1919–1921 гг.) Витебск продолжительное время фактически являлся прифронтовым городом, где находилось большое количество беженцев, раненных солдат, наблюдался дефицит продовольствия и товаров первой необходимости. Тем не менее, даже в самые тяжелые периоды нехватки продовольствия городские власти проводили кампании помощи голодающим Поволжья [2, л. 30]. К 1 ноября 1922 г. жители Витебска собрали для голодающих 23360 тыс. руб., а город взял на содержание 578 эвакуированных детей [3, с. 21]. Городские власти просили горожан всячески помогать в деле помощи голодающим американскому обществу АРА [4, л. 10]. Ситуация с продовольствием в городе стала меняться в лучшую сторону после проведения продразверстки [2, л. 15]. Ухудшали положение в социальной сфере частые эпидемии, вызванные плохим санитарными условиями.

С 1 октября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. промышленное производство сократилось наполовину по сравнению с 1914 г. [5, с. 85]. Приостановилась работа большинства швейных мастерских, закрылся ряд предприятий металлообрабатывающей, кожевенной и пищевой промышленности [6, с. 9]. Во всех сферах производства проявился кризис сбыта. Причиной тому послужило низкое качество продукции. Дополнительные причины – отсутствие топлива, качественного сырья, а иногда сырья вообще. На запросы о предоставлении кредитов предприятия получали отказы [7, л. 6]. В 1920 г. в докладной записке городской партийной комиссии в качестве выхода из сложившейся ситуации было предложено сдавать государственные предприятия в аренду [7, л. 7]. 5 января 1922 г. комиссариат внутренних дел определил, что в связи с переходом на новый курс экономической политики коммунальные отделы должны отказаться от т.н. «второстепенных» предприятий. Предлагалось так же отдавать их в аренду. Однако отмечались предприятия, сдача в аренду которых запрещалась: трамвай, водопровод, канализация, электростанции, газовые заводы и другие особо важные коммунальные предприятия [4, л. 54].

Для проведения в жизнь новой экономической политики требовалось усовершенствовать управление. В 1921 г. в Витебске был образован городской комитет и 3 районных комитета партии, а также городской совет [3, с. 21]. В первой половине 1920-х гг. произошли существенные изменения в административном положении Витебска. В начале 1920-х гг. Витебск являлся центром Витебской губернии в составе РСФСР. Постановлением ВЦИК РСФСР от 4 февраля 1924 г. Витебская губерния, за исключением трех уездов, вошла в состав БССР. Это решение было одобрено еще 25 декабря 1923 г. на XI губернском съезде Советов [3, с. 22]. В июле 1924 г. Витебск становится административным центром Витебского округа.

Усовершенствовалось налогообложение населения. Отменялись все налоги, действовавшие до 1921 г. С 28 апреля 1922 г. взыскивались только государственные налоги и местные сборы, введенные после 3 февраля 1921 г. [4, л. 67].

Важную роль для восстановления экономики Витебска в условиях нэпа сыграло возрождение кустарного производства. В мае 1921 г. СНК РСФСР издал декрет «О руководящих указаниях органам власти в отношении мелкой и кустарной кооперации», в котором регламентировались мероприятия по развитию кустарного производства. Всех граждан в марте 1922 г., имевших кустарное производство и занимавшихся мелкой торговлей, обязали пройти обязательную регистрацию [8, л. 5]. В городском районе Марковщины всех владельцев торговых

помещений дополнительно обязали изготовить и установить вывески на свои магазины [8, л. 21]. В начале 1920-х годов в условиях конкуренции с частными торговцами делала первые шаги потребительская кооперация. Созданная еще в июле 1920 г. Единое потребительское общество (ЕПО) стало открывать свои предприятия для удовлетворения потребностей рабочих и служащих, которые были пайщиками предприятия. Впоследствии ЕПО стало открывать свои магазины с ценами ниже рыночных.

Во второй половине 1920-х годов, в связи с партийным курсом на постепенное сворачивание нэпа, положение мелких товаропроизводителей резко ухудшилось. Выросло налогообложение, сократились возможности получения кредита. Как итог, частные торговые предприятия начали проигрывать конкуренцию и закрываться. К началу 1927 г. в Витебске насчитывалось 971 частное предприятие, а к началу 1928 г. уже 611 (-37%) [9, л. 43].

К концу 1922 года однородные промышленные предприятия, скооперированные в отраслевые объединения, вошли в состав промышленных трестов. В тресты входило 50 предприятий города, в которых насчитывалось 3,5 тыс. рабочих [10, л. 1-3]. К концу 1921 г. крупные предприятия города были переведены на хозрасчет и новую тарифную систему заработной платы. Это способствовало укреплению трудовой дисциплины, повышению производительности труда, скорейшему восстановлению и расширению промышленного производства [5, с. 89]. В рамках экономических изменений и большей самостоятельности предприятий, последние стали вкладывать заработанные средства в развитие социальной инфраструктуры. В частности, в июле 1922 г. при фабрике «Двина» начала функционировать больница [8, л. 31], а в сентябре в районе Марковщины была открыта школа 1-ой ступени для детей рабочих [8, л. 40-41]. 21 июля 1924 г. фабрика «Двина» приняла на баланс помещения Марковского монастыря, где открыла профессионально-техническую школу [11, л. 27]. В этом же году фабрика «Двина» приобрела за собственные средства дом под амбулаторию [12, л. 21].

Правильность выбранных изменений в промышленности показал отчет Витебского губернского Управления местного хозяйства о деятельности к декабрю 1923 г. В отчете указывалось, что промышленность постепенно выходит из кризиса, увеличивается оборот, налаживается общая работа предприятий. Выравниваются цены на фабричные и сельскохозяйственные товары [13, л. 9].

Активно городские власти стали проводить работу по электрификации города. В 1922 г. городской Совет утвердил план по электрификации. В плане отдельно говорилось о строительстве трех новых электростанций в районах Лучесы, Елаги и Песковатика [5, с. 95]. Однако с реализацией возникли трудности. В рабочем районе Марковщины к октябрю 1922 г. провели электрическую магистральную линию, а также оборудования наружного освещения [8, л. 40], но на сентябрь 1924 г. уличное освещение в рабочем районе отсутствовало. Все провода и магистрали были сняты. Помощь в электрификации готова была оказать фабрика «Двина», лишь просила закупить городские власти провода, лампы и изоляторы [11, л. 27]. В 1925–1926 гг. городские власти разработали проект городской канализации [14, л. 1].

Экономические преобразования благоприятно повлияли на социальную сферу. Ежегодно увеличивалась часть бюджета на городское здравоохранение. В 1924–1925 гг. было заложено 543,843 рубля, в 1925–1926 гг. – 766,370 рублей, а в 1926–1927 гг. уже 1069,910 руб. Медицинское обеспечение горожан в сравнении с предыдущим периодом качественно преобразовалось. Особое внимание власти стали уделять здоровью детей. Ко второй половине 1920-х гг. в Витебске действовали детская больница, детская амбулатория, дом младенца, дом ребенка, ясли и женская консультация [15, л. 13]. Городские власти также отмечают общее улучшение с медицинским обеспечением населения. Сеть здравоохранения все больше охватывает горожан. Во всех медицинских учреждениях подобран высококвалифицированный персонал. С сожалением отмечалась традиционная нехватка персонала в больнице и амбулатории на Марковщине, а также сообщалось о невозможности расширить больницу им. Калинина [16, л. 2].

В 1927 г. впервые было проведено санитарное обследование города [16, л. 3]. Проблемы с санитарными условиями никак не решались. В 1922 г. отмечаются постоянные вспышки холеры. Причиной тому назывались неблагоприятное состояние квартир рабочих, отсутствие водопровода и проживание большого количества людей на маленькой квартирной площади [8, л. 27]. В 1924 г. ответственность за поддержание чистоты на придомовых территориях была возложена на граждан [17, л. 8], а контроль – на милицию [17, л. 10]. В марте 1928 г. проблема эпидемий вновь была поднята на заседании городского Совета. В городе сохранялась антисанитария, жилищная теснота. Ответственными за контроль над ситуацией были вновь названы Коммунальный отдел и милиция [18, л. 1]. Чтобы улучшить санитарную ситуацию, городские власти поставили задачу, – при возведении новых фабрик и заводов сразу же возводить и жилые дома для рабочих [19, л. 3]. Так, в 1922 г. возобновилось частное строительство. Постройки были небольшими и исключительно из дерева. В отчете за 1925 г. отмечалось, что Витебск не похож на «город-сад», а из-за отсутствия планировки склонен превратиться в большую деревню: 80% всех построек были деревянными, «несолидной конструкции». Здания быстро разрушались пожарами, частой сменой хозяев и небрежным отношением со стороны жителей [20, л. 42]. Виткоммунотдел назвал ситуацию с жильем кризисом [20, л. 44]. Во второй половине 1920-х гг. ситуация в строительстве начинает изменяться в лучшую сторону. В 1927 г. рост возведённых построек по сравнению с 1926 г. составил 250% [9, л. 37]. К 1929 г. городские власти запланировали введение хозяйственного плана города [9, л. 42].

Изменения коснулись и городского транспорта. 1 октября 1925 г. в Витебске начали осуществляться городские перевозки. Организатором перевозок стало Общество Белавтопромторг. В его распоряжении находилось 2 грузовые машины и 2 автобуса для междугороднего сообщения [21, л. 50].

Качественные преобразования проходили в сфере образования. К 1927 г. в Витебске действовало 42 школы (23 начальные, 19 семилетних). В школах обучалось 79% всех детей города в возрасте от 7 до 16 лет. Помимо этого, в городе действовали 4 еврейские школы, 3 школы для взрослых, 3 школы для малограмотных. Отдельно

стоит отметить существование 6 школ железнодорожного транспорта, 1 школы водного транспорта и 2 школ при политехникуме. Также в городе действовало 6 клубов, 2 библиотеки, 4 пункта ликвидации безграмотности [9, л. 45]. Еще с 1924 г. для проведения концертов, постановок, спектаклей необходимо было получать письменное разрешение городских властей [8, л. 29].

Городские власти вкладывали ресурсы в благоустройство Витебска. Во второй половине 1920-х гг. был заложен новый сквер на Орловской площади, расширен сад имени Ленина, построены 2 спортивные площадки, началось строительство моста через реку Витьба, было проведено озеленение. Также был проложен водопровод по Грязно-Петровской улице, Песковатику, 2-му Оршанскому переулку, Луческой улице, в Елагском районе. К 1927 г. городское освещение насчитывало 400 ламп (в 1926 г. их было 257). Полностью были отремонтированы городские бани, а в Бане № 1 построили новое отделение на 80 человек [9, л. 44]. В 1928 г. была составлена и принята подробная программа обследования и изучения города Витебска для составления планировки и перепланировки города [22, л. 1]. В частности, программа затрагивала вопросы по истории города и естественных условиях местности, описание промышленности, электрификации, транспорта, связи, торговли и др.

Закключение. Витебск до периода становления советской власти был крупным промышленным центром. Реализация политики нэпа позволило обогатить город кустарным производством и частными торговыми предприятиями. На 1927 г. в городе насчитывалось 971 частное предприятие. Оживление торговли позволило решить острую проблему снабжения города продовольствием и товарами первой необходимости. Был решен вопрос с голодом. Успехи в экономике привели к росту городского населения. Сформировался слой зажиточных граждан, владельцев частных небольших предприятий, магазинов, мастерских. Росту мелкотоварного производства и частной торговли способствовало льготное налогообложение и иные экономические преференции со стороны советской власти. Но уже со второй половины 1920-х гг. количество частных ремесленных и торговых предприятий сокращается по мере постепенного сворачиванием нэпа. В социальной сфере большое внимание городские власти стали уделять вопросам здравоохранения и образования. В 1922–1928 гг. отмечался ежегодный рост бюджетных расходов на социальные нужды.

Проводимые мероприятия в рамках нэпа позволили за короткий период восстановить городскую экономику и вывести город из послевоенной разрухи. Достижения нэпа в промышленности и торговле стали фундаментом для последующей индустриализации 1930-х гг., которая еще сильнее изменила облик Витебска.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гісторыя Беларусі: у 6 т. – Т. 5. Беларусь у 1917–1945 гг. / А. Вабішчэвіч [і інш.]; рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2006. – 616 с.
2. Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Ф. 10058. Оп. 1. Д. 77.
3. Хронология истории г. Витебска (974–1984) / сост. Л.Д. Кузьменко, А.М. Подлипский. – Минск: «Полымя», 1987. – 48 с.
4. ГАВО. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 6.
5. Витебск. Историко-экономический очерк / редкол.: В.П. Воробьева, А.Р. Горбачев, Н.В. Дорофеев и др. – Минск: «Наука и техника», 1974. – 224 с.
6. Отчет № 2 Витебского губернского экономического совещания Совета труда и обороны, 1922. – 44 с.
7. ГАВО. – Ф. 10050. Оп. 1. Д. 72.
8. ГАВО. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 7.
9. ГАВО. – Ф. 322. Оп. 1. Д. 227.
10. ГАВО. – Ф. 15. Оп. 1. Д. 280.
11. ГАВО. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 37.
12. ГАВО. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 46.
13. ГАВО. – Ф. 10050. Оп. 1. Д. 734а.
14. ГАВО. – Ф. 302. Оп. 1. Д. 52.
15. ГАВО. – Ф. 322. Оп. 1. Д. 56.
16. ГАВО. – Ф. 322. Оп. 1. Д. 82.
17. ГАВО. – Ф. 13. Оп. 1. Д. 32.
18. ГАВО. – Ф. 322. Оп. 1. Д. 168.
19. ГАВО. – Ф. 322. Оп. 1. Д. 174.
20. ГАВО. – Ф. 322. Оп. 1. Д. 37.
21. ГАВО. – Ф. 302. Оп. 1. Д. 57.
22. ГАВО. – Ф. 322. Оп. 1. Д. 261.

Поступила 28.04.2026

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF VITEBSK DURING THE NEP PERIOD (1921–1928)

U. KAVERSUN

(Mogilev State A. Kuleshov University)

The article examines the key trends in the socio-economic development of Vitebsk during the NEP period. Based on an analysis of archival sources and the statistical data contained therein, it examines the process of restoring industry, trade, and urban economy. The restoration of the social sector of the urban economy is shown separately.

Keywords: New Economic Policy, NEP, socio-economic development, Belarus, BSSR, Vitebsk.

УДК 94(476)"1934"

DOI 10.52928/2070-1608-2026-79-3-58-62

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТСКО-ПАРТИЙНЫХ ШКОЛ ПО ПОДГОТОВКЕ ЖЕНЩИН-ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ СЕЛЬСКИХ СОВЕТОВ В 1934 г. (НА ПРИМЕРЕ МОГИЛЕВСКОЙ СОВЕТСКО-ПАРТИЙНОЙ ШКОЛЫ ИМЕНИ К.Е. ВОРОШИЛОВА)**А.Н. ТЮТЮНКОВ***(Могилевский институт МВД Республики Беларусь)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8143-2945>

В статье рассматривается опыт организации краткосрочных курсов женщин-председателей сельских советов на базе советско-партийных школ (на примере Могилевской школы имени К.Е. Ворошилова). Обосновывается тезис о том, что таким образом руководство БССР в ограниченные сроки могло формировать резерв руководящих кадров из числа местного населения для сельского хозяйства, обладающих достаточным уровнем политической и практической подготовки и способных эффективно реализовывать проводимые в стране реформы. При этом, несмотря на приоритет политического образования, обучающиеся получали достаточно значительный объем практических знаний, умений и навыков, закрепляя их в период обучения обязательным прохождением практики в органах советской власти.

Ключевые слова: Могилевская советско-партийная школа, сельский совет, коллективизация, обучение.

Введение. Вопрос подготовки руководящих кадров в межвоенный период стоял в Советском Союзе весьма остро, особенно в период проведения коллективизации и индустриализации страны. Важной составляющей системы советского образования в 1930-е гг. стали советско-партийные школы (далее – СПШ), на которые были возложены задачи по обеспечению народного хозяйства квалифицированными специалистами по советскому строительству для замещения ими руководящих должностей [1]. О значении данного вида учебных заведений свидетельствует то, что в 1933 г. в СССР на дневной форме обучения в 230 СПШ обучалось 40 000 человек¹. При этом, особый интерес вызывает функционирование данных учебных заведений в контексте масштабных преобразований, проводимых в СССР в исследуемый период, и их влияния на содержание обучения. В настоящее время изучение опыта функционирования СПШ может быть использовано при организации подготовки специалистов-идеологов, призванных проводить государственную политику во всех сферах жизни белорусского общества, организации переподготовки и повышения квалификации, учебного процесса во всех учреждениях образования.

Развитию и становлению системы учебных заведений такого типа и партийного образования посвятили труды ряд белорусских и российских ученых, таких как: Д.А. Хомич [2], В.И. Яковчук [3], Т.С. Иларионова [4], М.Ю. Ширяева [1], В.А. Острога [5], Е.П. Мамышева [6]. Однако, как правило, ими рассматривалась деятельность такого вида учебных заведений в послевоенный период, либо в контексте развития всей системы образования взрослых, в то время как деятельность СПШ в межвоенный период остается малоизученной.

Безусловно, главной задачей системы образования советского государства была ликвидация неграмотности и подготовка рабочих для активно развивающейся промышленности. Остро стояла проблема идеологического сопровождения проводимых реформ во всех сферах народного хозяйства. Государству требовались специалисты, способные не только руководить производством, но и обладающие высоким уровнем политической подготовки, максимально лояльные действующей системе власти. Именно такие кадры должны были быть подготовлены в СПШ. При этом, были попытки проведения разовых кампаний в сфере подготовки руководящих кадров, таких как подготовка женщин-специалистов на примере Могилевской советско-партийной школы имени К.Е. Ворошилова (далее – МСПШ), а именно проведение трехмесячных и одномесечных курсов для женщин-председателей сельских советов, организованных в 1934 г. с 1 сентября по 1 декабря², что и является целью нашего исследования.

Основная часть. В сентябре и декабре 1934 г. МСПШ приняла для обучения 84 женщины-кандидата для назначения на должности председателей сельских советов республики³. Нужно отметить, что перед их приемом была проведена значительная подготовительная работа, в первую очередь, по бытовому обеспечению обучающихся, для того чтобы они могли сосредоточиться на учебе. Так, все курсанты были обеспечены проживанием, постельными принадлежностями, аудиториями, коммунальным обслуживанием, питанием в столовой, канцелярскими принадлежностями, учебными пособиями⁴.

¹ Социалистическое строительство СССР (Статистический ежегодник) за 1935 г. / Исторические материалы. – URL: https://istmat.org/files/uploads/22075/socstroy_1935_kultura.pdf.

² На курсантах курсаў Ц.В.К. Старшынь с/саветаў пры Магілёўскай Совпартшколе імя “Варашылава” – месячных курсаў набору I/XII-34г. і 3-х месячных набору I/IX-34 года // Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМгО). – Ф. 6625. Оп. 1. Д. 65. – Л. 47–60.

³ Матэрыялы па правядзенню 3-х месячных і 1-месячных курсаў па падрыхтоўцы і перападрыхтоўцы жанчын-старшынь с/саветаў ад 15 студзеня 1935 г. // ГАООМгО. – Ф. 6625. Оп. 1. Д. 65. – Л. 1.

⁴ Там же. Л. 1–2.

География учащихся была представлена жителями 49 районов БССР. Большинство районов (28) направило всего лишь по одному кандидату на обучение, максимальное же количество (6 человек) было направлено Речицким районным исполнительным комитетом⁵. Обязательным был тщательный отбор кандидатов на поступление, который осуществлялся на районном уровне, о чем свидетельствуют персональные направления от имени районного исполнительного комитета⁶, а также характеристики с указанием роли претендентов на обучение в деле «советского» строительства. Например, в характеристике Беляцкой М.Е. сказано: «Тав. Беляцкая М. нараджэня 1911 г ураджэнка вескі Горкі Горкаўскага с/совета Чэрыкаўская раена, мае адукацыю за IV-групы сельскай школы, у калгасе ім. “Шлях Сацыялізма” з 1930 г., па соцстановішчу да уступлення у калгас маламоцная сярэднячка. У практычнай працы тав. Беляцкая праявіла сябе як актывістка, сваім удзелам у брагядзе паказала сябе як лепшы арганізатар здачы усіх відаў нарыхтовак і збожжапаставак у сваім калгасе. Тав. Беляцкая у калгасе работае брыгадзірам, яе брыгада самая лепшая у калгасе...»⁷.

На курсы было зачислено 84 человека: 43 на одномесячные курсы, 41 – на трехмесячные, но 4 человека с трехмесячных курсов были отчислены (2 не явились с практики, 2 – за нарушение дисциплины)⁸. Требуется отметить, что ряд кандидатов к моменту направления в СПШ являлись представителями советской власти в выборных органах: председатели сельсоветов – 10 человек, заместители председателей сельсоветов – 4, членов сельсовета – 13, что составляло 32,14% от всех поступивших⁹. Сведения о курсантах по национальному признаку и социальному происхождению представлены в таблице 1¹⁰.

Таблица 1. – Сведения о национальной принадлежности и социальном происхождении курсантов МСПШ

Национальность	Трехмесячные курсы	Одномесячные курсы	Всего	% от общего количества
Белорусы	32	32	64	80
Евреи	2	3	5	6,25
Русские	1	3	4	5
Поляки	3	1	4	5
Латыши	1	1	2	2,5
Украинцы	–	1	1	1,25
Социальное происхождение				
Рабочие	2	8	10	12,5
Колхозники	37	33	70	87,5

Вполне логично, что большинство курсантов было представлено белорусами (80%). Евреи, русские и поляки, латыши и украинцы составляли лишь 20% обучающихся (16 чел.). Курсанты, в основном, имели, в силу своего социального происхождения, опыт работы в сельском хозяйстве. Данные цифры свидетельствуют о том, что руководство республики старалось опираться на национальные кадры, которым не требовалось значительное количество времени для изучения особенностей ведения сельского хозяйства. Информация о партийной принадлежности курсантов представлена в таблице 2¹¹.

Таблица 2. – Сведения о партийной принадлежности курсантов МСПШ

Партийная принадлежность	Трехмесячные курсы	Одномесячные курсы	Всего	% от общего количества
Член КП(б)Б	5	3	8	10
Кандидат в члены КП(б)Б	2	6	8	10
Сочувствующий	–	1	1	1,25
Член ВЛКСМ	6	12	18	22,5
Беспартийный	27	19	46	57,5

Анализ партийной принадлежности показывает, что члены и кандидаты в члены партии составляли всего 20%, а вместе с комсомольцами и сочувствующими – 42,5%. На наш взгляд, решение районных исполнительных комитетов о направлении на учебу значительного количества граждан, не являющихся формальными сторонниками советской власти, то есть беспартийных, вызвано дефицитом руководящих кадров, достойных доверия со стороны власти и обладающих достаточными морально-деловыми качествами для назначения на должности председателей сельсоветов. Для полноценного анализа контингента обучавшихся на указанных курсах в МСПШ важны сведения об уровне образования, представленные в таблице 3¹².

⁵ Там же. – Л. 1.

⁶ Пасведчанне Канюшэнка Х. // ГАООМГО. – Ф. 6625. Оп. 1. Д. 65. – Л. 234.

⁷ Характырыстыка на Беляцкую М.Е. // ГАООМГО. – Ф. 6625. Оп. 1. Д. 65. – Л. 232.

⁸ Матэрыялы па правядзенню 3-х месячных і 1-месячных курсаў па падрыхтошцы і перападрыхтоўцы жанчын-старшын с/саветаў ад 15 студзеня 1935 г. // Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМГО). – Ф. 6625. Оп. 1. Д. 65. – Л. 1.

⁹ Спіс старшын с/саветаў // ГАООМГО. – Ф. 6625. Оп. 1. Д. 65. – Л. 9–9об.

¹⁰ На курсантак курсаў Ц.В.К. Старшын с/саветаў пры Магілёўскай Совпартшколе імя “Варашылава” – месячных курсаў набору І/ХІІ-34г. і 3-х месячных набору І/Х-34 года // ГАООМГО. – Ф. 6625. Оп. 1. Д. 65. – Л. 47–60.

¹¹ На курсантак курсаў Ц.В.К. Старшын с/саветаў пры Магілёўскай Совпартшколе імя “Варашылава” – месячных курсаў набору І/ХІІ-34г. і 3-х месячных набору І/Х-34 года // ГАООМГО. – Ф. 6625. Оп. 1. Д. 65. – Л. 47–60.

¹² Там же. – Л. 47–60.

Таблица 3. – Сведения об образовательном уровне курсантов МСПШ

Уровень образования	Трехмесячные курсы	Одномесечные курсы	Всего	% от общего количества
9 классов	–	2	2	0,25
7 классов	–	3	3	0,375
5 классов	1	4	5	6,25
4 класса	10	14	24	30
3 класса	11	6	17	21,25
2 класса	6	8	14	17,5
1 класс либо школа Ликбеза	11	4	15	18,75

Как видим, основная масса курсантов (55 чел. или 68,75%) имело образование на уровне 2-х – 4-х классов общеобразовательной школы, 5–7 классов – 10 чел. (12,5%), 1 класса и меньше – 15 (18,75%), что свидетельствует о том, что районные власти не имели резерва людей с достаточно высоким уровнем образования для назначения на руководящие должности в сфере сельского хозяйства и рассматривали обучение в СПШ как возможность повышения образовательного уровня тех специалистов, которые имелись в наличии и соответствовали предъявляемым требованиям с точки зрения политической благонадежности. Возраст курсантов МСПШ варьировался от 1898 г. рождения у самой старшей и 1914 г. у самых молодых. Обобщенные сведения о возрасте обучающихся представлены в таблице 4¹³.

Таблица 4. – Сведения о возрасте курсантов МСПШ

Возраст	Трехмесячные курсы	Одномесечные курсы	Всего	% от общего количества
до 25 лет	19	24	43	53,75
25–30 лет	10	9	19	23,75
30–35 лет	8	9	17	21,25
старше 35 лет	1	–	1	1,25

Вышеуказанные данные свидетельствуют, что руководством страны ставка делалась на молодежь в возрасте от 20 до 30 лет, количество представителей которой составляло 77,5% от общего числа направленных на учебу в МСПШ (62 чел.).

Подробнее остановимся на учебной программе и результатах обучения. Курсантам трехмесячных курсов предстояло усвоить 14 предметов, на которые было отведено 487 часов, одномесечных – 12 предметов (221 час). Предметы можно условно разделить на три группы: политическое образование, прикладные (связанные с непосредственной организацией работы сельских советов) и общеобразовательные дисциплины. Подробная информация представлена в таблице 5¹⁴.

Таблица 5. – Сведения об изучаемых курсантами МСПШ предметах

№ п/п	Предмет	Часы на изучение	
		(3-месячные курсы)	(1-месячные курсы)
1.	Изучение материалов XVII партийного съезда и постановлений ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)Б	100	60
2.	История партии	6	6
3.	Советское строительство	60	20
4.	Массовая работа Советов	40	40
5.	Ленинская национальная политика	30	12
6.	Финансовая политика СССР, составление и выполнение сельского бюджета	20	10
7.	Государственное страхование	10	5
8.	Революционная законность	8	8
9.	Аграрная техника и механизация сельского хозяйства	30	10
10.	Развитие животноводства	32	15
11.	Организация делопроизводства в сельском совете	10	10
12.	Белорусский язык	60	–
13.	Математика	60	25
14.	География	21	–
Всего	14/12	487	221

К первой группе мы отнесли изучение материалов XVII партийного съезда и постановлений ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)Б; истории партии, опыта Советского строительства; массовой работы Советов;

¹³ На курсантах курса Ц.В.К. Старшины с/советы при Магілёўскай Совпартшколе імя “Варашылава” – месячных курсах набора I/XII-34г. і 3-х месячных набора I/IX-34 года // ГАООМГО. – Ф. 6625. Оп. 1. Д. 65. – Л. 47–60.

¹⁴ Там же. – Л. 3.

проведения Ленинской национальной политики. Сравнение объемов часов, выделенных для изучения данной группы учебных дисциплин (206 часов или 42,3% от общей нагрузки для трехмесячных курсов, 126 часов или 57% для одномесячных), четко указывает на приоритеты в подготовке руководящих кадров, а именно обучение и воспитание их в духе преданности делу коммунистической партии в качестве ретрансляторов основ государственной политики в широкие массы населения.

Вторую группу составляли: изучение финансовой политики СССР; порядка государственного страхования; знаний законодательства в сфере соблюдения революционной законности; аграрной техники и механизации сельского хозяйства; животноводства; делопроизводства в сельском совете. Это указывает на то, что руководство страны, несмотря на приоритет политического образования, вполне трезво осознавало, что только политическими лозунгами поднять эффективность сельского хозяйства не получится, и стремилось дать будущим руководителям определенный набор практических знаний, умений и навыков (110 часов или 25,6% от общей нагрузки для трехмесячных курсов, 95 часов или 42,1% для одномесячных).

К третьей группе нами отнесены общеобразовательные предметы, такие как: белорусский язык, математика, география. Как видим, достаточно большое количество часов было выделено только в пределах трехмесячных курсов (141 час или 28,9%), в то время как на одномесячных курсах, в условиях дефицита времени на обучение, изучалась только математика в объеме 25 часов (11,3%), как дисциплина, имеющая практическое значение.

Кроме этого, ежедневно проводилось политическое информирование в объеме 0,5 часа, еженедельно по выходным – занятия по современной художественной литературе и способах ее популяризации среди населения, действовали музыкальный, хоровой и физкультурный кружки. Также в период обучения курсанты 5 раз посетили демонстрацию художественного фильма и один раз – постановку в театре¹⁵.

После прохождения теоретического курса все курсанты были направлены для прохождения практики¹⁶. Примечательно, что практика была связана с таким общественно-политическим событием, как перевыборы в сельские советы в конце 1934 г., и курсанты имели возможность лично принять участие в их организации, применяя полученные теоретические знания. По итогам практики в МСПШ были направлены сведения из районных исполнительных комитетов о ее результативности и личном вкладе курсантов в проведение данного мероприятия. Например, в характеристике Квартальной А.Р. было указано «Тав. Квартальная Наста прыбыла у Трылесінскі с/с Быхаўскага р-на І/Х і прабыла у с/с да 27/ХІ. За гэты час т. Квартальная Н. прымала актыўны удзел у перавыборах с/с, льнозагатоўках і іншых гаспадарчых і палітычных кампаніяў»¹⁷.

Обучение в декабре 1934 г. завершилось сдачей экзаменов, итоги которых представлены в таблице 6.

Таблица 6. – Сведения об итогах сдачи выпускных экзаменов курсантами МСПШ

Отметка	Трехмесячные курсы	Одномесячные курсы	Всего	% от общего количества
отлично	7	13	20	25
хорошо	12	5	17	21,25
удовлетворительно	18	20	38	47,5
неудовлетворительно	2	3	5	6,25

Таким образом, 93,75% (75 человек) закончили курсы успешно, усвоив материал на отметку «отлично», «хорошо» и «удовлетворительно», что говорит о высоком качестве преподавания в МСПШ. Значительное количество удовлетворительных и неудовлетворительных отметок – 43 (53,75%) вполне можно объяснить изначально невысоким уровнем образованности курсантов, о чем мы писали выше, не позволявшем им в полной мере овладеть программой курсов. По итогам обучения выпускники были рекомендованы педагогическим коллективом школы для назначения на следующие должности: председатель сельского совета – 37 человек (46,25%), заместитель председателя сельского совета – 20 человек (25%), руководитель секции – 1 человек (1,25%), руководитель депутатской группы – 11 человек (13,75%). 11 человек (13,75%) были откомандированы в распоряжение районных исполнительных комитетов или сельских советов¹⁸.

В духе времени, от имени выпускников было подготовлено письмо на имя первого секретаря ЦК КП(б)Б Н.Ф. Гикало и председателя ЦИК БССР А.Г. Червякова, в котором они заявили, что «Узброіўшыся МАРКСІЗМАМ-ЛЕНІНІЗМАМ, мы зараз сталі яшчэ больш баяздольны у барацьбе за ажыццяўленне пастаўленых перад намі партыйай задач. Мы завяраем ЦК і ЦВК, што з ўкладзенымі на нас задачамі на практычнай рабоце, у барацьбе з класавым ворагам таксама справімся па бальшавіцку. НЯХАЙ ЖЫВЕ КОМУНІСТЫЧНАЯ ПАРТЫЯ. НЯХАЙ ЖЫВЕ ПРАВАДЫР СУСВЕТНАГА ПРАЛЕТАРЫЯТА тав. СТАЛІН. НЯХАЙ ЖЫВУЦЬ САВЕТЫ, ЯК ФОРМЫ ПРАЛЕТАРСКОЙ ДЫКТАТУРЫ»¹⁹.

¹⁵ На курсантаў курсаў Ц.В.К. Старшынь с/саветаў пры Магілёўскай Совпартшколе імя “Варашылава” – месячных курсаў набору І/ХІІ-34г. і 3-х месячных набору І/ХІ-34 года // ГАООМГО. – Ф. 6625. Оп. 1. Д. 65. – Л. 47–60.

¹⁶ Пасведчанне Сабалеўскай В.А. ад 30.10.1934 г. // ГАООМГО. – Ф. 6625. Оп. 1. Д. 65. – Л. 22.

¹⁷ Характэрыстыка Квартальнай А. ад 27.11.1934 г. // ГАООМГО. – Ф. 6625. Оп. 1. Д. 65. – Л. 15.

¹⁸ Матэрыялы па правядзенню 3-х месячных і 1-месячных курсаў па падрыхтоўцы і перападрыхтоўцы жанчын-старшынь с/саветаў ад 15 студзеня 1935 г. // Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМГО). – Ф. 6625. Оп. 1. Д. 65. – Л. 4.

¹⁹ Письмо в ЦК КП(б)Б тов. Гикало и ЦВК тов. Червякову // Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМГО). – Ф. 6625. Оп. 1. Д. 65. – Л. 60.

Закключение. Несмотря на ряд трудностей, связанных с дефицитом в БССР кадров с высоким уровнем образованности, опытом практической работы, достаточной политической подготовкой, организация и проведение курсов женщин-председателей сельских советов на базе МСПШ позволили в короткие сроки создать в масштабах республики определенный резерв кадров для замещения низовых руководящих должностей в сельском хозяйстве из числа местного населения, лояльных действующей власти и способных к претворению в жизнь проводимых в стране реформ. При этом, несмотря на приоритет политического образования, обучающиеся получали значительный объем практических знаний, умений и навыков, закрепляя их в период обучения обязательным прохождением практики в органах советской власти. Перечень и объем изучаемых курсантами дисциплин продемонстрировал понимание руководством страны того, что только политическим образованием повысить уровень эффективности сельского хозяйства невозможно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ширяева, М. Ю. К вопросу о становлении образования взрослых в Беларуси в советский период // Бел. гос. мед. ун-т. – URL: <https://www.bsmu.by/upload/iblock/be3/9t9jpf3p6pbkxvkah31xb97vfy6gcof0/201405061246119.pdf> (дата обращения: 10.12.2025).
2. Хомич Д.А. Вклад Республиканской партийной школы в подготовку руководящих кадров БССР в 1946–1948 гг. // Пичетовские чтения – 2024. История: наука, образование, память: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию ист. фак. Бел. гос. ун-та, Минск, 25 окт. 2024 г. / Бел. гос. ун-т; редкол.: А. Г. Кохановский (гл. ред.) [и др.]. – Минск: БГУ, 2024. – С. 400–403.
3. Яковчук В.И. Подготовка управленческих кадров в БССР в 1940 – 1970-е гг. // Вышэйшая школа. – 2020. – № 6. – С. 47–51.
4. Иларионова Т.С. Высшая партийная школа при ЦК КПСС – кузница послевоенных партийных кадров (1946–1991 гг.) // Вестник государственного и муниципального управления. – 2024. – № 1(51). – С. 81–101.
5. Острога В.А. Исследовательская и образовательная деятельность в сфере новой и новейшей истории зарубежных стран в Минской высшей партийной школе при ЦК КПБ (1941–1991 гг.) // Труды БГТУ. – 2008. – № 5. История, философия, филология. – С. 137–140.
6. Мамышева Е.П. Материально-бытовые условия жизни учащихся советской партийной школы в 1930-е гг. (на материалах Хакасской автономной области) // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 6. Ч. 2. – С. 121–123.

Поступила 05.01.2026

THE ACTIVITIES OF SOVIET-PARTY SCHOOLS IN TRAINING WOMEN AS CHAIRMEN OF VILLAGE COUNCILS IN 1934 (USING THE EXAMPLE OF THE MOGILEV SOVIET-PARTY SCHOOL NAMED AFTER K.E. VOROSHILOV)

A. TSIUTSIUNKOU

(Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus)

This article examines the experience of organizing short-term courses for female village council chairpersons at Soviet-Party schools (using the K.E. Voroshilov School in Mogilev as an example). It argues that this approach allowed the BSSR leadership, within a limited timeframe, to develop a pool of local agricultural leaders with sufficient political and practical training and the ability to effectively implement the country's reforms. Despite the priority given to political education, students acquired a significant amount of practical knowledge, skills, and abilities, consolidating these during their training through mandatory internships with Soviet authorities.

Keywords: Mogilev Soviet-Party School, village council, collectivization, training.

УДК 39(476-22)(091)+316.343:63-051(476)(091)

DOI 10.52928/2070-1608-2026-79-3-63-66

КАНФЛІКТ ЗВЫЧАЁВЫХ ПРАКТЫК І ПРАВАВЫХ НОРМАЎ У ПАСЛЯВАЕННАЙ БЕЛАРУСКАЙ ВЁСЦЫ (ПА МАТЭРЫЯЛАХ СУДОВЫХ СПРАЎ, КАЛГАСНЫХ ПРАТАКОЛАЎ І ЭТНАГРАФІЧНЫХ КРЫНІЦ)¹*канд. гіст. навук, дац. А.В. СУМКО**(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт імя Еўфрасінні Полацкай)*ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9940-0236>

Разглядаюцца канфлікты паміж традыцыйнымі звычаёвымі практыкамі і прававымі нормаў у пасляваеннай беларускай вёсцы на падставе аналізу судовых спраў, калгасных пратаколаў і этнаграфічных крыніц. Крыніцы сведчаць пра неадназначнасць кваліфікацыі аднолькавых дзеянняў сялян на ўзроўні калгаснай грамады і праваахоўных органаў. Паказана, што рэлігійна-абрадавыя і патрыярхальна-сямейныя практыкі працягвалі рэгуляваць паводзіны вяскоўцаў і ўступалі ў супярэчнасць з дзяржаўнымі прававымі навацямі (Указы 1947 – 1948 гг.) у сферах землекарыстання, працоўнай дысцыпліны і сямейных адносін. Трансфармацыя традыцыйнай культуры разглядаецца як працэс, у якім звычай прыстасоўваўся да новых сацыяльна-эканамічных умоў, захоўваючы знешнюю форму.

Ключавыя словы: пасляваенная вёска, прававое рэгуляванне, традыцыйная культура, сялянскі светапогляд.

Уводзіны. У кантэксце трансфармацыйных працэсаў у культуры беларусаў другой паловы ХХ ст. асабліва цікавае ўяўляе пасляваенны перыяд – час не толькі матэрыяльнага аднаўлення гаспадаркі, але і істотнай змены сістэмы сацыяльнага рэгулявання на вёсцы. Аграрная палітыка дзяржавы ў 1946–1948 гг. знайшла адлюстраванне ў шэрагу заканадаўчых актаў, накіраваных на ўзмацненне кантролю над сельскагаспадарчай вытворчасцю і паводзінамі сялянства. Гэтыя акты распрацоўваліся на агульнасаюзным узроўні, а органы ўлады і кіравання рэспублікі вызначалі канкрэтныя меры па іх рэалізацыі. Аднак пры гэтым захоўваўся разрыў паміж фармальнымі прававымі нормаў, якія дзяржава імкнулася зрабіць універсальнымі, і традыцыйнымі сацыяльнымі практыкамі, якія працягвалі рэгуляваць паводзіны сялян.

Мэта артыкула – на падставе судова-следчых матэрыялаў, калгасных пратаколаў і этнаграфічных крыніц разгледзець канфлікты паміж традыцыйнымі звычаёвымі практыкамі і прававымі нормаў у пасляваеннай беларускай вёсцы, а таксама выявіць, якім чынам адбывалася ўзаемадзеянне гэтых дзвюх сістэм рэгуляцыі ў канкрэтных жыццёвых сітуацыях.

Тэарэтыка-метадалагічнай асновай даследавання з’яўляецца канцэпцыя мадэрнізацыі, якая найбольш падыходзіць для разумення трансфармацыйных працэсаў у беларускай вёсцы. Як паказвае С.М. Ходзін у манаграфіі “Беларуская вёска ў міжваенны час: шляхі і формы савецкай мадэрнізацыі”, важнейшымі складнікамі традыцыйнага сялянскага светапогляду з’яўляліся праца, зямля і вера [1]. Для разумення пасляваенных канфліктаў паміж звычайам і законам важна ўлічваць выснову аўтра аб тым, што сельскі свет у міжваенны перыяд, нягледзячы на ўсе захады дзяржавы, не быў канчаткова расколаты: элементы адносін, сфарміраваных у грамадстве, традыцыйныя інстытуты працягвалі дзейнічаць [1, с. 227]. Мадэрнізацыйныя працэсы былі перарваны Вялікай Айчыннай вайной, якая ўзмацніла ролю традыцыйных механізмаў самарэгуляцыі. Пры гэтым ужо з пачатку 1930-х гг., з узмацненнем дзяржаўнага рэгулявання ў аграрнай сферы назіраўся аб’ектыўны канфлікт паміж мясцовымі звычаямі і агульнадзяржаўнымі нарматывамі. У пасляваенны час задача забеспячэння харчавання краіны патрабавала яшчэ большага кантролю над сельскагаспадарчай вытворчасцю, што знайшло адлюстраванне ва Указах 1947 – 1948 гг. Аднак іх рэалізацыя на мясцовым узроўні выявіла супярэчнасці: сяляне працягвалі прытрымлівацца традыцыйных форм гаспадарання, якія не заўсёды супадалі з фармальнымі прававымі нормаў. Гэта прыводзіла да сітуацый, калі адзін і той жа ўчынак мог атрымаць розную ацэнку – ад “рэлігійнага перажытку” да “крадзяжу”, у залежнасці ад таго, на якім узроўні і кім ён разглядаўся.

Метадалагічна даследаванне грунтуецца на прынцыпах мікрагісторыі і гісторыі паўсядзённасці, якія дазваляюць праз аналіз канкрэтных судовых спраў рэканструяваць карціну свету і матывацыю паводзінаў сялянства.

У якасці крыніц выступаюць судова-следчыя матэрыялы, пратаколы калгасных сходаў, дакументы мясцовых органаў ўлады, этнаграфічныя матэрыялы.

Асноўная частка. Сялянскі светапогляд у пасляваенны перыяд, нягледзячы на рэгіянальныя і сацыяльна-эканамічныя адрозненні беларускай вёскі, захоўваў агульныя асновы, якія канкрэтызаваліся ў трываласці звычаёвых практык, патрыярхальным сямейным ладзе і ўспрыманні зямлі як асновы выжывання. Менавіта гэтыя ўстойлівыя рысы вызначалі рэакцыю сялянства на дзяржаўныя навацыі. Пры гэтым, як паказвае С.М. Ходзін, ужо ў 1920-я гг. у паўсядзённым жыцці вёскі з’яўляліся рысы новага ўкладу, паступова змянялася свядомасць сялян, выпрацоўваліся новыя светапоглядныя арыентацыі. Аднак гэтыя змены не азначалі поўнага разрыву

¹ Артыкул падрыхтаваны ў межах выканання тэмы ГБ 1926 «Святочна-абрадавая культура і фальклор беларусаў Падзвіння ў другой палове ХХ – пачатку ХХІ ст.».

з традыцый, яны, хутчэй, накладаліся на яе, ствараючы складанае спалучэнне старога і новага, якое ў пасляваенны час выявілася ў канфліктах паміж звычайнымі практыкамі і прававымі навацыямі.

Адным з вызначальных фактараў, якія абумовілі стан пасляваеннай вёскі, сталі наступствы Вялікай Айчыннай вайны. Яны былі катастрофічнымі для ўсёй Беларусі. У “Спісе сельскіх населеных пунктаў Беларусі, знішчаных нямецкімі акупантамі і іх пасобнікамі цалкам і часткова”, падрыхтаваным супрацоўнікамі Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь, змешчана інфармацыя пра 10 586 сельскіх населеных пунктаў [2, с. 9]. Генеральная пракуратура Беларусі праводзіць улік пацярпелых населеных пунктаў, у якіх была знішчана хаця б адна хата. Згодна з гэтым улікам на 1 ліпеня 2025 г. у Беларусі пацярпела, было знішчана цалкам і часткова 12 868 сельскіх населеных пунктаў [2, с. 9]. Розніца ў лічбах тлумачыцца рознымі крытэрыямі падліку: спіс НАРБ улічвае цалкам знішчаныя паселішчы; да часткова знішчаных аднесены тыя, у якіх было знішчана не менш за 25% жыллёвага фонду або 20 і больш дамоў, незалежна ад іх агульнай колькасці [3, с. 10]. На сённяшні час праца па ўдакладненні сабранай інфармацыі працягваецца.

Чалавечыя і матэрыяльныя страты, скарачэнне пасяўных плошчаў і падзенне ўраджайнасці адмоўна адбіліся на стане пасляваеннай вёскі. Сітуацыю ўскладнялі неўрадлівыя гады, якія прывялі да вострага дэфіцыту харчавання. У гэтых умовах дзяржава вымушана была ўзмацніць кантроль над размеркаваннем прадуктаў і спыніць крадзяжы, якія набылі значныя памеры. Рэакцыяй на сітуацыю ў краіне стаў Указ Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР ад 4 чэрвеня 1947 г. “Аб адказнасці за раскраданне сацыялістычнай маёмасці”. Паводле даных пракуратуры па Віцебскай вобласці большасць спраў, узбуджаных па гэтым Указе, была звязана з дробнымі крадзяжамі падчас уборкі ўраджаю².

Матэрыялы судова-следчых органаў сведчаць аб тым, што не заўсёды неспрыяльная жыццёвая сітуацыя становілася прычынай падпадання сялян пад дзеянне Указа ад 4 чэрвеня 1947 г.. У шэрагу выпадкаў сістэма каштоўнасцей і карціна свету вясцоўцаў не супадала з сістэмай каштоўнасцей уладнай вертыкалі і новай культурнай мадэлю. Крыніцы сведчаць аб тым, што рэакцыя на адзін і той жа ўчынак у пасляваеннай вёсцы была неадназначнай. Характэрны выпадак адбыўся з жанчынай, якая была асуджана па артыкуле 3 Указа за крадзеж аднаго снапа калгаснага жыта. З матэрыялаў справы вынікала, што жанчына ў першы дзень жніва ўзяла пры ўсіх так званыя “зажынкі” – сноп жыта і паставіла яго перад іконай у сваёй хаце³. У традыцыйнай сялянскай культуры жніва ўспрымалася як найважнейшы этап гадовага цыклу, які падводзіў вынік усёй шматдзённай працы. Пачатак і заканчэнне ўборкі ўраджаю здаўна ўрачыста адзначаліся не толькі ў кожнай сям’і, але і ўсёй сельскай грамадой. У першы дзень жніва жнеі апаналіся ў чыстае адзенне, збіраліся і ішлі на ніву хутка, бо, лічылася, што гэта спрыяе хуткаму выкананню жніўных работ. Па дарозе зажынальніцы, а гэта былі гаспадыня з дачкамі і нявесткамі, асцерагаліся, каб ніхто не перайшоў дарогу. У некаторых месцах першы сноп, які называўся “гаспадар-сноп”, жала гаспадыня, у іншых – яе дачкі і нявесткі. Зажыначны сноп захоўваўся ў кожнай сялянскай хаце на покуце да дажынак [4, с. 508].

Гэтае дзеянне, якое ў традыцыйнай сістэме каардынат мела сакральны сэнс, у новай нарматыўнай сістэме атрымала прынцыпова іншую інтэрпрэтацыю. На ўзроўні індывідуальнага светапогляду жанчына захоўвала традыцыйную мадэль паводзінаў, дзе рытуал быў абавязковым элементам гаспадарчага цыклу, а само дзеянне не было крадзежам у яе ўласнай сістэме каштоўнасцей. Яна дзейнічала як захавальніца звычаю, які рэгуляваў адносіны чалавека з зямлёй і грамадой на працягу стагоддзяў. Аднак у пасляваенны час гэтая традыцыя сутыкнулася з новымі рэаліямі калгаснай вытворчасці. Зямля страціла статус “сваёй”, а сноп – сваё сакральнае значэнне. Як сведчаць палявыя этнаграфічныя матэрыялы, у калгасных умовах “зажынкі” не зніклі, але трансфармаваліся: галоўнымі выканаўцамі сталі не жанчыны-гаспадыні ў коле сям’і, а працоўныя брыгады. Адна з рэспандэнтак узгадвала, што падчас збору ўраджая святочна прыбраныя жанчыны зразалі некалькі небольшэнных снапоў жыта і адзін з іх адносілі ў праўленне калгасу⁴. Рытуал захоўваў сваю знешнюю форму, але яго адрасат змяніўся: першы сноп перадавалі не гаспадару поля, які ён ставіў на покуць, а старшыні калгаса. Гэта сведчыць аб тым, што калгасная грамада паступова пераасэнсоўвала традыцыйныя звычаі, надаючы ім новае, “савецкае” гучанне.

Рэакцыя на ўчынак жанчыны была неадназначнай. На ўзроўні калгаснай грамады гэты ўчынак быў асуджаны як “рэлігійны перажытак”, але грамада не ініцыявала крымінальнага пераследу. Гэта сведчыць аб тым, што калгаснікі ўжо інтэрналізавалі новую ідэалогію (што пацвярджае факт асуджэння), аднак захоўвалі элементы традыцыйнай салідарнасці, якія не дапускалі перадачы аднавяскоўца ў рукі праваахоўнай сістэмы. Грамада выконвала функцыю “фільтра”, які пераўтвараў абрадавае дзеянне ў ідэалагічны казус, але не дазваляў яму стаць юрыдычным. На ўзроўні праваахоўных органаў выявілася ўнутраная разнастайнасць новай сістэмы. Міліцыя настойвала на поўным прымяненні Указа ад 4 чэрвеня 1947 г., кваліфікуючы ўчынак як крадзеж сацыялістычнай маёмасці. Аднак пракуратура, правёўшы праверку, вызваліла жанчыну ад адказнасці. Гэта дэманструе, што нават у межах дзяржаўнага апарату існавалі розныя падыходы да таго, як узаемадзейнічаць з традыцыйнымі практыкамі.

Такім чынам, разгледжаны прыклад паказвае, што трансфармацыя святочна-абрадавай культуры ў пасляваенны час не была аднанакіраванай. Яна ўяўляла сабой працэс, у якім традыцыйныя практыкі сутыкаліся з новай

² Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (далей – ДАВВ). – Ф. 2926. Воп. 2. Спр. 28. – Л. 343.

³ ДАВВ. – Ф. 2926. Воп. 2. Спр. 28. – Л. 377.

⁴ Архіў Цэнтра вуснай гісторыі і палявых даследаванняў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Еўфрасінні Полацкай (Архіў ЦВГ ПДУ імя Еўфрасінні Полацкай). – Ф. 2. Воп. 7. Спр. 5.

нарматыўнай сістэмай, але апошня яшчэ не была маналітнай: розныя інстытуцыі (міліцыя, пракуратура, калгасны сход) прапаноўвалі свае версіі рэакцыі. Вызваленне жанчыны ад адказнасці не азначала прызнання абраду легітымным, але сведчыла аб тым, што новая сістэма была вымушана адаптавацца да рэальнай традыцыйнага грамадства, уносячы элементы гнуткасці ў правапрымяненне. Гэта адаптацыя была часткай больш шырокага працэсу савецкай мадэрнізацыі, якая закранала не толькі традыцыйны сялянскі спосаб гаспадарчых адносін, але і сямейныя каштоўнасці, механізмы сацыялізацыі і культурнай пераафармлення.

Калектывізацыя трансфармавала вытворчыя адносіны на сяле, змяніўшы традыцыйнае размеркаванне працоўных роляў, а разам з гэтым і сацыяльны статус жанчын. Дэмаграфічная сітуацыя пасля вайны істотна паўплывала на поларолевую ідэнтыфікацыю: дзяленне на “мужчынскія” і “жаночыя” прафесіі значна нівеліравалася, а недахоп кадраў вымушаў вылучаць жанчын на кіруючыя пасады ў сельсаветах і калгасах. Біяграфічныя наратывы пра пасляваенную рэчаіснасць таксама фіксуюць гэтую асаблівасць. Так, за Асвейшчынай у калектывізацыйнай памяці насельніцтва рэгіёну замацавалася ўспрымання яе, як “жаночая рэспубліка”⁵, бо амаль усе ключавыя пасады займалі жанчыны, нават пасаду пракурора. Па меркаванні даследчыкаў, менавіта на пасляваенны перыяд прыпадае кардынальны слом традыцыйнай сельскай культуры, калі змяняюцца ўяўленні жанчын пра сваю сацыяльную ролю і месца ў сацыяльнай структуры [5, с. 193, 200]. Аднак у сферы сямейных адносін традыцыйныя ўяўленні захоўвалі ўстойлівасць, што стварала яшчэ адну зону канфлікту. Асаблівую вострасць гэты канфлікт набыў у сувязі з прыняццем Указа Прэзідыума Вярхоўнага Савета СССР ад 2 чэрвеня 1948 г. “Аб высяленні ў аддаленыя раёны краіны асоб, якія злосна ўхіляюцца ад працоўнай дзейнасці ў сельскай гаспадарцы і вядуць антыграмадскі паразітычны лад жыцця”. Яго рэалізацыя на мясцовым узроўні сутыкнулася з супраціўленнем з боку тых сялян (пераважна мужчын-гаспадароў), для якіх традыцыйны сямейны ўклад прадугледжваў, што менавіта яны прымаюць рашэнні аб працы членаў сям’і. Гэта пацвярджаецца матэрыяламі калгасных сходаў. Так, у адным з выпадкаў брыгадзір калгаса, апаніруючы сакратару райкама, прывёў наступныя аргументы супраць селяніна: “...не участвует в колхозном труде и жене не разрешает. Я, как бригадир, дважды имел угрозы от него: "если будешь посылать жену на работу – я тебя убью!" Однажды его жене был дан наряд ночью сторожить колхозных свиней, она пришла домой, а он дверь замкнул и в дом ее не пустил – за то, что она пошла на колхозную работу”⁶.

Адміністрацыйны ўплыў на сялянскую гаспадарку ў пасляваенны час не абмяжоўваўся канфліктамі вакол абрадавых практык або працоўнай дысцыпліны, ён закранаў і больш фундаментальныя асновы існавання. З пачатку 20 стагоддзя звязвалася ў свядомасці селяніна з родам, вечнасцю, працу на зямлі вясковец лічыў самай значнай [1, с. 201]. А прымаючы да ўвагі складаную пасляваенную эканамічную рэчаіснасць, для некаторых яна была адзінай крыніцай жыццезабеспячэння. Імкненне захаваць і пашырыць зямельныя надзелы прыводзіла да практык, якія знаходзіліся на мяжы закону. Сярод іх – захоп калгаснай зямлі, які лічыўся сур’ёзным парушэннем сельскагаспадарчага статута, а таксама практыка ўяўных раздзелаў сям’яў, калі на паперы людзі былі разведзены, а на самой справе вялі сумесную гаспадарку і мелі прысядзібны ўчастак, разлічаны на двух “самотных” калгаснікаў. Гэта было характэрна як для сялян-аднаасобнікаў (дзе такая практыка дазваляла пазбегнуць занясення да катэгорыі кулакоў), так і для калгаснікаў (для якіх яна давала магчымасць атрымаць больш зямлі)⁷. Такія з’явы фіксуюць як матэрыялы палявых экспедыцый, так і дакументы органаў дзяржаўнай улады і кіравання – па выніках праверак разбазарвання грамадскай зямлі на карысць асабістых гаспадарак выяўляліся шматлікія выпадкі падобных парушэнняў.

Прымяненне карных мер за парушэнні землекарыстання было нераўнамерным і шмат у чым залежала ад пазіцыі калгаснага кіраўніцтва ўсіх узроўняў, якое, з’яўляючыся арганічнай часткай сельскага сацыуму, мела ўласнае разуменне тагачаснай жыццёвай сітуацыі. У адных раёнах за захоп калгаснай зямлі прыцягвалі да адказнасці ў масавым парадку, у іншых – нязначную колькасць сялян, нягледзячы на шматлікія выпадкі парушэнняў асноў калгаснага землекарыстання⁸. Гэтая нераўнамернасць фарміравала ў сялян розныя ўяўленні пра дапушчальнае і ступень рызыкі.

Дакументы справаводства органаў дзяржаўнай улады і кіравання фіксуюць выпадкі, калі рэакцыя на адміністрацыйныя меры набывала экстрэмальныя формы. Напрыклад, у Хоцімскім раёне Магілёўскай вобласці ў калгасніка вясной 1948 г. абрэзалі прысядзібны надзел за тое, што ён не выпрацаваў абавязковы мінімум працадзён. Пасля гэтага ён скончыў жыццё самагубствам. Прычым пазней гэта было прызнана памылкай⁹. Гэты выпадак выходзіць за межы простага эканамічнага матывацыі. У традыцыйнай сялянскай культуры прысядзібны надзел выконваў функцыі, якія не зводзіліся да гаспадарчага выкарыстання. Ён выступаў неад’емным элементам сістэмы жыццезабеспячэння, дзе матэрыяльны і сімвалічны аспекты былі цесна ўзаемасвязаны. Зямля вакол хаты ўспрымалася як працяг жыллёвай прасторы, як месца, якое забяспечвала не толькі фізічнае выжыванне, але і сацыяльную ідэнтыфікацыю гаспадара, яго сувязь з сям’ёй і грамадой. У гэтым кантэксце самагубства можа разглядацца як крайняя форма рэакцыі на разбурэнне традыцыйнай сістэмы каардынат, калі страта кантролю над уласнай гаспадарчай прасторай успрымалася як страта асновы існавання ў цэлым.

⁵ Архіў ЦВГ ПДУ імя Еўфрасінні Полацкай. – Ф. 2. Воп. 3. Спр. 2.

⁶ Занальны дзяржаўны архіў горада Полацка. – Ф. 129. Воп. 8. Спр. 26. – Л. 16.

⁷ ДАВВ. – Ф. 7. Воп. 1. Спр. 11.

⁸ Дзяржаўны архіў Магілёўскай вобласці. – Ф. 217. Воп. 7. Спр. 118. – Л. 145.

⁹ Дзяржаўны архіў грамадскіх аб’яднанняў Магілёўскай вобласці. – Ф. 9. Воп. 9. Спр. 171. – Л. 50.

Заклучэнне. Прававыя навацыі 1947–1948 гг. былі накіраваны на ўніфікацыю сацыяльных паводзін. Заканадаўчыя акты гэтага перыяду прадугледжвалі крымінальную адказнасць не толькі за канкрэтныя дзеянні, але і за пэўны лад жыцця (ухіленне ад калгаснай працы). Аналіз судовых-следчых матэрыялаў паказвае, што традыцыйныя нарматыўныя сістэмы – рэлігійна-абрадавыя практыкі, патрыярхальныя сямейныя адносіны і ўспрымання зямлі як асновы жыцця – працягвалі рэгуляваць паводзіны сялян, уступаючы ў супярэчнасць з дзяржаўнымі прававымі нормаў. Пры гэтым трансфармацыя мела двухбаковы характар: дзяржава імкнулася падпарадкаваць традыцыю, а сяляне, у сваю чаргу, прыстасоўвалі звычаі да новых умоў, захоўваючы іх знешнюю форму (найбольш паказальны прыклад – адаптацыя абраду зажынак, калі снопы адносілі ў праўленне калгаса). Аднак такая адаптацыя адбывалася не ва ўсіх сферах: у выпадках, дзе закранаўся сямейны ўклад (Указ 1948 г.) або статус зямлі (самагубства пасля скарачэння надзеяў), канфлікт заставаўся невырашаным.

Такім чынам, перыяд пасляваеннага аднаўлення ў беларускай вёсцы характарызаваўся супярэчнасцю паміж мэтай дзяржаўнага будаўніцтва і сістэмай каштоўнасцей арыенціраў мясцовай сялянскай супольнасці. Гэта супярэчнасць з’яўляецца знакавай рысай трансфармацыйных працэсаў і заслугоўвае далейшага даследавання ў кантэксце гістарычнай антрапалогіі і сацыяльнай гісторыі Беларусі.

ЛІТАРАТУРА

1. Ходзін С.М. Беларуская вёска ў міжваенны час: шляхі і формы савецкай мадэрнізацыі (1921 – 1939). – Мінск : БДУ, 2014. – 240 с.
2. Без срока давности: Беларусь: Преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории БССР в годы Великой Отечественной войны: Уничтожение нацистами белорусских деревень, 1941–1944 гг.: сб. архив. док. и материалов / сост.: В.Д. Селеменев (отв. сост.) [и др.]; редкол.: А.К. Демянюк (отв. ред.). – Минск: НАРБ, 2025. – 1200 с.
3. Без срока давности. Беларусь: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на территории БССР в годы Великой Отечественной войны: документы и материалы / сост.: В.Д. Селеменев (рук.) [и др.]; редкол.: А.К. Демянюк (отв. ред.). – Минск: Беларусь, 2024. – 607 с.
4. Беларусы. Т.6. Грамадскія традыцыі / В.Ф. Бацяеў, В.М. Бялявіна, А.У. Гурко і інш.; рэдкал.: В.М. Бялявіна і інш.; Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі. – Мінск: Бел. навука, 2002. – 616 с.
5. Хасянов О.Р. Повседневная жизнь советского крестьянства периода позднего сталинизма. 1945 – 1953 гг. – М.: Политическая энциклопедия, 2018. – 359 с.

Паступіў 12.04.2026

КОНФЛИКТ ТРАДИЦИОННЫХ ПРАКТИК И ПРАВОВЫХ НОРМ В ПОСЛЕВОЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ДЕРЕВНЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНЫХ ДЕЛ, КОЛХОЗНЫХ ПРОТОКОЛОВ И ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ)

канд. ист. наук, доц. Е.В. СУМКО

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

На основе анализа судебных дел, колхозных протоколов и этнографических источников рассматриваются конфликты между традиционными практиками и правовыми нормами в послевоенной белорусской деревне. Источники свидетельствуют о неоднозначности квалификации одних и тех же действий крестьян на уровне колхозной общины и правоохранительных органов. Показано, что религиозно-обрядовые и патриархально-семейные практики продолжали регулировать поведение сельчан и вступали в противоречие с государственными правовыми новациями (Указы 1947–1948 гг.) в сферах землепользования, трудовой дисциплины и семейных отношений. Трансформация традиционной культуры рассматривается как процесс, в котором обычаи адаптировались к новым социально-экономическим условиям, сохраняя внешнюю форму.

Ключевые слова: послевоенная деревня, правовое регулирование, традиционная культура, крестьянское мировоззрение.

THE CONFLICT BETWEEN CUSTOMARY PRACTICES AND LEGAL NORMS IN THE POST-WAR BELARUSIAN VILLAGE (BASED ON COURT RECORDS, COLLECTIVE FARM PROTOCOLS, AND ETHNOGRAPHIC SOURCES)

A. SUMKO

(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article examines conflicts between traditional customary practices and legal norms in the post-war Belarusian countryside, based on an analysis of court records, collective farm protocols, and ethnographic sources. The sources reveal an ambiguity in the qualification of identical peasant actions at the level of the collective farm community and law enforcement agencies. It is shown that religious-ritual and patriarchal-family practices continued to regulate the behaviour of rural residents and came into contradiction with state legal innovations (Decrees of 1947–1948) in the spheres of land use, labour discipline, and family relations. The transformation of traditional culture is considered as a process in which customs adapted to new socio-economic conditions while preserving their external form.

Keywords: post-war village, legal regulation, traditional culture, peasant worldview.

УДК 908(476)+371(091)"1953/1958"

DOI 10.52928/2070-1608-2026-79-3-67-69

**ПОЛОЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ В 1953–1958 гг.:
РЕЗУЛЬТАТЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ И НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ,
СТУДЕНЧЕСТВО И ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ СОСТАВ**

канд. ист. наук, доц. Н.В. ДОВГЯЛО

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье рассматриваются основные направления деятельности Полоцкого педагогического института с 1953 по 1958 гг., а именно организация образовательного процесса, кадровая, научно-исследовательская работа. Проанализирована контрольно-отчетная документация относительно деятельности института. Дана характеристика студенческого контингента и кадрового состава института в 1953–1958 гг.

Ключевые слова: история педагогики, БССР, Полоцкий педагогический институт, архивные материалы.

Введение. Полоцкий государственный педагогический институт был открыт на основании Постановления Совета Министров БССР от 16 февраля 1953 г. № 178 «Об организации Полоцкого педагогического института». Непосредственно в документе есть прямая ссылка на вышестоящее решение: «В соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 29 октября 1952 года № 28383-р». В Постановлении были обозначены факультеты, а также квоты для первого набора студентов: «установить контингент приема на первый курс Полоцкого педагогического института в 1953 году – 200 человек, в том числе на факультет физики и математики – 100 человек, на факультет русского и белорусского языка и литературы – 100 человек»¹. В первый год работы Полоцкого педагогического института действовало два факультета: филологический и физико-математический, на которых обучалось 208 студентов².

Анализ студенческого контингента. Источником представленных социально демографических данных стали отчеты о работе института за первые годы его существования. Изучение социального состава послевоенного студенчества позволяет понять, каким образом формировалась послевоенная советская интеллигенция. Как обозначает в своем исследовании А.М. Шацкая, в советские годы в группу «рабочие» включались все те, кто был занят наемным, преимущественно физическим, трудом, к группе «крестьяне» относились те, кто занимался сельскохозяйственным трудом, группа «служащие» включала в себя врачей, юристов, учителей, административных работников [1]. Характеристика социального положения студентов в первые два года деятельности Полоцкого педагогического института представлена в таблице 1.

Таблица 1. – Социальное положение студентов Полоцкого пединститута в 1954–1958 гг.³

Социальное положение	1954–1955	1955–1956
Дети рабочих	81	106
Колхозников	203 (50, 75%)	262 (49%)
Служащих	116	168

Как видим, фиксируется явное преобладание молодых людей из крестьянских семей. Далее представлена категория служащих, исходя из чего можно сделать вывод о том, что дети, выросшие в семьях, в которых родители занимались интеллектуальным трудом, смотрели на получение высшего образования и, соответственно, схожей с родительской профессией, как на обязательную часть своего жизненного пути.

Если посмотреть на возрастной состав студентов в 1953–1954 учебном году, то заметно, что преобладали учащиеся 18–20 лет (61,54%). При этом доля студентов от 21 до 30 лет тоже была довольно велика – 23,08%. Полная характеристика студентов первого года работы института по возрасту и полу приведена ниже⁴:

- 17 лет – 32 чел. (4 муж., 28 жен.);
- 18 лет – 47 чел. (8 муж., 39 жен.);
- 19 лет – 47 чел. (9 муж., 38 жен.);
- 20 лет – 34 чел. (4 муж., 30 жен.);
- 21–25 лет – 35 чел. (6 муж., 29 жен.);
- 26–30 лет – 13 чел. (2 муж., 11 жен.).

Национальный состав студенчества Полоцкого педагогического института соответствует общей картине национального состава БССР в 1950-х гг. Характеристика национального состава студенчества представлена в таблице 2.

¹ URL: <https://letopis.by/documents/postanovlenie-soveta-ministrov-belorusskoj-ssr-ob-organizacii-poloczkogo-pedagogicheskogo-instituta/>.

² URL: https://www.znv.ru/konkurs2016/6343/1/73054_6343_1_1480358599.pdf.

³ Зональный государственный архив в г. Полоцке (далее – ЗГА в г. Полоцке). – Ф. 632. Оп. 1. Д. 22, Д. 34.

⁴ ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 22.

Таблица 2. – Характеристика национального состава студенчества⁵

Национальность	1954-1955 (400)	1955-1956 (536)	1956-1957 (637)	1957-1958 (563)
белорусы	312	432	529	448
русские	53	61	79	70
евреи	22	27	36	33
поляки	7	10	11	6
украинцы	–	6	2	6

Исходя из данных таблицы 2, в целях подготовки педагогических кадров предпочтение отдавалось абитуриентам коренной национальной принадлежности. В наборах численность белорусов составила от 78% в 1953–1954 уч. г. до 83% в 1956–1957 уч. г.

Результаты учебной и научной деятельности. Сведения об основных направлениях работы института выявлены из анализа планов работы и протоколов заседаний Совета института, а также из отчетов о работе учреждения. В документах фиксируется цикличность (формальный признак налаженного делопроизводства): подведение итогов, планирование следующего этапа. Проанализируем основные направления деятельности института.

Вопросы, связанные с организацией учебного процесса, преобладают в планах, протоколах и другой контрольно-отчетной документации. Обсуждается подготовка и проведение экзаменационных сессий (зимняя, летняя), итоги экзаменов – фиксируется успеваемости, обозначаются причины неудовлетворительных отметок и отчислений студентов. Так, за неуспеваемость по итогам обучения на первом курсе ППИ 5 студентов были отчислены из вуза. Причина – изначально слабый уровень подготовленности студентов, особенно на физико-математическом факультете⁶.

В протоколах заседаний Совета института встречается информация о методах и методиках обучения. Можно зафиксировать факт использования в образовательном процессе активных методов обучения, а именно: фильмы на педагогические темы («Сельская учительница», «Тимур и его команда», «Красный галстук»)⁷, образовательные экскурсии (кафедра физики и математики – чугуно-литейный завод, электростанция, депо, школа механизации сельского хозяйства)⁸. Также регулярно обсуждаются вопросы выполнения учебных планов по дисциплинам и вопросы педагогической практики.

В 1953–1958 гг. институт активно формировал преподавательский корпус. Изначально в институте работало 15 преподавателей (2 кандидата наук, 11 старших преподавателей и 2 ассистента). В 1956–1957 уч. г. насчитывалось 48 педагогов, в числе которых значилось 9 кандидатов наук. За первый год работы ППИ было подготовлено и защищено 3 кандидатские диссертации. Динамика изменения кадрового состава представлена в таблице 3.

Таблица 3. – Динамика изменения кадрового состава Полоцкого пединститута в 1953–1958 гг.

Кадровый состав	1953–1954	1954–1955	1955–1956	1956–1957	1957–1958
Кандидаты наук	2	5	10	11	9
Ст. преподаватели	11	–	–	–	–
Ассистенты	2	–	–	–	–
Всего	15	29	40	48	43

Источник: [2, с. 93].

В контрольно-отчетной документации присутствует информация, которая позволяет определить основные направления кадровой политики института, а именно:

– обсуждение результатов конкурса на замещение вакантных должностей профессорско-преподавательского состава;

– отчеты о работе над кандидатскими диссертациями (ст. преподаватели П.В. Сивицкий, В.М. Казберук, М.Г. Лысенко, И.А. Гордон);

– критика методов работы определенных преподавателей. Так, например, в отчете по итогам работы института за 1953–1954 уч. г. и протоколах заседаний Совета университета за этот же учебный год отмечалось «неудовлетворительное преподавание» курса физики старшим преподавателем А.Ф. Блох⁹, преподаватель курса «Введение в языкознание, кандидат философских наук Чуркин Т.Я читал свои лекции крайне сухо, перед аудиторией выступал как раб написанного текста лекции, не терпел никаких вопросов по содержанию лекции» (жалоба от студентов в министерство просвещения)¹⁰;

– отчеты заведующих кафедрами: кафедра русского и белорусского языков (Г.Н. Клисов); кафедра физики и математики (И.А. Гордон); кафедра психологии, педагогики, физвоспитания и спорта (К.И. Лобедов).

⁵ ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 22, Д. 34, Д. 46, Д. 63.

⁶ ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 11. – Л. 5.

⁷ ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 22. – Л. 50.

⁸ ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 11. – Л. 14.

⁹ ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 11. – Л. 5.

¹⁰ ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 46. – Л. 78.

Планы научно-исследовательской работы института обсуждались и утверждались ежегодно, на каждый учебный год. Уже к декабрю 1955 г. были проведены 2 научные конференции: первая была посвященная 85-летию со дня рождения В.И. Ленина, где было заслушано 11 докладов. Участниками конференции были преподаватели, студенты, учителя школ и общественность города. Вторая научная конференция была приурочена к пятидесятилетию революции 1905–1907 гг.¹¹.

Много внимания уделялось студенческой науке. С первого года деятельности института были организованы студенческие научные кружки. Так, в 1955–1956 уч. г. кафедра русского и белорусского языков организовала 2 студенческих кружка по языкам, на кафедре литературы в 1956–1957 уч. г. было организовано 3 научных кружка: литературно-творческий, зарубежной литературы (38 человек), белорусской литературы¹². На межвузовской областной студенческой научной конференции в 1958–1959 уч. г. научные работы студентов получили высокую оценку. Полоцкому педагогическому институту было присуждено 1 место за работу студенческих научных кружков¹³. Нужно отметить, что, кроме научных кружков, существовали и объединения по интересам: на кафедре физики и математики с 1954 г. был организован фотокружок¹⁴, в 1956–1957 гг. работали хоровой, танцевальный, драматический, струнный, стрелковый, шахматный, физкультурный кружки, в которых участвовало примерно 300 студентов¹⁵.

Нужно отметить, что во многих педагогических вузах республики практически отсутствовала необходимая мебель, оборудование для учебных кабинетов и лабораторий, наглядные пособия (таблицы, коллекции, макеты, препараты), учебная и художественная литература. Полоцкий педагогический институт не стал исключением в этом плане [2, с. 92]. Учёный совет института занимался и материально-техническим обеспечением – кабинеты, библиотека, издание учебных материалов. Руководством вуза многое делалось для улучшения материальной базы. В течение первого года его деятельности книжный фонд ППИ возрос с 5000 до 25 467 изданий, о чем свидетельствуют доклады в протоколах заседаний Совета института, такие как «Состояние работы в учебных кабинетах при кафедрах», «Отчёт о работе библиотеки» (докл. Е.Б. Ермолаева) и т.д.

Заключение Постановление Совета министров БССР о закрытии Полоцкого педагогического институт было принято 11 мая 1959 г. Студенты заканчивали обучение в Витебском педагогическом институте (физико-математический факультет) и Могилевском педагогическом институте (факультет языка и литературы). Студенты, получившие образование, были распределены. Так, например, в соответствии с планом распределения молодых специалистов филологического факультета, закончивших институт в 1957 г., большинство специалистов было распределено в Молодеченскую область (Молодеченский учительский институт был закрыт в 1955 г.), в которую на тот период времени входили Браславский, Глубокский, Миорский и другие районы современной Витебской области. В Гомельскую область был распределен 1 человек, в Витебскую и Гродненскую по 7 человек, 10 человек по различным причинам распределены не были¹⁶ [11, л.1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Штацкая А.М. Социальный состав послевоенного студенчества: опыт анализа данных из материалов личных дел архива Псковского пединститута // Историческая информатика. – 2024. – № 2. – С. 24–32. DOI: <https://doi.org/10.7256/2585-7797.2024.2.71215>.
2. Довгяло Н.В. Полоцкий педагогический институт в системе подготовки педагогических кадров в БССР в 1953–1958 гг. // Вестник Полоцкого государственного университета. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2024. – №. 1(69). – С. 92–94. DOI: <https://doi.org/10.52928/2070-1608-2024-69-1-92-94>.

Поступила 02.04.2026

POLOTSK STATE PEDAGOGICAL INSTITUTE, 1953–1958: RESULTS OF EDUCATIONAL AND RESEARCH ACTIVITIES, STUDENT, AND FACULTY

N. DOVGYALO
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article examines the main activities of the Polotsk Pedagogical Institute from 1953 to 1958, namely the organization of the educational process, personnel work, research work. The control and reporting documentation on the institute's activities is analyzed. The characteristics of the student body and the staff of the Institute in 1953–1958 are given.

Keywords: history of pedagogy, BSSR, Polotsk Pedagogical Institute, archival materials.

¹¹ ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 22. – Л. 25.

¹² ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 46. – Л. 38.

¹³ ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 78. – Л. 14.

¹⁴ ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 11. – Л. 14.

¹⁵ ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 46. – Л. 80.

¹⁶ ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 632. Оп. 1. Д. 61 – Л. 1.

УДК 398.332

DOI 10.52928/2070-1608-2026-79-3-70-76

**ТРАДИЦЫЙНЫЯ КАЛЯНДАРНЫЯ СВЯТЫ БЕЛАРУСКАГА ПАДЗВІННЯ:
СУЧАСНЫЯ РЭПРЭЗЕНТАЦЫІ І ФОРМЫ ВЫЯЎЛЕННЯ****А.С. ЦЫГАНКОВА***(Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск)*

У артыкуле аналізуюцца сучасныя рэпрэзентацыі элементаў беларускай традыцыйнай культуры на тэрыторыі Беларускага Падзвіння. Раскрываюцца прагматычныя функцыі, якія выконваюць традыцыйныя каляндарныя святы беларусаў на сучасным этапе развіцця грамадства. Разглядаюцца формы і практыкі папулярызацыі каляндарнай абраднасці беларусаў Падзвіння: ад фальклорных лекцый і майстар-класаў да маштабных этнафестываляў на аграсядзібах.

Ключавыя словы: беларуская традыцыйная культура, каляндарныя святы, рэпрэзентацыя, інструменталізацыя, этнарэгіянальны брэнд, Беларускае Падзвінне.

Уводзіны. У сучасны перыяд да праблемы захавання культурнай разнастайнасці чалавецтва скіравана ўвага ўсёй сусветнай супольнасці, Беларусь не з'яўляецца выключэннем. Мэтанакіраваная рэпрэзентацыя і папулярызацыя элементаў беларускай традыцыйнай культуры (у прыватнасці, каляндарнай абраднасці) у апошнія гады стала характэрнай з'явай як вясковай, так і гарадской культурнай прасторы Беларусі. З аднаго боку, гэта абумоўлена прагматычнымі задачамі: развіццём турызму (прыцягненнем гасцей і кліентаў), камерцыйнымі выгодамі (пашырэннем сельскага прадпрыемальніцтва, пошукам інвестараў, раскруткай мясцовых брэндаў), палітычнымі мэтамі (ідэалагічнае, патрыятычнае выхаванне і г.д.). З другога боку, працэс пошуку і стварэння нацыянальных і лакальных вобразаў на падставе традыцыйнай культуры спрыяе кансалідацыі людзей як на нацыянальным, так і на лакальным узроўнях, задавальняе іх культурныя патрэбы, выконвае важныя пазнавальна-адукацыйныя і выхаваўчыя функцыі.

У апошнія дзесяцігоддзі назіраецца ўстойлівы рост цікавасці да беларускай традыцыйнай культуры, што выяўляецца не толькі ў сферы акадэмічных даследаванняў, але і ў шырокай грамадскай зацікаўленасці традыцыйнымі рамёствамі, фальклорам, народным касцюмам, этнічнай кухняй, каляндарнымі святамі, сямейнай абраднасцю і г.д. Набыццё Беларуссю дзяржаўнай незалежнасці надало магутны імпульс для з'яўлення ясна новых даследаванняў традыцыйнай духоўнай культуры беларусаў (у тым ліку яе сімвалічных аспектаў), якія адсутнічалі ў савецкія часы, калі прэрагатыва надавалася разгляду пераважна народнага побыту і матэрыяльнай культуры. Найперш звяртае на сябе ўвагу наяўнасць значнай колькасці даследаванняў традыцыйнай культуры і трансфармацый яе асобных элементаў у межах вясковага соц്യума ў канцы XX – першай чвэрці XXI ст. Аднак спецыялістамі амаль не закраналіся (або разглядаліся фрагментарна) пытанні, звязаныя з рэпрэзентацыяй і папулярызацыяй беларускіх народных каляндарных свят у сучасным горадзе, не вывучаліся актуальныя практыкі захавання разнастайных форм і з'яў традыцыйнай культуры, не разглядаліся прагматычныя функцыі, што выконваюць традыцыйныя святы ў мадэрнізаваным грамадстве, а таксама не апісвалася іх роля ў стварэнні пазнавальнага іміджу асобных рэгіёнаў Беларусі. Важна адзначыць, што ў дадзеным артыкуле зроблены акцэнт не на традыцыйнай каляндарнай абраднасці як аб'ектўнай дадзенасці, а на спробах і механізмах яе сучаснага выкарыстання, пераасэнсавання і пераўвасаблення, што падпадаюць пад канцэпцыю “вынаходніцтва традыцый” Э. Хабсбаўма [12, с. 1].

Наяўнасць асобных фактаў традыцыйнай культуры ў сучасным жыцці не столькі вяскоўцаў, колькі гараджан даволі цяжка ўкласці ў стройную сістэму вызначэнняў і класіфікацый [3, с. 61]. З аднаго боку, некаторыя з'явы традыцыйнай культуры па-ранейшаму працягваюць існаваць у “жывым бытаванні”. З другога боку, назіраецца свядомае імкненне асобных жыхароў з розных крыніц аднаўляць, паўтараць, пераймаць найбольш ярскія і адметныя элементы беларускай традыцыйнай культуры, што фактычна з навуковага пункту гледжання этнографіі і фальклорыстаў адышлі ў нябыццё.

Мэта артыкула – на прыкладзе традыцыйных каляндарных свят Беларускага Падзвіння разгледзець працэс інструменталізацыі і папулярызацыі элементаў традыцыйнай культуры ў сучасным свеце, а таксама паказаць, чаму менавіта тая ці іншая культурная з'ява аказваецца вызначальнай для паказу адметнасці пэўнай тэрыторыі. Такім чынам у фокус даследавання трапляюць, найперш, сучасныя формы рэпрэзентацыі і практыкі папулярызацыі традыцыйнай каляндарнай абраднасці беларусаў Падзвіння¹ – ад фальклорных лекцый і майстар-класаў да маштабных этнафестываляў на аграсядзібах, і тое, як кожная з іх можа ўздзейнічаць на аўдыторыю.

Крыніцазнаўчай базай для такога даследавання з'яўляюцца матэрыялы фальклорна-этнаграфічных экспедыцый, перыядычнага друку, а таксама сцэнары сучасных тэатралізаваных пастацовак традыцыйных каляндарных свят, якія ўкараняюцца ва ўстановах культуры Віцебскай вобласці. Важнай крыніцай з'яўляюцца ўласныя палявыя запісы і назіранні, зробленыя аўтарам на тэрыторыі Беларускага Падзвіння ў 2019–2025 гг.

¹ У артыкуле разглядаюцца перадусім традыцыйныя каляндарныя святы беларусаў Падзвіння. Пры гэтым у прадметнае поле даследавання не трапляюць прафесійныя і дзяржаўныя святы (за выключэннем свят, якія ўваходзяць у структуру беларускага традыцыйнага календара), якія ў беларускай этналогіі прынята разглядаць асобна [1, с. 527, 542, 602].

Тэарэтычнай базай даследавання паслужылі ідэі Э. Хабсбаўма, згодна якому вынайздзеныя традыцыі разумеюцца як “набор практык рытуальнай або сімвалічнай прыроды, якія ставяць сваёй мэтай укараненне пэўных каштоўнасцяў і нормаў паводзін пры дапамозе паўтарэння, што натуральна мяркуе сувязь з падыходзячым гістарычным перыядам” [12, с. 48]. Вывучэнне асобных аспектаў функцыянавання традыцыйнай каляндарнай абраднасці Беларускага Падзвіння ў канцы XX – першай чвэрці XXI ст. адлюстравана ў шэрагу публікацый. Так, Т.І. Кухаронак і Т.В. Валодзіна прааналізавалі сучасныя практыкі надання каляндарным святам, звычаям і абрадам статусу гісторыка-культурнай нематэрыяльнай каштоўнасці Рэспублікі Беларусь, асаблівасці іх функцыянавання на сучасным этапе, перспектывы захавання, віды і спосабы рэпрэзентацыі [4]. У духу канструктывісцкага падыходу да вывучэння этнічнай ідэнтычнасці працэс “вынаходніцтва” і (рэ)канструявання нацыянальных традыцый і міфалагічных вобразаў вывучалі К.М. Каралёў [6], Т.В. Валодзіна [3], Н.А. Савіна [9] і інш.

Асноўная частка. Традыцыйная культура (у тым ліку каляндарная абраднасць), як важная частка культурнай спадчыны, мае магутны рэсурсны патэнцыял для ўстойлівага развіцця асобных рэгіёнаў і цэлых краін. У прыватнасці, яна можа выкарыстоўвацца для стварэння пазітыўнага іміджу тэрыторыі, для распрацоўкі лакальных, шырэй нацыянальных сімвалаў і брэндаў, для вылучэння канкурэнтных пераваг тэрыторыі.

На сённяшні дзень у працэсе рэпрэзентацыі і папулярызацыі форм традыцыйнай культуры ў рэгіёнах Беларусі ўмоўна можна вылучыць два асноўныя напрамкі: з аднаго боку, гэта працэс стварэння “твару” тэрыторыі “зверху”, гэта значыць актарамі, якія ўдзельнічаюць у ажыццяўленні культурнай палітыкі (рэспубліканская, абласныя, раённыя і г.д. адміністрацыі, дамы культуры, дамы фальклору і г.д.); з другога, – працэс стварэння іміджу тэрыторыі “знізу” (дзе задзейнічаны мясцовыя жыхары, сельскія прадпрыемальнікі, фальклорныя калектывы і г.д.). Найбольшую актыўнасць у захаванні і адраджэнні каляндарнай абраднасці Віцебшчыны праяўляюць установы культуры і адукацыі, у прыватнасці, установы клубнага тыпу (гарадскія і сельскія дамы культуры, цэнтры рамястваў, дамы фальклору і г.д.), у меншай ступені ўстановы адукацыі (школы, дзіцячыя садкі).

Агляд даступнага ў інтэрнэт-прасторы матэрыялу (сацыяльныя сеткі ўстаноў культуры, афіцыйныя сайты аддзелаў культуры раёнаў і г.д.), вынікі этнаграфічных даследаванняў аўтара, а таксама аналіз афіцыйных дакументаў і пастаноў аб культуры, паказваюць, што асноўны вектар дзейнасці ў галіне адраджэння і папулярызацыі традыцыйнай культуры ва ўстановах культуры і адукацыі базуецца на трох асноўных напрамках – інфармацыйным, адукацыйным і забаўляльным.

Звяртае на сябе ўвагу найперш інфармацыйны і адукацыйны напрамкі дзейнасці. Пасродкам правядзення сустрэч, майстар-класаў, “школ фальклору” і г.д. арганізатары мерапрыемстваў фарміруюць уяўленне сучаснага чалавека (пераважна мясцовых жыхароў) пра беларускую традыцыйную культуру, задавальняюць асветныя, эстэтычныя і пазнавальныя патрэбы насельніцтва. Так, у Браслаўскім раённым цэнтры культуры такія каляндарныя святы, як Радаўніца, Грамніцы, Ілля, Яблычны Спас і г.д., выносяцца на так званы “фальклорны час”, калі пераважна для дзяцей распавядаюць пра асаблівасці беларускай традыцыйнай культуры². Ва Ушацкім раённым цэнтры культуры па ініцыятыве кіраўніцы ўзорнага фальклорнага калектыву “Спадчына” Г. Рудзёнак была створана “Школа фальклору”. За 2024 г. у ёй для дзяцей з Ушацкай сярэдняй школы правялі заняткі, прысвечаныя беларускім традыцыйным святам (Саракі, Вялікдзень), акрамя таго ладзіліся заняткі па народным гульням і танцам³. У Мікалаеўскім сельскім клубе (Мёрскі раён) на тэмы традыцыйнай культуры і фальклору рэгулярна праводзяцца “інфармацыйныя гадзіны” (напрыклад, на 2025 г. для дзяцей і дарослых было запланавана правесці мерапрыемства “Дзяды”, прысвечанае дню памяці продкаў⁴).

Шэраг устаноў культуры і адукацыі Віцебшчыны практыкуюць тэматычныя сустрэчы і пазнавальныя праграмы, прысвечаныя таму ці іншаму каляндарнаму святу. Так, у Бігосаўскім сельскім доме культуры (Верхнядзвінскі раён) праводзілі абрадавае мерапрыемства “Юр’е на двары – кароўку ў поле гані”⁵. У Дзісенскім гарадскім доме культуры праводзяцца тэматычныя вечары, якія, у тым ліку, прысвечаны беларускай святочнай культуры (напрыклад, “Яблочны спас – яблоска прыпас”⁶). Акрамя таго, ва ўстановах культуры і адукацыі Віцебшчыны рэгулярна арганізуюць выставы, прымеркаваныя да таго ці іншага каляндарнага свята, праводзяцца лекцыі, распрацоўваюцца праекты (напрыклад, філіял Глыбоцкага цэнтры культуры Запрудскі дом фальклору распрацаваў праект “Фальклорная скарбонка”, задачамі якога з’яўляецца “фарміраванне погляду на нацыянальную беларускую культуру, выхаванне грамадзяніна і патрыёта, засваенне фальклорнай спадчыны беларускага народа”)⁷.

Інфармацыйны і адукацыйны напрамкі дзейнасці ўстаноў культуры і адукацыі часта раскрываюць сутнасць такіх каляндарных свят, якія звязаны з пахавальна-памінальнай абраднасцю (Троіца, Радаўніца, Дзяды), або свят, якія маюць пераважна рэлігійныя канатацыі (Вялікдзень, Спасы, Вадохрышча і г.д.).

Яшчэ адным значным напрамкам дзейнасці ўстаноў культуры і адукацыі з’яўляецца атракцыйны (забаўляльны), які ў першую чаргу скіраваны на задавальненне культурных патрэб насельніцтва, развіццё і рэалізацыю творчых здольнасцей наведвальнікаў, а таксама падтрыманне міжасабовай камунікацыі⁸.

² Зап. А. Цыганковай у 2025 г. ад загадчыцы метадычнага аддзела Браслаўскага ЦКіІНТ М.У. Сініцы, 1983 г. н., у г. Браслаў.

³ Зап. А. Цыганковай у 2024 г. ад кіраўніцы ўзорнага фальклорнага калектыву “Спадчына” Г.С. Рудзёнак, 1965 г. н., у г. Ушачы.

⁴ План работы філіяла “Мікалаеўскі СК” ДУК “Мёрскі ЦКіІНТ” на 2025 год, прадстаўлены А.С. Шангінай у 2025 г.

⁵ Рэферат на тэму “Праздник “Купалье” и его особенности на современных площадках”, прадстаўлены загадчыцай М. Кіч у 2025 г.

⁶ План работы філіяла “Дзісенскі ГДК” ДУК “Мёрскі ЦКіІНТ” на 2025 год, прадстаўлены А.С. Шангінай у 2025 г.

⁷ Заяц А. Семаінар. Нам засталася спадчына // Веснік Глыбоцчыны. – 2023. – 15 сакавіка. – С. 5.

⁸ Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб культуры: 20 ліпеня 2016 г. № 413-З: прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрв. 2016 г.: адобраны Саветам Рэспублікі 30 чэрв. 2016 г. – URL: <https://pravo.by/document?guid=12551&p0=Hk1600413> (дата звароту: 25.11.2025).

Характэрнай з’явай для ўсіх устаноў культуры Віцебскай вобласці з’яўляецца акцэнт на правядзенні такіх свят беларускага народнага календара, як Каляды, Масленіца, Купалле, што традыцыйна бытавалі ў гэтым рэгіёне.

Разглядаючы спецыфіку правядзення Каляд ва ўстановах культуры і адукацыі, бачна, што з усяго каляднага цыкла менавіта абрад калядавання прадстаўлены найбольш шырока. Калядныя абыходы дамоў, якія арганізуюць установы культуры, як правіла, уключаюць вялікую разнастайнасць традыцыйных элементаў. Так, у аграгарадках і вёсках Полацкага раёна (аг. Кушлікі⁹, в. Багатырская¹⁰, аг. Гомель¹¹ і г.д.) распрацаваны сцэнары калядных абыходаў з вялікай колькасцю аўтэнтычнага песеннага рэпертуару, наяўнасцю калядных персанажаў, якія дэталёва апісаны ў этнаграфічнай літаратуры (“каза”, “дзед”, “мядзведзь”, “цыганка” і г.д.). Працу па “захаванні першасных калядных традыцый Полацкай зямлі” ажыццяўляюць Полацкі райвыканкам і Полацкі раённы цэнтр культуры. Па іх ініцыятыве ў 2024 г. у рамках імпрэзы “Калядны разгуляй”, што праводзіцца з 2016 г., зладзілі конкурс у намінацыі “Лепшы калядны гурт”¹².

Такія народна-рэлігійныя святы каляднага цыкла, як Раство і Вадохрышча, перыядычна арганізуюцца ва ўстановах культуры і адукацыі Віцебшчыны, але яны пераважна звязаны з тэматычнымі сустрэчамі са свята-рамі¹³, канцэртамі ці дапамогай царкве ў арганізацыі адпаведных мерапрыемстваў (напрыклад, Вадохрышча ў г. Мёры¹⁴). У сваю чаргу святкаванне Новага года, якое захавала рысы савецкай эпохі, цалкам пераўтворана ў танцавальна-забаўляльную імпрэзу.

Нельга абысці бокам святкаванні Масленіцы, якія арганізуюць установы культуры Віцебшчыны, бо гэтае народнае свята з’яўляецца яскравым прыкладам сучаснага “ф’южна” розных культур, мастацкай самадзейнасці і стэрэатыпных уяўленняў. Чырвонай стужкай усіх сцэнарыяў, выяўленых намі ў Полацкім, Верхнядзвінскім, Шумілінскім, Мёрскім, Браслаўскім і інш. раёнах, праходзіць ідэя карнавалізацыі (крыклівыя касцюмы, разнастайныя персанажы кшталту “пан блін”, “бацюшка-самавар”) і спаборніцтваў (выпякання бліноў на вуліцы, эстафеты і г.д.). Аднак сустракаюцца сцэнары і з традыцыйнымі элементамі святкавання, напрыклад, у Шумілінскім раёне ў некаторых дамах культуры вешаюць калодкі на нежанатых хлопцаў¹⁵. У традыцыйнай беларускай культуры “калодка” (часцей за ўсё абрубак дрэва, бярв’яно, палена, дровы і г.д.) сімвалізавала рытуальнае асуджэнне моладзі шлюбнага ўзросту, што не стварыла сям’ю на працягу года, выконвала функцыі матрыманіяльнай магіі і стымулявала плоднасць [8, с. 318]. У большасці фіксацый дзеянні з калодкай прымеркаваны да ўсяго Масленічнага тыдня [8, с. 321].

На сённяшні дзень адным з самых распаўсюджаных традыцыйных каляндарных свят, якое адзначаецца на тэрыторыі амаль усіх раёнаў Віцебскай вобласці, з’яўляецца Купалле. Розныя элементы традыцыйных купальскіх святкаванняў рэпрэзентуюцца ва ўстановах культуры Віцебшчыны. Праўда, ступень выкарыстання традыцыйных элементаў вагаецца ад мінімальнага прыстасавання аўтэнтычных элементаў купальскай абраднасці да сцэны і да іх кардынальнай трансфармацыі і пераасэнсавання. Таму на выхадзе часта атрымліваецца сцэнар свята, у якім цалкам традыцыйнае дзеянне, як збор купальскіх траў і зёлак, пляценне вялкоў і варажба, можа спалучацца з конкурсамі, дзе трэба трапіць сплеченым вянком у пэўную цэль¹⁶. Акрамя таго, ніводнае сучаснае святкаванне Купалля ва ўстановах культуры не можа абысціся без “ажылага” на сцэне персанажа народнай дэманалогіі (ведзьмы, чорта, русалкі і г.д.) ці папулярнага персанажа народных казак (Бабы Ягі, Кашчэя Бессмяротнага, багатыроў і г.д.), якія з’яўляюцца антаганістамі галоўнаму герою (вядучаму, станоўчаму персанажу). Атрымліваецца, што такія традыцыйныя элементы, як збор купальскіх зёлак, варажба, скокі праз вогнішча, купальскія песні, павер’е пра “ігру сонца” ўлічаны ў вялікай колькасці сцэнароў, але, як правіла, аказваюцца ўплеценымі ў сучаснае тэатралізаванае прадстаўленне.

Акрамя таго, ёсць шэраг свят і прымеркаваных да іх абрадаў, якія рэгулярна праводзяцца ва ўстановах культуры асобных раёнаў Віцебскай вобласці. Так, напрыклад, калядна-абрадавая гульня “Жаніцба Цярэшкі” найбольш яскрава прадстаўлена ва ўстановах культуры і адукацыі Лепельскага, Полацкага, Докшыцкага, Глыбоцкага, Ушацкага раёнаў, што амаль цалкам супадае з арэалам дадзенага абраду ў мінулым [7, с. 7].

Элементы і атрыбуты велікоднай традыцыі ва ўстановах культуры Віцебшчыны таксама знайшлі ўвасабленне ў розных формах і варыянтах: праводзяцца заняткі для школьнікаў з дэманстрацыяй валачобнага абраду, майстар-класы па вырабе кулічоў і фарбаванню яек, арганізуюцца розныя канцэрты, прымеркаваныя да велікоднага перыяду¹⁷. Вялікдзень (у тым ліку валачобны абрад) дагэтуль працягвае функцыянаваць у “жывым” бытаванні (напрыклад, абход валачобнікаў па вёсцы практыкуецца на тэрыторыі Ушацкага, Браслаўскага,

⁹ Сцэнар тэатралізаванага абраду “Каляды”, прадстаўлены загадчыцай Кушлікоўскага СДК Т. П. Семяньковай у 2020 г.

¹⁰ Зап. А. Цыганковай у 2024 г. ад кіраўніцы народнага ансамбля “Галасы спадчыны” Т.С. Стараннік, 1960 г. н., у в. Багатырская Полацкага раёна.

¹¹ Зап. А. Цыганковай у 2024 г. ад дырэктара Гомельскага СДК І.В. Грышчанка, 1964 г. н., у аг. Гомель Полацкага р-на.

¹² Арт-укэнд “Калядны разгуляй” правалі ў Полацкім раёне. – URL: <https://vitvesti.by/index.php/kultura/art-u-kend-kaliadny-razgulaii-pravial-polatck-m-raene.html> (дата звароту: 14.12.2025).

¹³ Зап. А. Цыганковай у 2025 г. ад загадчыцы метадычнага аддзела “Браслаўскага ЦКіНТ” М.У. Сініца, 1983 г. н., г. Браслаў.

¹⁴ Зап. А. Цыганковай у 2025 г. ад рэжысёра народнага тэатра Мёрскага ЦКіНТ С. Рачыцкай, 1990 г. н., у г. Мёры.

¹⁵ Зап. А. Цыганковай у 2025 г. ад метадыста ДУК “Шумілінскага ЦКіНТ” Л.А. Дарзнец, 1966 г. н., у г. Шуміліна.

¹⁶ Сцэнар народнага свята “Купало”, прадстаўлены Фарынаўскім ЦК Полацкага раёна ў 2020 г.

¹⁷ Зап. А. Цыганковай у 2025 г. ад загадчыцы метадычнага аддзела Браслаўскага ЦКіНТ М.У. Сініцы, 1983 г. н., у г. Браслаў.

Глыбоцкага, Полацкага, Докшыцкага, Бешанковіцкага, Лепельскага, Мёрскага, Шумілінскага раёнаў Віцебскай вобласці). Радзей ва ўстановах культуры і адукацыі Віцебшчыны адзначаюцца такія святы, як Багач, Пакровы, Узвіжанне, Благовешчанне, Гуканне вясны.

У выніку размоў з метадыстамі, арганізатарамі, загадчыкамі аддзелаў культуры і народнай творчасці, кіраўнікамі фальклорных калектываў і г.д., якія складаюць планы мерапрыемстваў на год, сцэнары таго ці іншага каляндарнага свята, стала зразумела, што асноўным фактарам, ад якога залежыць выбар каляндарнага свята (якое будзе ўключана ў план) і складанне яго сцэнара, з'яўляецца суб'ектыўнае бачанне саміх супрацоўнікаў культуры.

Варта адзначыць, што ў многіх месцах Беларускага Падзвіння пачынаюць “адраджаюць” каляндарныя святы (напрыклад, Гуканне вясны, Багач і г.д.), якіх гістарычна ў гэтым рэгіёне не існавала. Распаўсюджванню таго або іншага нехарактэрнага для пэўнай мясцовасці традыцыйнага каляндарнага свята таксама можа спрыяць наданне яму афіцыйнага дзяржаўнага статусу (напрыклад, з гэтым звязана шырокае распаўсюджванне ў рэгіёне радаўнічных помнікаў) [1, с. 4]. Апрача таго, развіццё сучасных мас-медыя зрабілі інфармацыю пра традыцыйныя святы больш даступнай для шырокай аўдыторыі, людзі могуць даведвацца пра святы, якія не з'яўляюцца часткай іх рэгіянальнай культуры, і пераняць іх у свае супольнасці. Так, у Зазерскім сельскім доме культуры (Полацкі раён) праводзіцца абрад “Пахаванне няскомага”, які амаль цалкам скапіяваны (з перакладам на беларускую мову) з відэароліка фальклорнага цэнтра “Песноходкі” (г. Барнаўл Алтайскага краю)¹⁸. Часцей за ўсё такія святы з'яўляюцца прыкладамі выключна паставачных мерапрыемстваў ва ўстановах культуры, калі прэрагатыва надаецца гатовым сцэнарам з Інтэрнэта, цалкам ігнаруючы арэал таго або іншага каляндарнага свята і гістарычныя лакальныя адметнасці рэгіёна.

Такім чынам, з аднаго боку, можна крытычна ацаніць дзейнасць устаноў культуры і адукацыі па адраджэнні традыцыйнай каляндарнай абраднасці беларусаў, бо дэкларуючы станоўчае памкненне “захавання спадчыны і перадачы яе дзецім” на справе рэпрэзентуюцца выключна спецыяльна адабраныя, адшліфаваныя, перапрацаваныя (праз прызму прафесійнай адукацыі, клішэ масавай культуры, мастацкай самадзейнасці і г.д.) асобныя элементы традыцыйнай культуры, што ў масавай свядомасці ўспрымаюцца як “сапраўдныя”, “аўтэнтычныя”. Аднак, з другога боку, трэба адзначыць і станоўчыя моманты такой дзейнасці (напрыклад, ухваленыя ініцыятывы і заахвочванне збіраць мясцовы фальклор, ствараць фальклорныя калектывы, займацца вывучэннем традыцыйных беларускіх песень і побытавых танцаў).

У апошнія дзесяцігоддзі на тэрыторыі Беларускага Падзвіння асабліва заўважнымі сталі намаганні асобных аматараў народнай творчасці, фальклорных калектываў, сельскіх прадпрыемальнікаў, крэатываў па рэпрэзентацыі і папулярызацыі беларускіх традыцыйных каляндарных свят.

Значны ўклад у захаванне і папулярызацыю з'яўляюць традыцыйнай культуры ўносяць фальклорныя калектывы. Дзякуючы дзейнасці такіх калектываў, як фальклорны гурт “Варган”, гурт архаічных спеваў “Княжыч”, народны фальклорны ансамбль “Галасы спадчыны” і інш., на тэрыторыі Беларускага Падзвіння актыўна рэпрэзентуюцца элементы каляндарнай абраднасці (найперш, абрад калядавання, калядна-абрадавая гульня “Жаніцтва Цярэшкі”), такія святы, як Масленіца, Вялікдзень (у прыватнасці, валачобны абрад), Купалле, Жніво. Рэпрэзентацыю каляндарнай абраднасці беларусаў, якой займаюцца калектывы, умоўна можна падзяліць на “прамы” і “ўскосны” паказы народнай традыцыі.

Пад “прамым” паказам мы разумеем спробу дакладнага капіявання аўтэнтычнай традыцыі, перайманне першародных форм традыцыйнай культуры, народнай песні, танца ці звычайу [13, с. 152]. Па-першае, фальклорныя калектывы шмат робяць для стымулявання і захавання спантаннага праяў традыцыйнай каляндарнай абраднасці ў натуральных умовах яе бытавання. У якасці прыкладу можна прывесці калядныя абходы ўдзельнікаў гуртоў па хатах у вёсках Докшыцкага і Полацкага раёнаў, правядзенне гуртом “Варган” валачобнага абраду ў в. Параф’янава Докшыцкага раёна, святкаванне Купалля гуртом “Княжыч” у Расонскім раёне і г.д. Па-другое, гуртамі ажыццяўляецца “адаптацыя” асобных элементаў традыцыйнай культуры да публічнай сцэны ў музеях, ва ўніверсітэтах, на фестывалях і г.д. Падчас мерапрыемстваў выкарыстоўваюцца і нават інсцэнуюцца цэласныя творы, фрагменты або асобныя ўзоры вусна-фальклорнай традыцыі, яны пераносяцца і перафарматоўваюцца ў іншую стылістычную сістэму [13, с. 69].

Ідучы за логікай Т.В. Валодзінай, можна вылучыць характэрныя змены, якія адбываюцца з элементамі традыцыйнай культуры падчас яе перафарматавання ў іншую сістэму. Па-першае, пераносіцца рытуальная прастора святкавання з прыроднай сферы ў сацыяльную (гарадскі парк, канцэртная зала і г.д.). Па-другое, у большасці выпадкаў адбываецца падзел удзельнікаў на “выканаўцаў” і “гледачоў”, чаго не было ў традыцыйнай культуры. Па-трэцяе, існуе пэўная культура сцэны з распрацаванай мовай жэстаў, правіламі паводзін і ўзаемадзеяннем з гледачымі, гэта значыць у цэлым адаптаваныя элементы традыцыйнай культуры выглядаюць адрэпетавана і ярка, бо гэтага часта патрабуе сцэна.

У адрозненні ад “прамой” рэпрэзентацыі абрадава-святочнай дзеі, “ўскосная” мае іншыя характарыстыкі, выкарыстоўвае іншую сістэму камунікацыі: тэатр, музыку, радыё, відэа, выяўленчае мастацтва і г.д. [13, с. 152]. Такім чынам, адбываецца не столькі імітацыя асобнай з’явы сапраўднай, арыгінальнай традыцыйнай культуры, колькі яе інтэрпрэтацыя і пераасэнсаванне ў іншых формах камунікацыі, спроба адкрыта інтэграваць яе ў сучасную

¹⁸ Зап. А. Цыганковай у 2024 г. ад культурнага арганізатара Зазерскага СДК М.В. Белавус, 1984 г. н., у в. Зазер’е Полацкага р-на.

культурную сістэму [13, с. 152]. Так, у 2025 г. гурт “Варган” правёў тэатралізаваную пастаноўку “Калядная містэрыя”, на якой элементы традыцыйнай культуры спалучаліся з сучаснымі тэхналогіямі, тэатральнымі формамі і гукавымі эфектамі¹⁹. Акрамя таго, музыкі з фальклорнага гурта займаюцца апрацоўкай беларускіх традыцыйных песень, ствараючы глыбокія інструментальныя кампазіцыі.

Акрамя фальклорных калектываў і аб’яднанняў, немалы ўнёсак у справу папулярызацыі каляндарнай абраднасці беларусаў Падзвіння робяць сельскія прадпрымальнікі. Аналіз іх дзейнасці ўздымае шэраг цікавых аспектаў. Па-першае, каляндарныя святы актыўна выкарыстоўваюцца для брэндыву асобных турыстычных дэстынацый і лакацый. Па-другое, атрыбуты каляндарных святкаванняў, розныя элементы святочнай культуры ўжываюцца для стварэння іміджу таго ці іншага прадукту, паслугі і/або месца. Так, досыць распаўсюджанай з’явай на тэрыторыі Беларускага Падзвіння з’яўляецца правядзенне каляндарных святаў у аграсядзібах і турыстычных комплексах²⁰, музеях²¹, санаторыях²², прадпрыемствах грамадскага харчавання²³ і г.д.

Важны ўнёсак у працэс захавання і рэпрэзентацыі традыцыйнай каляндарнай абраднасці Беларускага Падзвіння робяць мясцовыя жыхары, краязнаўцы, настаўнікі. Так, пры актыўным удзеле В. Шкіндзера і В. Тухта на Лепельшчыне адзначаюцца такія святы, як Жаніцьба Цярэшкі²⁴, Жніво²⁵.

Пэўныя атрыбуты каляндарнай абраднасці, растыражаваныя персанажы, нават самі назвы святаў таксама могуць выкарыстоўвацца ў пазафальклорнай сферы. Пры аналізе сітуацыі на беларускім рынку брэндаў можна зрабіць выснову, што каляндарныя святы, якія былі распаўсюджаны ў тым ліку на тэрыторыі Беларускага Падзвіння, фігуруюць у назвах той ці іншай прадукцыі, асобнай калекцыі ці нават фірмы. Напрыклад, ювелірная крама “EGO-ART”, філіялы якой ёсць у Полацку, Віцебску, Наваполацку, стварыла калекцыю пад назвай “Kupalle”. Сярод прадукцыі ёсць кулон з выявай Ярылы, папараць-кветкі, завушніцы з выявай сонца²⁶. Дзяржаўнае прадпрыемства “Віцебскі абласны цэнтр маркетынгу” ў 2014 г. выпусціў інфармацыйна-даведкавы каталог “Ваша свадба”, у якім разам з рэкламай вясельных паслуг, арэнды лімузінаў і рэстаранаў, рэкламавалі калядна-абрадавую гульню “Жаніцьба Цярэшкі”²⁷, якая з’яўляецца адметным элементам каляндарнай традыцыі Беларускага Падзвіння. Тэматыку традыцыйных каляндарных святаў таксама выкарыстоўваюць рамеснікі для прасоўвання сваёй прадукцыі: паштовак, карцін, посуду і г.д. Акрамя таго, дзяржаўнае прадпрыемства “Белкартаграфія” выпусціла турыстычную карту “Кулінарная спадчына Беларусі”²⁸, у якой прадстаўлена велікодная страва “Масляны баран”, што ў 2013 г. была ўключана ў Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь²⁹.

Зразумела, уведзячы на рынак брэнды, якія выкарыстоўваюць традыцыйныя этнакультурныя сімвалы, бізнес дзейнічае пераважна ў сваіх інтарэсах, павялічваючы канкурэнтны перавагі тавару, падвышаючы камерцыйныя выгоды, пашыраючы пазнавальнасць брэнда. Пры гэтым ён у любым разе будзе выкарыстоўваць найбольш папулярную і запатрабаваную ў аўдыторыі, найбольш даступную для яе масацкую мову, каб данесці сімвалічны змест [10, с. 134].

Такім чынам, адным з важных крытэрыяў у працэсе рэпрэзентацыі і выкарыстання пэўнай з’явы традыцыйнай культуры ў якасці этнакультурнага брэнду з’яўляецца яе “тэрытарыяльнасць”. Вядома, што элементы нематэрыяльнай культуры могуць быць агульнанацыянальнымі па сваім значэнні, але па паходжанні і геаграфіі бытавання яны амаль заўсёды вузкалакальныя, г. зн. належаць канкрэтнай супольнасці і існуюць у мясцовай культуры, таму для стварэння лакальнага сімвала прывязка культурнай з’явы да пэўнай тэрыторыі дадае дадатковую каштоўнасць. Яшчэ адным немалаважным крытэрыем, каб тая ці іншая культурная з’ява аказалася вызначальнай для брэндавання пэўнай тэрыторыі, з’яўляецца яе “атракцыйнасць”. Гэта азначае, што абранае традыцыйнае свята павінна выклікаць станоўчыя ўражанні, вылучацца сваім эмацыйным зместам і мастацкімі якасцямі. Апроч “тэрытарыяльнасці” і “атракцыйнасці”, існуюць катэгорыі “гістарычнасці” і “аўтэнтычнасці”. Усе гэтыя крытэрыі актыўна праяўляюцца ў далейшым працэсе раскручвання адметнасці тэрыторыі праз медыя. З аднаго боку, удзельнікі працэсу (журналісты, якія асвятляюць мерапрыемствы, супрацоўнікі культуры,

¹⁹ Тэатральная музычная пастаноўка “Калядная містэрыя”. URL: <https://www.psu.by/be/naviny/padzei/teatralizavanaya-muzychnaya-pastanouka-kalyadnaya-mistryya> (дата звароту: 29.12.2025).

²⁰ Абрад “Жаніцьба Цярэшкі” разам з кампаніяй “Лімберы”. – URL: <https://limberi.by/novosti/abrad-zhanicba-cyreshkiz-udzelnictvam-kampanii-limbery.html> (дата звароту: 12.11.2025).

²¹ “Жаніцьба Цярэшкі” на Рождество. – URL: <https://lepelby.net/news2/416> (дата звароту: 10.11.2025).

²² В санатории прошло веселое празднование праздника Ивана Купала! – URL: <https://www.sanatorium-borovoe.by/v-sanatorii-proshlo-veseloe-prazdnovanie-prazdnika-ivana-kupala> (дата звароту: 12.11.2025).

²³ Жаніцьба Цярэшкі. – URL: <https://gorodvitebsk.by/afisha/action/7201> (дата звароту: 14.01.2026).

²⁴ Велеўшчына – скарбонка традыцый. Тухта Валер. – URL: <https://blukach.by/post/1379> (дата звароту: 09.01.2026).

²⁵ Фэст “Жнівень”. – URL: https://vk.com/wall-39408858_1095 (дата звароту: 12.12.2025).

²⁶ EGO-ART. – URL: <https://ego-art.by/collections/Kupalle-serebro/> (дата звароту: 12.12.2025).

²⁷ “Ваша свадба”. – URL: <https://marketvit.by/wp-content/uploads/2017/08/Vasha-Svadba-2016.pdf> (дата звароту: 08.01.2026).

²⁸ “Кулінарнае наследие Беларуси” турыстычная карта. – URL: https://shop.belkarta.by/catalog/putevoditeli_turisticheskie_karty_atlasy/turisticheskie_karty_rb/kulinamoe_nasledie_belarsi_turistskaya_karta/ (дата звароту: 13.01.2026).

²⁹ Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь. – URL: [http://gossписок.gov.by/\(X\(1S\(r34hj5c1paotswthj5vr1fag\)\)/?size=500&page=11&AspxAutoDetectCookieSupport=1](http://gossписок.gov.by/(X(1S(r34hj5c1paotswthj5vr1fag))/?size=500&page=11&AspxAutoDetectCookieSupport=1). (дата звароту: 20.12.2025).

прадстаўнікі фальклорных калектываў), з другога боку, звычайныя назіральнікі (блогеры, госці) пры стварэнні рэпартажаў, пастоў, калонак у газетах, апелуючы такімі словамі, як *самабытнасць, старажытнасць, спрадвечнасць, сапраўднасць* і г.д. павялічваюць сімвалічную значнасць этнарэгіянальнага вобраза і яго адметнасць. Аднак, пры пошуку і стварэнні сімвала і брэнда тэрыторыі трэба ўлічваць, што часта значэнне мае не “аб’ектыўная” архаіка вобраза ці практыкі як такія, але ацэнка іх сучаснікамі, бо не кожная традыцыя валодае каштоўнасцю для суб’екта, а толькі тая, што нясе істотныя сэнсы менавіта сёння [3, с. 86].

Заклучэнне. Традыцыйная каляндарная абраднасць беларусаў Падзвіння ў канцы XX – першай чвэрці XXI ст. актыўна рэпрэзентуецца і папулярызуецца ва ўстановах культуры і адукацыі, фальклорнымі калектывамі, выкарыстоўваецца ў сферы турызму (у прыватнасці, з мэтай брэндавання турыстычных дэстынацый і лакацый), а таксама для прасоўвання розных відаў тавараў (адзення, упрыгожанняў, напояў і г.д.) і паслуг. У інструменталізацыі элементаў беларускай традыцыйнай культуры для брэндынгу тэрыторыі ўмоўна можна вылучыць два асноўныя напрамкі: з аднаго боку, гэта імкненне стварыць “твар” пэўнай тэрыторыі “зверху”, гэта значыць актарами, якія ўдзельнічаюць у ажыццяўленні культурнай палітыкі; з другога – гэта стварэнне іміджу тэрыторыі “знізу” (пры дапамозе мясцовых жыхароў, сельскіх прадпрымальнікаў, фальклорных калектываў і г.д.).

У наш час на тэрыторыі Беларускага Падзвіння найбольш актыўна рэпрэзентуюцца і папулярызуюцца элементы каляндарнай абраднасці (найперш, абыход калядоўшчыкаў, калядна-абрадавая гульня “Жаніцьба Цярэшкі”), Масленіца, Вялікдзень (у тым ліку валачобны абрад), Купалле, Жніво. Па-першае, гэта абумоўлена гістарычнай распаўсюджанасцю свят у рэгіёне і наяўнасцю іх разгорнутага апісання ў навуковай і навукова-папулярнай літаратуры. Па-другое, на сучасным этапе важным з’яўляецца суб’ектыўны фактар, калі чалавек (ансамбль, фальклорны калектыў і інш.), абапіраючыся на свае густы, адукацыю і бачанне, абірае святы для рэканстрування. Па-трэцяе, яны адпавядаюць асноўным крытэрыям (атракцыйнасць, вядомасць, тэрытарыяльнасць, аўтэнтычнасць), па якіх тая ці іншая культурная з’ява аказваецца вызначальнай для прэзентацыі пэўнай тэрыторыі.

Прагматычныя функцыі, якія выконваюць беларускія традыцыйныя каляндарныя святы на сучасным этапе, можна ўмоўна падзяліць на знешнія і ўнутраныя. Да знешніх функцый адносіцца развіццё турызму, пашырэнне прадпрымальніцтва, палітычныя функцыі (ідэалагічнае і патрыятычнае выхаванне і інш.). У сваю чаргу пад унутранымі трэба разумець забеспячэнне культурных патрэб насельніцтва, яго інфармаванне і адукацыю, спрыянне кансалідацыі той ці іншай мясцовай супольнасці.

ЛІТАРАТУРА

1. Аўсейчык У.Я. Асаблівасці каляндарных памінальных абрадаў беларусаў Лепельшчыны // Лепельскія чытанні: матэрыялы VI навук.-практ. канф. (Лепель, 17 – 18 кастрычніка 2014 г.) / Установа культуры “Лепельскі раённы краязнаўчы музей”. – Мінск: Медысонт, 2014. – С. 50–58.
2. Святы / В.М. Бялявіна, А.У. Гурко, Т.І. Кухаронак, Л.В. Ракава // Беларусы: У 6 т. – Т. 6: Грамадскія традыцыі / В.Ф. Бацьеў, В.М. Бялявіна, А.У. Гурко і інш.; рэдкал.: В.М. Бялявіна і інш.; Ін-т маст-ва, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі. Мінск: Бел. навука, 2002. – 606 с. – С. 299–599.
3. Валодзіна Т.В. Канструяванне традыцыі. У пошуках цмока // Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні: зб. навук. пр. – Мінск: Бел. навука, 2021. – Вып. 8. – С. 61–93.
4. Валодзіна Т.В., Кухаронак Т.І. Сучасныя формы і тэндэнцыі захавання нематэрыяльнай культурнай спадчыны // Нарысы гісторыі культуры Беларусі. У 4 т. – Мінск: Бел. навука, 2017. – Т. 4: Культура XX – пачатку XXI ст. / А.І. Лакотка, А.С. Шамрук, Т.В. Габрусь і інш. – С. 620–664.
5. Динни К. Брендинг территории. Лучшие мировые практики / Под ред. К. Динни; пер. с англ. В. Сечной. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. – 336 с.
6. Королев К.М. Кот Баюн и квазифольклорная составляющая современной массовой культуры // Антропологический форум – 2018. – № 39. – С. 52–87. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2018-14-39-52-87>.
7. Овсейчик В.Е. К вопросу об этнокультурном районировании Белорусского Подвинья // Псковский регионологический журнал. – 2019. – Вып. 2(38) – С. 36–50.
8. Ляшкевіч А.І. Масленічная калодка, сінанімічныя прадметы і пакаранне моладзі за неўступленне ў шлюб // Беларускі фальклор: матэрыялы і даследаванні: зб. навук пр. – Мінск: Бел. навука, 2020. – Вып. 7. – С. 318–350.
9. Савина Н.А. Куда скачет тыгыдымский конь (о языковой игре, фольклорном персонаже, туристическом брендинге и новом сельском культурном предпринимательстве) // Антропологический форум. – 2022. – № 53. – С. 40–72. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-53-40-72>.
10. Соколова М.Е. От архетипа к бренду: теория и практика // Коммуникации. Медиа. Дизайн. – 2023. – Т. 8, № 3. – С. 126–142.
11. Dinnie K. Nation branding: Concepts, Issues, Practice. – 3 ed. – London: Routledge, 2022. – 302 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003100249>.
12. The Invention of Tradition / E. Hobsbawm, H. Trevor-Roper, D. Cannadine, B. S. Cohn et al.; ed. by E. Hobsbawm and T. Ranger. – Cambridge: Cambridge University Press, 1983. – 324 p.
13. Sirovátka O. Wege zur Erforschung des Folklorismus. Der Folklorismus als Thema der Volkskunde // Narodna umjetnost – 1993. – Vol. 30 – P. 249–256.

Пасмуніў 02.02.2026

**КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ БЕЛОРУССКОГО ПОДВИНЬЯ:
СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ И ФОРМЫ ВЫЯВЛЕНИЯ****А.С. ЦЫГАНКОВА***(Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск)*

В статье анализируются современные репрезентации элементов белорусской традиционной культуры на территории Белорусского Подвинья. Раскрываются прагматические функции, которые выполняют традиционные календарные праздники белорусов на современном этапе развития общества. Рассматриваются формы и практики популяризации календарной обрядности белорусов Подвинья: от фольклорных лекций и мастер-классов до масштабных этнофестивалей на агроусадебках.

Ключевые слова: белорусская традиционная культура, календарные праздники, репрезентация, инструментализация, этнорегиональный бренд, Белорусское Подвинье.

**CALENDAR HOLIDAYS OF THE BELARUSIAN PODVINYE:
MODERN INTERPRETATIONS AND FORMS OF IDENTIFICATION****A. TSYGANKOVA***(The Center for the Belarusian culture, language and literature researches of
National Academy of Sciences of Belarus, Minsk)*

This article analyzes contemporary representations of elements of Belarusian traditional culture in the Belarusian Dvina region. It explores the pragmatic functions of traditional Belarusian calendar holidays in the current stage of social development. It examines the forms and practices of promoting the calendar rituals of Belarusians in the Dvina region, from folklore lectures and master classes to large-scale ethnic festivals held at agro-tourism estates.

Keywords: belarusian traditional culture, calendar holidays, representation, instrumentalization, ethnoregional brand, Belarusian Dvina.

УДК 94(476.5):338.48-6:7/8(476.5)

DOI 10.52928/2070-1608-2026-79-3-77-81

ИНСТИТУАЛИЗАЦИЯ СОХРАНЕНИЯ ПАМЯТИ О БЕЛОРУССКИХ ВОЕННЫХ МОРЯКАХ И ФЛОТОВОДЦАХ СССР

канд. ист. наук. **Е.В. АНДРЕЙЧИК**

(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)

В статье проанализирован процесс создания комплексной системы по сохранению памяти о белорусских военных моряках и флотоводцах СССР, которая включает в себя формирование законодательной базы, специализированных органов власти, деятельность общественных и патриотических инициатив. Полученные выводы отражают этапы коммеморации памяти белорусских моряков и флотоводцев советской эпохи в общественном сознании и мемориальных практиках.

Ключевые слова: институализация, политика памяти, белорусские военные моряки, флотилия, мемориализация.

Введение. В современной исторической науке наблюдается устойчивый рост интереса к изучению механизмов конструирования и трансляции коллективной памяти. Особое место в этом дискурсе занимает вклад белорусов в укрепление обороноспособности ВМФ СССР. Республика Беларусь, не имеющая прямого выхода к морю, традиционно воспринимается как «континентальная» страна, однако тысячи белорусских моряков всех рангов с момента становления советских вооруженных сил несли службу на Северном, Балтийском, Черноморском, Тихоокеанском флотах, а также флотилиях. В 1991 г. состоялся последний призыв белорусских новобранцев на срочную военную службу в ряды Военно-морского флота. На современном этапе в военкоматах Республики Беларусь числится около 250 тысяч военных моряков различных морских специальностей.

Под институализацией сохранения памяти понимается процесс создания системы практик, закреплённых в деятельности специально созданных институций (музеев, ветеранских организаций, учебных заведений) и поддерживаемых соответствующими нормативными актами.

Историография вопроса представлена классическими трудами по истории советского ВМФ Г.А. Аммона, С.С. Бережного [1]. В них подробно освещены боевые действия и биографии командующих. Белорусские историки Н.Н. Малишевский [2], Б.Д. Долотович [3] сосредоточили внимание на локальной событийной истории и детально анализировали вклад белорусских речных флотилий, флотоводцев из Беларуси в дело укрепления морской обороноспособности СССР. Таким образом, проблематике институализации сохранения памяти не уделено должного внимания.

Основная часть. Процесс институализации сохранения памяти неразрывно связан с разработкой нормативно-правовой базы, регулирующей данную сферу. В мае 1943 г. была издана Директива военным советам к БФ, ЧФ, СФ № 146/Ш «Об увековечивании памяти героически погибших моряков» [4]. Норматив определял порядок наименования отдельных кораблей, орудий, торпедных аппаратов, боевых постов именами героически погибших в боях краснофлотцев, командиров и политработников. В 1946 г. было принято Постановление Совнаркома ССР «О взятии воинских могил на учет и их благоустройстве». Было положено начало общегосударственной паспортизации и благоустройству воинских захоронений, включая флотские. Компетентным органом по контролю за постановкой на учет, вопросам охраны и реставрации археологических и исторических памятников являлся Комитет по делам культурно-просветительских учреждений при Совете Министров. Полномочия были закреплены Постановлением от 14 октября 1948 г. № 3898. В 1947 г. был издан альбом «Типовые проекты памятников братских индивидуальных могил воинов Советской армии и Военно-морского флота и партизан, погибших в боях с немецко-фашистскими захватчиками в ходе великой Отечественной войны». Продолжением законодательной инициативы стало принятие в 1976 г. Закона «Об охране и использовании памятников истории и культуры». Документ определял правовое поле для всех видов памятников [5, с. 57].

В послевоенной Беларуси внимание властей было сосредоточено на сохранении памяти о матросах всех рангов речных флотилий, которые входили в структуру ВМФ СССР. На белорусских речных артериях функционировали 3 флотилии: Западно-Двинская (1919–1921 гг.), Пинская (1940–1941 гг.), Днепровская (1943–1944 гг.). Флотилии состояли из переоборудованных гражданских судов с корабельной артиллерией. Функция данных сил – охрана и патрулирование прибрежной территории, мостов, обеспечение безопасности береговой инфраструктуры, огневая поддержка пехоты, минно-заградительные операции. Отряды флотилий имели в своем составе мотиторы, сторожевые катера, бронекатера, плавучие госпитали и мастерские, топливные баржи. Каждая флотилия насчитывала около 2500 речников. Начало ВОВ высший командный состав, офицеры из числа белорусов встретили на своих постах. Так как ВМФ являлось технологически самым сложным видом вооруженных сил, то на флот призывались в первую очередь те, кто уже имел морские или технические специальности. Наибольший процент призывников традиционно давали приморские области (Ленинградская, Крым, Приморье). Для Беларуси, оккупированной к июлю–августу 1941 г., организованный призыв через военкоматы на флот стал практически невозможен уже в первые месяцы войны. Основной контингент белорусов на флоте составили те, кто уже служил на флоте. Западно-Двинская речная флотилия являлась одним из первых формирований советского флота

подобного рода. Принимала бои против польской армии. Участок патрулирования проходил от Витебска до Риги. С 1919 по 1921 гг. база располагалась в Витебске. История Пинской военной флотилии связана с начальным периодом Великой Отечественной войны. Была сформирована в 1940 г. Зона патрулирования охватывала реки Припять, Днепр, Березину, Западный Буг. В боевых действиях участвовала с июня по сентябрь 1941 г. Бои проходили близ Турова, Петрикова, Бобруйска, Давид-Городка. Экипажи потопленных кораблей сражались в «сухопутных» боях. Расформирована в связи с потерей кораблей и базы. Яркий след в истории Великой Отечественной войны оставили речники Днепровской флотилии. Основные боевые операции прошли с июня по август 1944 г. в ходе Белорусской стратегической наступательной операции «Багратион». Главная задача заключалась в высадке десанта, обеспечении переправ, разведке. Павшие речники-десантники, артиллеристы флотилии нашли свое пристанище в братских могилах Петрикова и Турова. В 1944 г. за образцовое выполнение заданий Днепровская военная флотилия была награждена орденом Красного Знамени [6, с. 13].

Коммеморация краснофлотцев послевоенного периода (1944 – 1950 гг.) характеризовалась личной инициативой родственников, однополчан, которые поддерживали благоустройство захоронений. Изначально такие места обозначались деревянными пирамидками со звездами. Первыми памятниками становились бетонные стелы. На местах захоронений появлялись списки погибших, сделанные на средства сослуживцев или предприятий. Мемориализация памяти системного характера была начата с Брестской области. В честь 20-летия Победы в 1964 г. был установлен обелиск морякам Днепровской военной флотилии в Пинске, в 1966 г. – памятник в честь форсирования Днепра в Лоеве. В 1967 г. в рамках подготовки к празднованию 50-летия Октябрьской революции на месте захоронения бойцов 75-й стрелковой дивизии и моряков 6-й отдельной роты морской пехоты Пинской военной флотилии установлена скульптура Скорбящего воина (д. Ольшаны). В июле 1968 г. в День Военно-Морского флота в Пинске состоялось торжественное открытие мемориала, посвященного событиям освобождения города на месте высадки десанта Днепровской речной флотилии. Инициатором выступил коллектив Пинского судостроительно-ремонтного завода. У братской могилы погибших при освобождении города 176 моряков, бойцов 61-й армии и партизан был установлен памятник героям десанта – поднятый со дна погибший бронекатер БК-92. За годы ВОВ в морских сражениях прославили свои имена подводники, катерники, морские летчики, артиллеристы, минеры надводных кораблей. В 1968 г. установлен памятник вице-адмиралу Дрозду В.П., чья родина была в Буда-Кошелево. В 1972 г. в Петрикове открыт мемориал в честь 3 тысяч военнослужащих, а также десанта Днепровской военной флотилии. Это гранитная стела, которую венчает скульптура моряка-десантника. В г. Быхове (Могилевская обл.) в 1974 г. установлена памятная стела авиаторам 57-ой Смоленской морской ракетно-авиационной дивизии Балтийского флота. Важным этапом в мемориализации памяти стало возведение объекта общесоюзного значения «Кургана Славы». В 1969 г. состоялось торжественное открытие. Объект выполнен в виде 4 ступеней, которые символизируют 1-й, 2-й, 3-й Белорусские фронты, 1-й Прибалтийский фронт. Их основание опоясывает кольцо с барельефными изображениями моряка, советских воинов и партизан [7, с. 90].

Процесс институализации предполагал создание профильных учебных заведений. В 1951 г. приказом Главкома ВМФ СССР на учебно-материальной базе Днепровской военной флотилии был учрежден 1-й Учебный отряд ВМФ СССР. Готовили радистов, электриков, водолазов, рулевых, мотористов, химиков. До 1991 г. в Беларуси действовал полноценный военно-морской гарнизон. За период морские специальности получили 150 тыс. человек. Срок службы на океанских и морских флотах для призывников срочной службы в разные годы составлял от 5 (1939 – 1949 гг.) до 3 лет (1967 – 1991 гг.). Балтийский флот оснащался белорусскими моряками из Учебных отрядов гг. Лиепайя, Выборга, Мамоново (Калининградская обл.), Балтийска, Ломоносова. «Сердцем» Северного флота был г. Североморск. Офицеры высшего командного состава ВМФ проходили подготовку в Крандштате, Ленинграде, Калининграде, Киеве, Севастополе, Владивостоке, Хабаровске и др. Каждый третий моряк, который служил в 1980-е гг. на Балтийском флоте, был из БССР.

В 1980-е годы, несмотря на кризис советской идеологии, локальные инициативы по сохранению военно-морской памяти нашли свое воплощение в персонализации памяти героев-земляков. В 1989 г. состоялось открытие музея Героя Советского Союза вице-адмирала Г.Н. Холостякова (г. Барановичи). В 1984 г. именем моряка-подводника названа улица. В 2013 г. Барановичский музей стал первым в Республике Беларусь членом Ассоциации военно-морских музеев. В 1988 г. было открыто первое профильное учреждение дополнительного образования – Центр юных моряков с флотилией. Инициаторами выступили ветераны ВМФ, которые стремились передать молодёжи флотские знания и традиции. Первый набор составил 200 курсантов. Материальная база создавалась с опорой на ведомственную помощь советских речных и морских структур, например, Гомельского речного пароходства. На современном этапе учреждения функционируют также в Гомеле и Пинске. Юноши, получившие начальную подготовку, поступают в высшие военно-морские училища Российской Федерации (Севастополь, Калининград, Санкт-Петербург, Владивосток), что свидетельствует о сохранении межгосударственных связей в области военно-морского образования¹.

С начала 1990-х гг. вопросами поддержания в надлежащем состоянии материальных свидетельств событий ВОВ занималась комиссия по образованию, культуре и сохранению исторического наследия при Верховном Совете Республики Беларусь. Был принят ряд нормативов: Закон «Об охране историко-культурного наследия» от

¹ URL: <https://clubsea.brestgoo.gov.by/>.

13.11.1992 г. № 1940, Постановление Совмина № 763 «Об увековечении памяти защитников Отечества и жертв войн» от 21.11.1992 г., Указ Президента Республики Беларусь № 231 «Об улучшении работы по увековечению памяти защитников Отечества и жертв войн в Республике Беларусь» от 30.11.1994 г., Закон Республики Беларусь от 12 ноября 2001 г. № 55-с «О погребении и похоронном деле» и др., а также региональные программы. Нормативы определяли полномочия государственных органов в этой сфере, механизмы организации изыскательских работ, статус мест захоронения, финансовые аспекты и материально-техническое обеспечение [8, с. 13].

С 1993 г. в Республике Беларусь главенствующую роль в вопросе сохранения памяти и популяризации знаний о военном прошлом моряков играет общественное объединение «Белорусский союз военных моряков» (далее – ОО «БСВМ»). Это добровольное, независимое объединение граждан. Согласно Уставу Союз ставит перед собой задачи по патриотическому воспитанию молодежи, расширению международных связей и укреплению дружбы между военными моряками и ветеранскими организациями дружественных государств, оказание помощи ветеранам флота. В настоящее время ОО «БСВМ» насчитывает почти 1400 матросов, старшин, мичманов, офицеров и адмиралов. Филиалы функционируют в Пинске, Солигорске, а также областных центрах. Благодаря усилиям членов организации открыто 8 музеев. Установлено, что неоценимый вклад в развитие флота внесли 80 белорусских адмиралов, 20 морякам присвоено звание Героя Советского Союза. Двое соотечественников удостоены звания Героя ССР в мирное время – В. Холод и Е. Томко. Также звания Героя России удостоен контр-адмирал В. Дронов. Союз занимается открытием мемориальных досок, памятных знаков, экспозиций. Партнерскую помощь оказывает Белорусское общественное объединение ветеранов, Белорусский союз офицеров ветеранов морской пехоты, исполнительные органы власти в регионах. Усилиями членов общественных инициатив ко Дню Военно-Морского флота появились новые места памяти, например, в Шклове, Быхове, Речице, Бобруйске. В стране насчитывается 52 памятных знака, 8 музеев, 3 аллеи памяти, 1 парк².

Учебные заведения страны стали площадкой для реализации ветеранских инициатив, в частности, по открытию музеев. В 1999 г. был открыт Народный музей «Краснознаменной, ордена Ушакова 1-й степени Днепровской военной флотилии и 1 Учебного отряда Военно-Морского Флота СССР» (г. Пинск). В 2010 и в последующие годы на государственном уровне была утверждена и профинансирована программа «Беларусь помнит», целью которой являлось патриотическое воспитание, изучение военной истории. В 2019 г. встретил посетителей школьный Музей «Синяя вечность» (г. Гродно) и «Морская слава Беларуси» (г. Витебск) [9, с. 35]³. Стилистическое оформление памятных мест постсоветского периода чаще всего представлено камнями-валунами с морской атрибутикой.

С 2011 г. существенный вклад в дело сохранения памяти о героическом прошлом белорусских моряков и флотоводцев вносит международное общественно-патриотическое движение «Морское братство – нерушимо!». Это движение ставит своей целью сохранение исторической правды и флотских традиций. Организаторами движения являются ветераны ВМФ. За плечами его участников более 20 лет кропотливой поисковой работы, 200 полномасштабных международных патриотических акций, сотни тематических историко-культурных фильмов, статей, репортажей, 60 памятников и памятных знаков на территории Беларуси и России. В 2012 г. на территории историко-культурного комплекса «Линия Сталина» был открыт памятник «Морякам земли белорусской – от благодарной России». Его центральным экспонатом стал 300-летний адмиралтейский якорь, поднятый со дна Финского залива. В 2014 г. активисты движения «Морское братство – нерушимо!» подарили Республике Беларусь настоящий боевой учебный корабль-музей «Георгий Холостяков» для морских походов и тренировок юных моряков Союзного государства. В 2023 г. был запущен проект «Камни памяти». Ледниковые валуны, символизирующие «застывшие материнские слёзы», были установлены в городах воинской славы России и Беларуси. В общей сложности состоялось открытие 40 памятных знаков. С целью популяризации знаний о флотоводцах родом из Беларуси в 2018 г. «Белпочта» выпустила малый набор марок «Адмиралы военно-морского флота, уроженцы Беларуси», на которых изображены вице-адмиралы Г. Холостяков, Е. Томко, В. Дрозд и др. В 2018 г. в честь моряков Западно-Двинской военной флотилии установлен памятный знак в Витебске⁴.

Стараниями ветерана ВМФ, капитана 1 ранга В.И. Рудного в Верхнедвинске и Осеее были открыты Школы юнг, где ребята осваивали азы морского дела на белорусских озерах. В 2015 г. Осеейской библиотеке было почетно присвоено имя славного моряка. Там же установлена и памятная табличка.

Доброй традицией стало наименование учебных заведений страны именами прославленных моряков. В 2016 г. именем вице-адмирала Героя ССР Е. Томко⁵, советского военачальника, командира 11-й дивизии многоцелевых атомных подводных лодок нового поколения Северного Флота названа школа в г. Миоры. В тот же год Витебской средней школе № 8 присвоено имя капитана III ранга Анатолия Испенкова, который самоотверженно боролся с ЧС на борту субмарины «Комсомолец». На протяжении многих лет в День ВМФ в д. Язвино (место условного захоронения) проводится традиционный митинг-реквием в память о земляке. В 2015 г. установлена мемориальная табличка и названа пионерская дружина. С 1992 г. в Витебске ежегодно проводится Международный турнир по вольной борьбе памяти А.М. Испенкова. В 2023 г. Хидринской средней школе (Кобринский р-н) присвоено имя Александра Лисковича. В том же году Верхнедвинской гимназии присвоено имя Героя Советского Союза И.А. Макеенка.

² URL: <https://www.morsouyz.by/>.

³ URL: <https://www.sb.by/articles/muzey-morskaya-slava-belarusi-otkrylsya-v-vitebskoy-sredney-shkole-8.html>.

⁴ URL: <https://belta.by/regions/view/pamjatnyj-znak-zapadno-dvinskoj-flotilii-otkryli-v-vitebske-326978-2018/>.

⁵ URL: https://www.vitbichi.by/news/ofitsialno/imya_vitse_admirala_geroya_sovetskogo_soyuza_egora_tomko_prisvoili_shkole_v_miorakh/.

Благодаря ветеранским инициативам открываются памятные аллеи. 31 июля 2022 г. в Ивацевичах торжественно была открыта Аллея адмиралов земли белорусской. Стенды посвящены вице-адмиралу, Герою Советского Союза Георгию Холостякову, родившемуся в Барановичах, контр-адмиралу Олегу Шкирятову, который родом также из Брестской области, генерал-майору морской авиации Михаилу Авдееву, чья малая родина на Могилевщине, адмиралам послевоенного периода. В 2024 г. открыта «Аллея морских героев Витебщины» (г. Витебск). Объект посвящен 10 Героям Советского Союза и одному Герою России – уроженцам Витебской области. Среди них – моряки надводных кораблей и подводных лодок, летчики морской авиации, морпехи, судовой врач, адмиралы, офицеры и рядовой состав⁶. Лидерами по числу мемориалов, школ, названных в честь моряков и музеев, являются Брестская и Витебская области. Это явление объясняется располагавшимися речными флотилиями. Самая высокая концентрация «адмиральского» наследия и системная работа по его сохранению сосредоточена в Витебской области по причине почитания имен уроженцев-флотоводцев. Из 80 адмиралов-белорусов 17 были родом из Витебщины.

Формой сохранения памяти о доблестном прошлом белорусов-моряков является профессиональный праздник – День Военно-Морского флота. Отмечается в последнее воскресенье июля. Изначально праздник назывался День Советской Армии и Военно-Морского Флота, отмечался 23 февраля. Главный военно-морской парад проводится в Санкт-Петербурге в акватории Невы. В нем участвуют надводные корабли и катеры, подводные лодки, парусные суда, более 2,5 тыс. военнослужащих. В Витебской области мероприятие традиционно проходит на площади Победы г. Витебска. Иницирует его проведение областное отделение ОО «Белорусского союза военных моряков». Ежегодно в 11.00 в День ВМФ моряки собираются на площадке у фонтана «Нептун» возле ТЦ «Пралеска» в г. Новополоцке. Моряки встречаются, чтобы вспомнить славные морские традиции и отдать дань уважения героям флота. Молодые новополочане активно призывались в военно-морские силы в 1980-е годы. Служба проходила на Черноморском, Тихоокеанском, Балтийском и Северном флотах.

Белорусская православная церковь также чтит память о моряках Беларуси. При храме Державной иконы Божией Матери в Ивацевичах открыт музей Военно-Морского флота. Ежегодно 19 марта (День моряка-подводника) в Национальном мемориальном комплексе «Храм-памятник в честь Всех Святых» в Минске проводятся торжественные построения и церковные службы по погибшим подводникам.

Заключение. Таким образом, институализация сохранения памяти о белорусских военных моряках и флотоводцах СССР включила следующие аспекты: формирование нормативно-правовой базы, создание и функционирование коммеморативных институтов, включение морской памяти в систему образования и воспитания, материализацию в пространстве. В процессе институализации можно выделить три этапа.

Первый (1940-е – середина 1960-х гг.) характеризовался созданием нормативных детерминант, регулирующих вопросы увековечивания памяти моряков и флотоводцев, героически погибших в годы ВОВ. Эта память была частью общесоюзного нарратива без отдельной национальной специфики. Создана учебная платформа для подготовки военно-морских специалистов (Пинский учебный отряд ВМФ СССР).

Второй этап (середина 1960-х – 1980-е гг.) стал периодом государственно-организованной коммеморации, развернувшейся в контексте подготовки к юбилеям Победы и Октябрьской революции, именно тогда были возведены основные мемориалы матросам всех рангов Пинской речной военной флотилии, открыты первые профильные учреждения дополнительного образования (Центр юных моряков в Бресте, Гомеле). Продолжалось усовершенствование нормативной база (Закон СССР 1976 г.). В советский период локомотивом проведения политики памяти являлись партийные органы и военное командование. Благоустройство братских могил, установка типовых памятников выступали основными формами коммеморации. Финансирование осуществлялось за счет государственных дотаций и помощи предприятий.

Третий этап (с 1991 г. по настоящее время) демонстрирует адаптацию советского наследия к условиям суверенной Беларуси: при отсутствии собственного военно-морского флота память поддерживается за счёт государственного регулирования ветеранской активности. Финансирование осуществляется за счёт республиканского бюджета, спонсорской помощи, грантов союзных программ, личных средств ветеранов. Это привело к большей вариативности мемориальных форм, но также и к неравномерности коммеморативного покрытия по регионам. Главенствующую роль по патриотическому воспитанию молодежи, расширению международных связей и укреплению дружбы между военными моряками и ветеранскими организациями дружественных государств занимает «Белорусский союз военных моряков». Существенный вклад в дело сохранения памяти вносит международное общественно-патриотическое движение «Морское братство – нерушимо!». Сохранению памяти о моряках содействует Белорусская православная церковь, местные органы власти. Именами военных моряков и флотоводцев названы учреждения образования страны, библиотеки, школьные музеи.

На сегодняшний день продолжателями флотских традиций являются учащиеся Центров юных моряков с флотилиями. Формами культурно-просветительской работы являются: издание литературы, выпуск памятных марок. По количеству памятных мест, связанных с моряками и флотоводцами, выделяются два региона: Брестская и Витебская области ввиду функционирования там речных флотилий. Доминирующим механизмом трансляции памяти выступает персонализация – акцент на конкретных героях-земляках (Г.Н. Холостяков, Е.И. Томко, И.А. Макеенок и др.), вокруг которых формируется локальная коммеморативная среда. На современном этапе

⁶ URL: <https://news.sb.by/articles/v-ivatsevichakh-otkryvayut-alleyu-admiralov-zemli-belorusskoy-.html>.

институализация сохранения памяти представляет собой успешный пример функционирования системы коммеморативных практик, интегрированную в образовательную, культурную и внешнеполитическую сферы Республики Беларусь. В стране насчитывается 52 памятных знака, 8 музеев, 3 аллеи памяти, 1 парк.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аммон Г.А., Бережной С.С. Героические корабли Российского и Советского Военно-Морского Флота. – М.: Воениздат, 1981. – 204 с.
2. Малишевский Н.Н. Флотоводцы Белой Руси. – Минск: Книжный мир, 2017. – 426 с.
3. Долготович Б.Д. Адмиралы-фронтовики – наши земляки: для детей сред. и ст. шк. возраста. – Минск: Беларусь, 2023. – 32 с.
4. Директива Военным Советам к БФ, ЧФ, СФ №146/Ш «Об увековечивании памяти героически погибших моряков». (ЦВМА). – Ф. 216. Д. 12766. – Л. 222.
5. Андрэйчык К.В. Інстытуцыяналізацыя працэсаў захавання памяці пра падзеі Вялікай Айчыннай вайны ў Рэспубліцы Беларусь (1991–2017 гг.) // Копытинские чтения – I, II: сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., г. Могилев, 17–18 мая 2018 г. / под общ. ред. М.И. Матюшевской. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2018. – С. 57–60.
6. Павлович Р.К. Пинская военная флотилия в боях за Беларусь летом 1941 года. – Минск: Бел. энцикл. им. Петруся Бровки, 2020. – 48 с.
7. Андрэйчык К.В. Добраўпарадкаванне памятных і гістарычных мясцін Беларусі ў 1990-я г. як элемент палітыкі памяці і патрыятычнага выхавання моладзі // Современная молодежь и общество. – 2022. – Вып. 10. – С. 90–96.
8. Андрэйчык К.В. Добраўпарадкаванне нерухомых матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцей г. Віцебска і Віцебскай вобласці ў 1991-2001 гг.: планаванне і мерапрыемствы мясцовых улад // Витебский край: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 22 ноябю 2018 г. / Витеб. обл. библ. им. Ленина. – С. 13–15.
9. Андрейчик Е.В. Охрана недвижимых историко-культурных ценностей в регионах Беларуси в 1990-е – начале 2000-х гг. (на примере Гродненской области) // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Исторические науки. – 2020. – Т. 31, № 1(70). – С. 33–38.

Поступила 14.04.2026

INSTITUTIONALIZATION OF THE PRESERVATION OF MEMORY
ABOUT THE BELARUSIAN MILITARY SEAMEN AND THE USSR NAVAL COMMANDERS

K. ANDREICHYK
(*Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk*)

The article analyzes the process of creating a comprehensive system for preserving the memory of Belarusian naval officers and admirals of the USSR, which includes the formation of a legislative framework, specialized government bodies, and the activities of public and patriotic initiatives. The findings reflect the stages of commemorating the memory of Belarusian naval officers and admirals of the Soviet era in public consciousness and memorial practices.

Keywords: institutionalization, memory politics, Belarusian naval officers, flotilla, memorialization.

УДК 94(476)"1992/2013"

DOI 10.52928/2070-1608-2026-79-3-82-87

УСТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ МЕЖДУ РЕСПУБЛИКОЙ БЕЛАРУСЬ И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ В 1992–2013 гг.: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ**Жень ЦЗИН***(Могилевский государственный университет имени А.А. Кулешова)*e-mail: renjing1351@qq.com

Период с 1992 по 2013 год стал этапом поисков и закладки основ регионального экономического сотрудничества между Беларусью и Китаем. В данной статье под «региональным экономическим сотрудничеством» понимается экономическое и торговое взаимодействие между областями Беларуси и провинциями Китая. Перестройка международной политической и экономической структуры, вызванная окончанием холодной войны, системные экономические преобразования в Республике Беларусь после обретения независимости, изменение китайской внешнеэкономической стратегии от модели «привлечения инвестиций» к активному выходу на международные рынки – всё это совместно создало структурные условия и политическую основу для начала развития экономических связей между двумя странами. На данном этапе они определялись стратегическим планированием на государственном уровне, дополняемом инициативами местных органов власти, заложившим политическую, экономическую и институциональную основу для углубления регионального сотрудничества в будущем.

Ключевые слова: Беларусь, Китай, экономическое сотрудничество, региональные связи, стратегия «выхода на внешние рынки», торговля, инвестиции.

Введение В конце 1980-х – начале 1990-х гг. холодная война завершилась распадом Советского Союза. Беларусь объявила о своем суверенитете 25 августа 1991 г. Китайское правительство одним из первых в мире признало независимость белорусского государства 27 декабря 1991 г. Дипломатические отношения между двумя странами были официально установлены 20 января 1992 г. – это событие стало политическим фундаментом и отправной точкой для двустороннего экономического сотрудничества. Установление дипломатических отношений между Китаем и Беларусью имеет исключительную стратегическую значимость для закладки основ двустороннего экономического сотрудничества, что проявляется в трёх аспектах:

Во-первых, были созданы официальные каналы связи в области экономики и торговли. После установления дипломатических отношений обе страны быстро внедрили регулярный механизм взаимодействия между министерствами и другими госорганами, ответственными за экономику и торговлю, положив конец ситуации, при которой экономические и торговые контакты ограничивались разрозненными частными сделками. Это устранило барьеры для региональных органов власти, а также предприятий в осуществлении трансграничного сотрудничества. С 19 по 24 января 1992 г. председатель Совета министров Беларуси В.Ф. Кебич совершил официальный визит в Китай – это была первая делегация высокого уровня из Беларуси после распада Советского Союза и одна из первых делегаций из стран СНГ, посетивших Китай. 20 января стороны подписали договор об установлении дипломатических отношений и первое межправительственное соглашение о сотрудничестве в области экономики и торговли, что напрямую способствовало началу экономических и торговых контактов на региональном уровне.

Во-вторых, установились принципы сотрудничества, основанные на равенстве и взаимной выгоде. В договоре об установлении дипломатических отношений обе стороны чётко определили в качестве ключевых принципов невмешательство во внутренние дела, равенство и уважение к путям развития каждой страны; при этом была отвергнута модель сотрудничества, основанная на логике холодной войны. Такой подход соответствовал основным целям Беларуси после обретения независимости – стремлению к диверсификации внешнеэкономических связей и равноправному сотрудничеству на международной арене.

В-третьих, был достигнут быстрый рост экономической и торговой деятельности. По данным Главного таможенного управления Китая, уже в год установления дипломатических отношений объём двустороннего товарооборота между Беларусью и Китаем составил 33,9 миллиона долларов США; структура торговли характеризовалась явной взаимодополняемостью: Беларусь в основном экспортировала в Китай продукцию тяжёлой промышленности – машины, удобрения, химическое сырьё, тогда как Китай экспортировал в Беларусь текстиль, одежду, изделия лёгкой промышленности и продукты питания – товары повседневного спроса [1]. В 1993 г. объём китайско-белорусской торговли составил 39,947 млн долл. США (по данным китайской таможни), что дополнительно укрепило рыночную основу регионального сотрудничества.

С точки зрения международной обстановки установление дипломатических отношений между Беларусью и Китаем, а также начало экономического сотрудничества являются не только логическим продолжением стремления новых суверенных государств к стабильным внешним экономическим связям после распада двуполярной системы, но и стратегической мерой Китая по расширению круга торговых и экономических партнёров в Евразии; это обеспечило макроэкономическую и политическую основу для взаимодействия на региональном уровне.

Основная часть. После распада Советского Союза Беларусь вышла из единой плановой экономики; существовавшие промышленные цепочки были разрушены, каналы энергоснабжения подверглись радикальной перестройке, а формирование рыночной системы началось в условиях институционального вакуума [2]. Согласно базе

данных Всемирного банка WDI, в период с 1992 по 1995 г. годовые темпы роста ВВП Беларуси составили соответственно -9,6%, -7,6%, -11,7% и -10,4% (код показателя: NY.GDP.MKTP.KD.ZG); в тот же период годовая инфляция по индексу потребительских цен в 1994 г. достигла 2221,02% (код показателя: FP.CPI.TOTL.ZG) [3, с. 104–121]. В целом национальная экономика переживала системный спад, что потребовало срочного поиска новых торговых партнёров для стабилизации поставок товаров первой необходимости, а также привлечения внешнего капитала и технологий. Основные характеристики экономических трудностей Беларуси в этот период, а также её потребности во внешнем сотрудничестве можно свести к четырём ключевым аспектам:

Во-первых, речь идет об инфляции и нарушении стабильности функционирования денежной системы. В процессе либерализации цен при переходе от плановой экономики к рыночной чрезмерный выпуск денег привел к экстремальной инфляции; резкое обесценение национальной валюты вызвало значительное снижение реальной покупательной способности населения и серьезный дефицит товаров первой необходимости. Такая макроэкономическая нестабильность создала жесткую потребность в обеспечении постоянных поставок потребительских товаров с внешних рынков.

Во-вторых, существовала большая структурная зависимость от внешних поставок энергии и сырья. Беларусь – страна без выхода к морю с ограниченными природными ресурсами: уровень самодостаточности в области первичной энергетики составляет менее 5%; около 90% потребления нефти и 99% потребления природного газа покрываются за счёт импорта из России [4]. После распада Советского Союза Россия постепенно прекратила скрытые энергетические субсидии и перешла на рыночное ценообразование, что привело к резкому росту затрат на закупку энергоресурсов в Беларуси и нанесло прямой удар по ключевым отраслям экономики, чувствительным к энергоснабжению, таким как химическая промышленность и машиностроение.

В-третьих, хотя Беларусь и сохранила относительно развитую промышленную базу эпохи СССР, включающую машиностроение, химическую промышленность, оптическое приборо- и автомобилестроение, а также высокий уровень квалификации рабочей силы и технической подготовки, уровень износа оборудования был высоким, а темпы его технологического обновления существенно замедлились, что приводило к трудностям в выпуске продукции, соответствующей международным требованиям. В то же время распад внутреннего рынка Советского Союза привёл к прекращению традиционных каналов сбыта, а западные рынки были защищены высокими барьерами. Беларусь оказалась перед двойной дилеммой: наличие производственных мощностей без соответствующего рынка и наличие технологической базы без возможностей для модернизации. В результате возникла насущная потребность во внешнем технологическом трансфере, обновлении оборудования и расширении каналов сбыта.

В-четвёртых, стратегически была необходима диверсификация внешнего сотрудничества. На ранних этапах своего развития Беларусь пыталась интегрироваться в западную экономическую систему, однако обещанная западом экономическая помощь и переход к рыночным институтам так и не поступила, а переход к рыночным институтам не был осуществлён. В то же время асимметричная зависимость от российской экономики продолжала углубляться. Китай, благодаря своей комплексной промышленной системе, огромному потребительскому рынку и разнообразию производственных возможностей, мог выполнять двойную функцию – рынка сбыта продукции и источника инвестиций.

Основными целями внешнеэкономической политики Беларуси были обеспечение стабильных поставок товаров первой необходимости, импорт технологий и оборудования, расширение рынков сбыта промышленной продукции и получение финансирования по низким кредитным ставкам. Данные факторы стали движущей силой запуска регионального сотрудничества между Беларусью и Китаем.

Стратегии Китая по выходу на международный рынок и ориентация на сотрудничество в Евразии. Период с 1990-х гг. по 2013 г. стал ключевым этапом трансформации стратегии открытости Китая. Модель открытости постепенно сместилась от одностороннего подхода «привлечения внешних инвестиций» к сбалансированному подходу, сочетающему как привлечение инвестиций, так и продвижение своих товаров на международных рынках. Разработка, формулировка и институциональное внедрение стратегии «выхода на международные рынки» оказали глубокое влияние на первоначальную форму и выбор путей регионального сотрудничества между Китаем и странами Евразии, в т.ч. с Беларусью.

В 1996 г. руководство КНР начало разрабатывать концепцию открытости под названием «выход на внешние рынки». После азиатского финансового кризиса в июле 1997 г. было важно распределить риски и обеспечить комплексное управление внутренними и внешними рынками, что объективно послужило внешним ориентиром для определения направления стратегии «выхода на внешние рынки» [5, с. 315 – 318]. В 2000 г. на пятом пленуме XV съезда КПК эта стратегия была официально превращена в долгосрочную государственную стратегию, центральной целью которой стало расширение за рубежом производственных мощностей с конкурентными преимуществами, использование глобальных ресурсов и рынков, смягчение структурного избытка производственных мощностей внутри страны и формирование предприятий с международной конкурентоспособностью. Такое стратегическое институциональное регулирование предоставило ключевую политическую поддержку провинциям и компаниям Китая в освоении новых рынков в евразийском регионе, включая Беларусь.

На начальном этапе реализации стратегии «выхода на внешние рынки» внешнеэкономическая и торговая деятельность Китая характеризовалась пространственной структурой, при которой ведущую роль играли провинции восточного побережья. Прибрежные провинции – Гуандун, Чжэцзян, Цзянсу, Шаньдун – благодаря своим преимуществам в легкой промышленности, электронике и информационных технологиях, текстильной и текстильно-

одежной отраслях лидировали в торговле и инвестициях в Беларусь. Частные предприятия этих провинций первыми начали вести торговые переговоры и проводить выставки продукции в Беларуси, установив связи с Минской и Могилевской областями.

Важное значение придавалось сотрудничеству Китая именно с государствами евразийского региона, в том числе и для выхода на европейский рынок. При этом учитывалось, что на постсоветском пространстве сохранялись относительно полная промышленная база и высококвалифицированные рабочие ресурсы, что обеспечивало взаимодополняемость с промышленной структурой Китая. Правительство Китая, руководствуясь принципами равенства и взаимной выгоды, отсутствием политических условий, основной акцент делало на торговлю, дополняемую пробными инвестициями, при этом приоритет отдавался отраслям машиностроения, химической промышленности и сельскому хозяйству стран-партнеров. Такой подход к сотрудничеству в значительной степени соответствовал целям экономической трансформации Беларуси. Учитывались стратегическая значимость Беларуси, расположенной на геополитическом перекрёстке между СНГ и Евросоюзом, и её потенциал стать транспортным узлом в евразийском логистическом коридоре. Кроме того, Беларусь располагала развитой химической промышленностью, машиностроением и сельским хозяйством, что делало её особо привлекательной для реализации китайской стратегии «выхода на международный рынок» в евразийском регионе. Китайские провинции начали активно налаживать взаимодействие с областями Беларуси, нарабатывая опыт сотрудничества в химической промышленности и сельском хозяйстве с Могилевской областью.

Институциональная основа двустороннего экономического сотрудничества. В целях развития двусторонних экономических и торговых отношений, защиты прав и интересов субъектов рынка, а также снижения транзакционных издержек и инвестиционных рисков Китай и Беларусь в период с 1992 г. до середины–конца 1990-х гг. последовательно заключили ряд экономических и торговых соглашений, регулировавших правила торговли, защиту инвестиций, координацию механизмов и налоговое регулирование, которые стали фундаментальной правовой основой для регионального экономического сотрудничества.

20 января 1992 года Китай и Беларусь подписали соглашение об экономическом и торговом сотрудничестве между правительством Китайской Народной Республики и правительством Республики Беларусь. Основные положения соглашения включают: взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования; установление единых правил в вопросах налогообложения, лицензирования импорта и экспорта, таможенного оформления и контроля качества товаров; разрешение использования свободно конвертируемых валют при торговых расчётах при сохранении гибкости расчётов в национальных валютах; а также установление процедурных норм по урегулированию торговых споров [6]. Данное соглашение эффективно устранило институциональные барьеры в двусторонней торговле, предоставило местным предприятиям чёткую и предсказуемую правовую основу для осуществления трансграничной торговли и стало фундаментальным правовым основанием для торгового сотрудничества между Китаем и Беларусью.

Соглашение между правительством Китайской Народной Республики и правительством Республики Беларусь от 11 января 1993 г. о поощрении и взаимной защите инвестиций стало фундаментом для двусторонней защиты инвестиций. Основные положения соглашения включают: определение понятия «инвестиции», охватывающее движимое и недвижимое имущество, доли в капитале, интеллектуальную собственность и концессии; обязательства сторон предоставлять инвесторам равное и справедливое обращение; установление принципов изъятия инвестиций, основанных на общественных интересах, без дискриминации, в соответствии с установленной законодательством процедурой и с обеспечением компенсации; гарантию свободного перевода доходов от инвестиций и результатов ликвидации; а также создание международного арбитражного механизма между инвесторами и принимающей страной [7]. Данное соглашение обеспечило китайским компаниям институциональную защиту при входе на рынки Беларуси в таких сферах, как химическая промышленность, сельское хозяйство, а также в свободных экономических зонах, стабилизировало инвестиционные ожидания при снижении политических рисков.

17 января 1995 г. две страны подписали соглашение между правительством Китайской Народной Республики и правительством Республики Беларусь о предотвращении двойного налогообложения доходов и имущества и о борьбе с уклонением от уплаты налогов [8]. Основой соглашения является разделение налоговой юрисдикции между странами; в нем предусмотрены льготы по удержанию подоходного налога с трансграничных доходов – дивидендов, процентов и лицензионных платежей, – что позволяет исключить двойное налогообложение одного и того же дохода. Это снижает налоговые издержки для китайских предприятий при осуществлении промышленного сотрудничества в различных регионах Беларуси, особенно в промышленных центрах, таких как Могилев, и создаёт количественно оцениваемые институциональные стимулы для инвестиционных решений.

В первой половине 1990-х гг. Китай и Беларусь постепенно создали стабильные механизмы консультаций, такие как Комитет по экономическому, торговому и научно-техническому сотрудничеству, который под руководством глав торговых ведомств двух стран координирует межведомственные вопросы, связанные с торговлей, инвестициями, региональным сотрудничеством и упрощением таможенных процедур.

Исходя из вышеизложенных институциональных механизмов, с 1992 г. до середины–конца 1990-х гг. Китай и Беларусь постепенно сформировали нормативно-правовую базу сотрудничества, охватывающую торговлю, инвестиции, налогообложение. Это способствовало переходу от краткосрочных, разрозненных сделок к модели регионального сотрудничества, основанной на государственном руководстве, рыночных механизмах и институциональной поддержке, заложив тем самым институциональную основу для дальнейшего углубления сотрудничества регионов двух стран.

Расширение пространственного охвата региональных связей. В 1992 – 2013 гг. активно участвовали в экономическом сотрудничестве с Беларусью восточные прибрежные регионы КНР, в меньшей степени – провинции центральных и западных районов страны [9]. В 1994 г. провинция Хубэй установила партнёрские отношения с Брестской областью; с 2005 г. провинция Хэйлунцзян начала сотрудничество с Витебской областью; в 2007 г. провинция Ганьсу установила дружественные отношения с Гродненской областью, а Внутренняя Монголия в 2011 г. – с Гомельской областью. Из белорусских областей наиболее развитые экономические связи с Китаем имели Минская, Могилевская, Гомельская и Брестская области. В целом сотрудничество между провинциями КНР и областями Республики Беларусь в этот период основывалось в первую очередь на подписании дружественных соглашений и установлении предварительных связей, сотрудничество характеризовалось скорее точечной, децентрализованной и локальной направленностью.

Модель участия регионов Китая: ведущая роль восточных прибрежных районов. На начальном этапе двустороннего экономического и торгового сотрудничества между Китаем и Беларусью, а также в ходе его углубления в 1992 – 2013 гг. ведущую роль играли восточные прибрежные провинции и муниципалитеты – Гуандун, Чжэцзян, Цзянсу, Шаньдун и Шанхай благодаря своим географическим преимуществам и прочной промышленной базе. Можно выделить следующие периоды в развитии белорусско-китайских региональных связей:

Период инициативного развития (1992–2000 гг.): в первые годы после обретения независимости Беларуси наблюдался значительный дефицит поставок товаров первой необходимости. Провинции Гуандун, Чжэцзян и Цзянсу, опираясь на свои производственные мощности в области лёгкой и текстильной промышленности, стали первыми китайскими регионами, вышедшими на рынок Беларуси. Структура экспорта этих провинций соответствовала потребностям белорусского рынка; их доля в общем объёме торговли Китая с Беларусью постоянно росла из года в год.

Период углубления и расширения (2001–2013 гг.): после вступления Китая в ВТО и расширения политики открытости объём внешней торговли с Беларусью восточных провинций продолжал расти. В 2012 г. общий объём торговли Китая с Беларусью достиг 1,58 млрд долл. США (по данным китайских статистических органов), при этом основную долю составила продукция восточных провинций [10]. Провинция Гуандун специализировалась на экспорте готовой бытовой техники и электронных компонентов; провинция Чжэцзян выделялась товарами лёгкой промышленности, металлургии, строительных материалов, текстиля и одежды; провинция Цзянсу сосредоточилась на экспорте промышленной продукции – механического и химического оборудования.

Прибрежные транспортные узлы Гуанчжоу, Шэньчжэнь, Нинбо и Шанхай благодаря развитой сети международных маршрутов стали ключевыми логистическими центрами для экспорта китайских товаров в Беларусь. На данном этапе значительная часть китайской экспортной продукции поступала в Беларусь через Россию, а также через порты в Литве, Латвии и Польше. Причины ведущей роли восточного побережья в развитии экономических связей с Беларусью:

Во-первых, на восточном побережье сформировалась полноценная промышленная цепочка, охватывающая лёгкую промышленность, производство бытовой техники, электроники и машиностроение. Продукция китайских предприятий позволила не только устранить дефицит потребительских товаров после обретения Беларусью независимости, но и удовлетворить потребности страны в обновлении оборудования для модернизации собственной промышленности.

Во-вторых, на протяжении долгого времени в Китае действовала система утверждения прав на внешне-торговую деятельность; после 1992 г. восточные прибрежные регионы первыми начали пилотные реформы в сфере внешней торговли [11]. После вступления в силу нового «Закона о внешней торговле» в 2004 г. была внедрена система регистрации прав на внешнеторговую деятельность, что позволило частным предприятиям прибрежных районов ещё больше раскрыть свой потенциал. Им, опираясь на такие устоявшиеся национальные международные выставочные платформы, как Кантонская ярмарка, с 2000 г. удалось значительно усилить влияние на рынке стран СНГ: было создано множество частных предприятий и специализированных внешнеторговых организаций, обладающих опытом транснациональных переговоров и привлечения зарубежных клиентов; они активно способствовали реализации двусторонних экономических и торговых соглашений через самостоятельные переговоры, участие в выставках и краткосрочное агентское сотрудничество.

В-третьих, сыграли роль благоприятное географическое расположение и развитая сфера услуг. Морская портовая сеть значительно снижала затраты на океанические логистические перевозки и хранение грузов; кроме того, в восточных провинциях и городах сосредоточены специализированные сервисные ресурсы – переводчики иностранных языков, юридические консультанты по международным вопросам и компании по трансграничным деловым консультациям. Это помогало эффективно решать проблемы в коммерческом взаимодействии на ранних этапах сотрудничества Китая и Беларуси, создавая прочную основу для развития частной торговли.

В период с 1992 по 2013 год провинции центральных и западных регионов Китая, а также приграничные северные территории – Синьцзян и Внутренняя Монголия – демонстрировали ограниченное участие в региональном сотрудничестве с Беларусью, что характеризовалось явным дисбалансом: восточные регионы были сильнее западных, а прибрежные – сильнее внутренних. Провинции центрального региона, такие как Хэнань, Хубэй и Хунань, а также города и провинции западного региона – Сычуань, Шэньси и Чунцин – в основном осуществляли небольшую торговлю через национальные отраслевые выставки и однократные деловые поездки руководителей предприятий [12]. В северных пограничных регионах, таких как Синьцзян и Внутренняя Монголия, ещё не были созданы стабильные трансграничные маршруты грузоперевозок. В 2011 г. был запущен первый поезд между Китаем и Европой (из Чунцина в Дуйсбург), проходивший через Беларусь; однако до 2013 г. Беларусь не

являлась ни конечной точкой поезда, ни стабильным пунктом поставки грузов, поэтому не сформировалась постоянная логистическая инфраструктура для прямых перевозок в Беларусь. К тому же сказывались однотипность местной промышленной структуры, отставание в развитии внешнеторговых и экономических сервисов, а также медленное налаживание партнёрских отношений с городами-партнёрами в белорусских регионах. В результате географические преимущества пограничных районов не были эффективно преобразованы в масштабное и постоянное сотрудничество в области промышленности и торговли.

С белорусской стороны, Минская, Могилевская и Гомельская области благодаря своим кадровым ресурсам, промышленной базе и сельскохозяйственному потенциалу стали основными регионами сотрудничества, наладившими экономическое сотрудничество с Китаем.

Минская область обеспечивает около четверти общего объема промышленного производства в Республике Беларусь [13]. Город Минск и Свободная экономическая зона Минска (созданная в 1998 г.) стали основными точками входа китайских предприятий в Беларусь; такие ведущие предприятия, как Минский тракторный завод и Минский завод колесных тягачей, первыми установили торговые и технические связи с китайскими компаниями [14, с. 20–40]. Основными направлениями сотрудничества стали машиностроение, автомобильная промышленность, оптика и научно-технические услуги. Минская область установила экономические и торговые связи с провинцией Гуандун и городским округом Чунцин в Китае. В 2012 г. провинция Гуандун и Минская область подписали официальное соглашение о дружбе и провели мероприятие «Неделя Гуандуна», став тем самым одним из первых примеров успешного регионального белорусско-китайского партнёрства.

Могилевская область развивала связи с Китаем благодаря промышленному кластеру химической промышленности, высококачественным сельскохозяйственным ресурсам и квалифицированной рабочей силе. В области расположены крупнейшие в Беларуси предприятия по выпуску синтетического каучука, химических волокон и удобрений. Сельское хозяйство достигло высоких показателей в выращивании картофеля и льна, производстве кормов. В рамках раннего сотрудничества в период с 1995 по 2013 год с китайскими химическими предприятиями осуществлялся экспорт синтетического каучука и химического сырья; с провинциями Хэнань и Цзянсу были запущены пилотные проекты по обмену сельскохозяйственными технологиями; Свободная экономическая зона Могилева (учреждённая в 2002 г.) начала привлекать китайские инвестиции [14, с. 20–40]. С точки зрения масштабов сотрудничества, Могилевская область является одним из ключевых участников белорусской торговли с Китаем; экспорт химической продукции занимает важное место в этом процессе, что способствует формированию модели двойного подхода к сотрудничеству с Китаем на основе сочетания химической промышленности и сельского хозяйства.

Гомельская область – важный аграрный регион Беларуси. Сельскохозяйственные угодья занимают около 30% общей площади региона. В Китай экспортируются лен, масличные культуры и минеральные корма; развивается сотрудничество между сельхозпредприятиями области и провинциями Внутренней Монголией и Хэйлунцзяном. В 2011 г. Китай предоставил кредитную поддержку для модернизации бумажной фабрики в Добруше и модернизации автомагистрали [15, с. 35–40]. Таким образом, Гомельская область, являясь ключевой сельскохозяйственной зоной юга Беларуси, служит важным узлом для экспорта сельскохозяйственной продукции в Китай.

Брестская, Витебская и Гродненская области из-за различий в отраслевой специфике находились на начальном этапе сотрудничества с Китаем: Брестская область использовала свои логистические узлы для организации транзитной торговли; Витебская область налаживала экономические и торговые связи с провинцией Хэйлунцзян; Гродненская область установила дружественные связи с провинцией Ганьсу.

Заключение. В период с 1992 по 2013 год региональное сотрудничество между Китаем и Беларусью находилось на стадии экспериментов и поиска оптимальных решений; его основной формой функционирования являлись самостоятельные инициативы предприятий и реализация отдельных проектов.

К концу 2013 г. Китай и Беларусь официально оформили более десяти договоров о сотрудничестве между китайскими провинциями и белорусскими областями, а также между городами двух стран. Можно выделить установившиеся договорные отношения провинции Хубэй и Брестской области (1994 г.), провинции Цзянсу и Могилевской области (1997 г.), провинции Хэйлунцзян и Витебской области (сотрудничество начато в 2005 г.; дружественные отношения между провинциями были официально заключены в 2014 г.), провинции Хэнань и Могилевской области (договор о дружественных отношениях подписан в 2004 г.), провинции Ганьсу и Гродненской области (2007 г.), Автономного района Внутренней Монголии и Гомельской области (2011 г.), провинции Гуандун и Минской области (2012 г.). Среди дружественных городов можно отметить пары Чанчунь – Минск (1992 г.), Чжэнчжоу – Могилев (2008 г.) и др. [16].

С 1992 по 2013 год пространственная структура регионального экономического сотрудничества между Китаем и Беларусью характеризовалась следующими доминирующим положением провинций восточного побережья Китая, преобладанием спонтанных, неинституциональных форм взаимодействия. Такая пространственная организация определялась экономическими особенностями, уровнем открытости стран и стратегическим планированием: промышленные и географические преимущества восточного Китая, а также ресурсная и промышленная база областей Беларуси создавали предпосылки для установления региональных связей. В результате была заложена основа для последующего точечного и целенаправленного взаимодействия между регионами Китая и Беларуси и создана историческая основа для всестороннего расширения и совершенствования механизмов сотрудничества после 2013 года.

ЛИТЕРАТУРА

1. Министерство торговли Китайской Народной Республики. Отдел по торгово-экономическим вопросам Посольства Китайской Народной Республики в Республике Беларусь. Двусторонняя торговля между Китаем и Беларусью. – URL: <https://by.mofcom.gov.cn> (дата обращения: 17.04.2026).
2. Всемирный банк. Всемирные индикаторы развития. Темп роста ВВП (годовой %): Беларусь. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.МКТР.KD.ZG?locations=BY> (дата обращения: 01.04.2026).
3. 白俄罗斯简史 / А.А.科瓦列尼 主编. (译) 赵会荣. – 北京, 2016. – 396 页.
4. German Economic Team (GET). Энергетический сектор Беларуси: стратегия или застой? – URL: <https://www.german-economic-team.com> (дата обращения: 29.03.2026).
5. 中共中央党史和文献研究院. 中国共产党简史. – 北京, 2021. – 531 页.
6. Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Республики Беларусь. Подписано в Пекине 20 января 1992 г. – URL: <https://treaty.mfa.gov.cn/web/detail.jsp?objid=1531876677461> (дата обращения: 11.05.2026).
7. Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Республики Беларусь. Подписано в Пекине 11 января 1993 г., вступило в силу 14 января 1995 г. – URL: <https://treaty.mfa.gov.cn/web/detail.jsp?objid=1531876693901> (дата обращения: 22.03.2026).
8. Государственное налоговое управления Китайской Народной Республики. Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Республики Беларусь об избежании двойного налогообложения и предотвращении уклонения от уплаты налогов в отношении доходов и имущества (с протоколом). Подписано в Пекине 17 января 1995 г., вступило в силу 3 окт. 1996 г. Уведомление Государственного налогового управления КНР о вступлении в силу данного Соглашения: Госналог [1996] № 157 от 12 сентября 1996 г. – URL: <https://www.chinatax.gov.cn/chinatax/n810341/n810770/c1153401/5027026/files/11534013.pdf> (дата обращения: 20.04.2026).
9. Belarus.by. Гомельская область и Автономный район Внутренняя Монголия КНР развивают сотрудничество. – URL: <https://www.belarus.by> (дата обращения: 09.05.2026).
10. Финансовый канал «People's Daily». Китайско-белорусское экономическое и торговое сотрудничество вступает на новый этап. – URL: <http://finance.people.com.cn/n/2014/0126/c1004-24226798.html> (дата обращения: 16.03.2026).
11. Министерство торговли Китайской Народной Республики. Управление по договорам и законодательству. Закон КНР о внешней торговле. – URL: <http://tfs.mofcom.gov.cn>. (дата обращения: 04.05.2026).
12. Информационное агентство Синьхуа. Первый поезд Китай-Европа отправился. – URL: <http://www.xinhuanet.com> (дата обращения: 06.03.2026).
13. Офис по иностранным делам Народного правительства провинции Цзилинь. Минск, Республика Беларусь. – URL: https://wb.jl.gov.cn/dwjl/yhcs_85472/201910/t20191017_6114445.html (дата обращения: 06.05.2026).
14. Мороз, Д. Исследование экономического и торгового сотрудничества Беларуси и Китая : магистерская диссертация / Хэйлунцзянский университет. – Харбин, 2019. – 106 с.
15. 商务部国际贸易经济合作研究院. 中国驻白俄罗斯共和国大使馆经济商务处, 商务部对外投资和经济合作司. – 北京, 中国商业出版集团. 2020. – 142 页.
16. Министерство иностранных дел Китайской Народной Республики. Посол в Беларуси Се Сяюнь принял участие в видеоконференции по подписанию дорожной карты сотрудничества между провинцией Хэнань и Могилёвской областью. – URL: <https://www.mfa.gov.cn> (дата обращения: 05.05.2026).

Поступила 02.04.2026

THE ESTABLISHMENT AND DEVELOPMENT OF ECONOMIC RELATIONS
BETWEEN THE REPUBLIC OF BELARUS AND THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA
IN 1992–2013: A REGIONAL ASPECT

Ren JING
(Mogilev State A. Kuleshov University)

The period from 1992 to 2013 became a stage of exploration and laying the foundations for regional economic cooperation between Belarus and China. In this article, “regional economic cooperation” refers to economic and trade interaction between the regions of Belarus and the provinces of China. The restructuring of the international political and economic order caused by the end of the Cold War, the systemic economic transformations in the Republic of Belarus after gaining independence, and the shift in China’s foreign economic strategy from a model of “attracting foreign investment” to actively entering international markets – all of these jointly created the structural conditions and political basis for the beginning of the development of economic ties between the two countries. At this stage, these ties were determined by strategic planning at the national level, supplemented by initiatives of local authorities, which laid the political, economic and institutional groundwork for deepening regional cooperation in the future.

Keywords: Belarus, China, economic cooperation, regional ties, “going global” strategy, trade, investment.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Магалинский И.В. Новые данные по химическому составу изделий из цветных металлов XVII в. с территории Полоцка (по материалам археологических раскопок 2025 г. на Островском посаде)	2
Никитко А.А. Украшения, детали костюма и производственные отходы из цветных и черных металлов с селища Речки-2 Вилейского района Минской области по материалам раскопок 2020, 2021 и 2024 гг.	6
Юрецкая Я.В. Женские металлические украшения X–XIII вв. с территории Центральной и Южной Беларуси в трудах археологов (1920-е – 2020-е гг.)	12
Каминская Д.С. Результаты палеопатологического исследования населения Полоцка XI–XIII вв. (по данным археологических раскопок на территории Верхнего замка)	17
Юрецкий С.С. Станаўленне канцэпцыі балцкага субстрату ў этнагенезе беларусаў у працах В.В. Сядова (1950 – 1970-я гг.)	22
Соловьёв А.А. Результаты натурных исследований руин костёла св. Анны (Иоанно-Богословской церкви) в г. Полоцке	27
Сидорович Е.А. Мусульманские альхамы Королевства Кастилия и Леон в XIII–XV вв.: структура, функции и правовой статус	36
Борун Е.Н. Православные монастыри города Витебска: функционирование, хозяйственная деятельность, структура (вторая треть XIX – начало XX вв.)	40
Котусев Е.Н. Историографическая оценка сочинений Марникса де Сент-Альдегонда в работе Н.Н. Любовича	47
Аўсейчык Ю.А. Гісторыя вывучэння дзейнасці рымска-каталіцкіх жаночых манаскіх кангрэгацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.)	51
Коверсун В.Г. Социально-экономическое развитие Витебска в период нэпа (1921–1928 гг.)	55
Тютюнков А.Н. Деятельность советско-партийных школ по подготовке женщин-председателей сельских советов в 1934 г. (на примере могилевской советско-партийной школы имени К.Е. Ворошилова)	58
Сумко Е.В. Канфлікт звычаёвых практык і прававых нормаў у пасляваеннай беларускай вёсцы (на матэрыялах судовых спраў, калгасных пратаколаў і этнаграфічных крыніц)	63
Довгяло Н.В. Полоцкий государственный педагогический институт в 1953–1958 гг: результаты образовательной и научной деятельности, студенчество и преподавательский состав	67
Цыганкова А.С. Традыцыйныя каляндарныя святы Беларускага Падзвіння: сучасныя рэпрэзентацыі і формы выяўлення	70
Андрейчик Е.В. Институализация сохранения памяти о белорусских военных моряках и флотоводах СССР	77
Жень Цзин Установление и развитие экономических связей между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой в 1992–2013 гг.: региональный аспект	82